

Марина Тишанская

Проклятье старинного кольца

Марина Антоновна Тишанская

Проклятье старинного кольца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68907123

SelfPub; 2023

Аннотация

Аспирант Кирилл Воробьев встречает незнакомца, который просит его поносить в кармане экспериментальный прибор – концентратор эмоциональной энергии для того, чтобы он зарядился от энергии студентов во время занятий. Кирилл заинтересовывается прибором и проводит испытание, в котором обнаруживает, что при определенных условиях концентратор показывает сцены из прошлого. В одной из таких сцен он видит старинный замок и его обитателей. В это же время из зала местного музея пропадает школьница десятого класса Лиля Михайлова. Выясняется, что перед пропажей она рассматривала в витрине кольцо семейства Бэклоу. Рядом с кольцом лежала тетрадь с записанной в ней легендой о кольце. В легенде говорилось, что иногда кольцо начинает сверкать, и стоящий рядом с ним человек исчезает навсегда.

Содержание

Глава 1. Таинственный незнакомец	4
Глава 2. Эксперимент	24
Глава 3. В старом замке	56
Глава 4. Камень потускнел	82
Глава 5. Где Лиля Михайлова?	99
Глава 6. Долги Ричарда	119
Глава 7. Леди Эстер	140
Глава 8. В Заливном Осетре	160
Глава 9. Над сэром Джорджем сгущаются тучи	192
Глава 10. Как зарядить концентратор?	212
Глава 11. Леди Эстер действует	232
Глава 12. Неожиданные открытия	257
Глава 13. Приезд невесты	270
Глава 14. Перемены в судьбе	296
Глава 15. Альфред Гутс	320
Глава 16. Кольцо работает	334
Глава 17. Ричард берет власть в свои руки	353
Глава 18. Дуэль	374
Глава 19. Добро побеждает	398

Марина Тишанская

Проклятье старинного кольца

Глава 1. Таинственный незнакомец

Утро выдалось тихое, по-весеннему свежее, зеленое и голубое. Ночной дождь отмыл дорожки, молодая травка сплошным ковром стелилась по земле. Запах весны, чистоты и ранней листвы кружил голову. Прохладный воздух бодрил, заставлял прибавить шагу, но торопиться было некуда.

Здание Политеха, бывшего дома помещика Финикова, плыло в бледно-голубом утреннем небе. Это здание всегда вызывало у Кирилла странное чувство. Оно манило его, тянуло, как магнит. Оно бросало ему вызов. Еще в детстве он мечтал, как станет учиться в его стенах. И в то же время Политех казался недостижимым, как кольца Сатурна.

Но всему свое время – и кольцам Сатурна в том числе. Пробежавшие мимо первокурсники, опаздывающие на лекцию, напомнили Кириллу, как несколько лет назад он, получив студенческий билет, ушел на берег Севрюжки, спрятался за густой, усыпанный ягодами куст боярышника, чтобы не попасться на глаза кому-нибудь из знакомых, и полчаса лю-

бовался новеньким студенческим. Он был для Кирилла воплощением мечты, обещанием волшебных перемен, славы и необыкновенных событий.

Прошло время, диплом физфака занял свое место в коробке с семейными документами. Действительность оказалась и проще, и гораздо увлекательнее, чем мечты. Темпорология из сказки превратилась в стройные ряды уравнений, в теории, в кропотливую работу в лаборатории и перспективные проекты в будущем. Кирилл стал аспирантом, сам вел занятия на первом и втором курсе. Но ощущение грядущих волшебных перемен не проходило.

Весна согревала радостным солнышком, манила в чудесные дали. Заниматься, а тем более вдабливать давно выученное в кружащиеся от первой зелени головы бестолковых студентов совершенно не хотелось.

Кирилл наступил в лужу, зачерпнул ботинком, намочил штанину, и это вернуло его мысли в практическое русло. Сегодня последний семинар, а потом коллоквиум. И, соответственно, отчет. Лисицын шутить не будет. Кирилл не обманывался насчет своих педагогических способностей. Будущих светил отечественной темпорологии он не воспитает. Но для отчета это и не требуется. А вот посещаемость и приличные отметки на зачете – это будьте добры. Если вдабить второкурсникам общие положения темпорологии Кирилл еще мог, то с посещаемостью дела обстояли совсем не так благополучно.

В бытность свою студентом Кирилл и сам мог с удовольствием прогулять денек, особенно в хорошую погоду. В самом деле, молодость пройдет, а наука никуда не денется.

Но сейчас, оказавшись по другую сторону кафедры, он был уже далеко не так снисходителен. Особенно его беспокоил Копейников. Этого таинственного студента он не видел ни разу! Семь семинаров, сегодня восьмой, но надежды, что этот разгильдяй соизволит явиться, нет никакой. А это значит – неуд!

Это просто подло! Почему Кирилл должен чувствовать себя виноватым из-за чужих прогулов? Почему должен слушать брюзжание завкафедрой, ежиться под тяжелым взглядом декана? В конце концов, не иметь из-за этого возможности лишний раз зайти к декану в приемную? Туда и так непросто зайти. Там Настя. А выслушивать нотации в ее присутствии – это вообще невыносимо.

Разгоряченный такими мыслями, Кирилл прибавил шагу и, сам не заметив, как, столкнулся с невысоким плотным человеком, появившимся словно из-под земли. Во всяком случае, Кирилл его не видел. Мужчина с размаху боднул его головой, и Кирилл, естественно, остановился.

– Ох, простите меня, ради Бога. Я, видимо, замечтался – запричитал Кирилл.

– Ничего, молодой человек, это бывает в вашем возрасте. А то, что мы столкнулись, в какой-то степени удачно. Я давно собирался с вами поговорить.

– Давно? Странно. Мы с вами, кажется, незнакомы.

Кирилл был уверен, что никогда раньше не видел этого человека. На попрошайку он не похож. Вполне приличный мужчина. Но и на факультете они точно не встречались. Может, кто-то из маминых знакомых?

– Это не страшно. Давайте познакомимся. Меня зовут Альфред Эдуардович. И не бойтесь, я не бандит.

– Да я и не думал ничего подобного. Приятно познакомиться, Кирилл.

– Мне тоже приятно, Кирилл Сергеевич. Вы не могли бы уделить мне полчаса своего драгоценного времени?

Кирилл задумался. Пожалуй, это знакомый отца. Иначе откуда бы ему знать отчество Кирилла? Впрочем, возможно, сейчас все выяснится само собой.

– Думаю, мог бы. У меня сегодня нет первой пары. Правда, я собирался написать кое-какие отчетные бумаги на кафедре. Но, в принципе, могу сделать это и после занятий.

– Благодарю вас, я так и думал. Давайте присядем вон на ту лавочку около клумбы.

Недоумевающий Кирилл послушно сел на лавочку. Рядом примостился незнакомец.

– Откуда вы меня знаете? Вы работаете вместе с отцом?

– Нет. К сожалению, не имел чести. Ваш батюшка хорошо известен в научных кругах, но лично встречаться нам не приходилось. Однако вернемся к нашему разговору. Дело в том, Кирилл Сергеевич, что мы очень рассчитываем на вашу

помощь.

– Кто это «вы»?

– О, не пугайтесь. Вы интересуете нас исключительно как ученый, как независимый исследователь.

Кирилл зарделся, но промолчал. Он, конечно, понимал, что его вклад в науку пока ничтожен, но похвала, пусть и незаслуженная, не оставила его равнодушным.

– Мы рассмотрели множество кандидатур, и лучше вас не найти.

– Пожалуйста, я готов помочь. Только не знаю, смогу ли. Насчет ученого – это вы слишком...

– Да вы не беспокойтесь. Дело-то, в общем, не сложное. Видите вот эту коробочку? – Незнакомец достал из кармана и протянул Кириллу небольшую розовую штуковину, сильно смахивающую на женскую пудреницу. Правда, несколько параллельных прорезей в центре наводили, скорее, на мысль о динамике.

– Я попросил бы вас поносить эту вещь с собой в течение, скажем, недели. Это концентратор эмоциональной энергии. Он аккумулирует и сортирует ту, если можно так сказать, внутреннюю энергию, что заложена в «сильных чувствах». Ведь не зря же их называют сильными! Мы решили доверить эту несложную, но ответственную миссию вам, так как вы молоды, а сильные страсти – привилегия молодости. Аппарат совершенно безопасен, с ним вам будет даже спокойнее, так как в любой ситуации он погасит конфликт, поглотив из-

лишки энергии. Единственная сложность – коробочку нельзя пытаться вскрыть, это может привести к разряду высокой мощности. Запомните – это самое главное.

– Понимаю, понимаю, – пробурчал Кирилл, протягивая руку за коробочкой, – вот только вид у вашего концентратора... Чересчур веселенький какой-то.

– Да, тут вы правы. Дизайнеры несколько увлеклись, пытаясь придать ему сходство с обыденным предметом. Но это опытный экземпляр, впоследствии мы учтем ваше замечание. Ну как, справитесь? Держите, встретимся через неделю.

Воробьев не успел опомниться, как незнакомец развернулся и быстрым шагом направился к автостанции.

– Эй, постойте! А где я вас найду? И кто это «мы»? – но незнакомец был уже далеко, и запоздалые вопросы остались без ответа.

Кирилл опустил концентратор в карман брюк и побрел дальше по аллее ко входу в здание. Он еще не успел осознать, что произошло.

Значит, этот самый Альфред Эдуардович с отцом не знаком. И занимается он, явно, физикой, а не метеорологией. Или психологией? Концентратор эмоциональной энергии мог родиться на стыке двух дисциплин. Городской Политех не зря славился на всю страну. В нем учились когда-то люди, сделавшие себе имя в мировой науке. Так что выбор его для перспективного эксперимента не случаен.

С другой стороны, непонятно, откуда Альфред Эдуардо-

вич вообще узнал о Кирилле. Если он занимается психологией, то рекомендовать ему Кирилла мог только кто-то с физфака. Среди психологов знакомых у него не было.

Кто же мог ему удружить? Как там сказал этот чудак? «Мы рассмотрели множество кандидатур». Получается, кто-то искал подходящего человека, возможно, навел справки... А вдруг за ним следили?! Это вполне вероятно. Кто знает, какими критериями руководствовались таинственные знакомые Альфреда, выбирая себе помощника. Или жертву? Так ли безопасен этот концентратор?

Кирилл вытащил коробочку из кармана. Розовенькая, круглая. Лучше бы ее предложили поносить какой-нибудь девушке. Такая штукавина в руках мужчины вызовет ненужные вопросы. Впрочем, всегда можно сказать, что купил ее в подарок любимой девушке.

Концентратор был тяжелый и чуть теплый на ощупь. Интересно, если бы Кирилл купил такую пудру Насте в подарок, она бы взяла? Вряд ли. Они ведь, наверное, бывают разные. Надо знать, какую покупать. Удивительно, как размышления на любую тему съезжали всегда на Настю.

Может быть, пойти в деканат и посмотреть, не поможет ли концентратор погасить смущение. Вдруг с его помощью удастся поговорить с Настей? Например, про отчет. Кирилл хотел во всем разобраться, понять, в какую историю он попал. А для этого прежде всего следовало выяснить, действительно ли коробочка поглощает эмоциональную энер-

гию. Вдруг это просто записывающее устройство, и с помощью такого несложного трюка Альфред получит возможность узнать о новейших разработках в области темпорологии, ведущихся на кафедре? Или даже в стране, если Кирилл-ла пригласят на профильный семинар в столицу?

Прибор следовало проверить, поэтому Кирилл решил после занятий отправиться в деканат. Как настоящий ученый, он собирался поставить опыт на самом себе.

Романовичу вырезали аппендикс, поэтому он не мог читать лекции по темпорологии. А в прошлом месяце у него болела мать, а до того он ездил в Женеву на симпозиум. Кириллу постоянно приходилось его подменять, но сегодня все пошло как-то не так. Результаты прочитанной лекции совершенно обескуражили аспиранта. Материал он, безусловно, помнил. Но обычно зажигающий студентов своим энтузиазмом и интересом к предмету, в этот раз он чувствовал себя до болезненности вялым и равнодушным, что и сказалось на настроении аудитории. В течение всех полутора часов лекции в зале слышался негромкий гул голосов, смешки, скрип стульев...

Такое невнимание со стороны Кирилл почувствовал в первый раз. «Неужели я болен? – он потрогал ладонью лоб, – Да нет, вроде бы здоров. Что же это со мной? А вдруг я всегда так читаю лекции и раньше просто не замечал шума в аудитории?» С этими грустными мыслями он запер дверь на ключ и, положив его в карман вместо того, чтобы, как всегда,

повесить на доску для ключей, задумчиво побрел к выходу мимо ошарашенной вахтерши.

– Кирилл Сергеевич! – крикнула она ему вслед.

Но ни на кого не обращая внимания, Кирилл медленно, с трудом покинул здание, пошел по аллее, свернул к парку и присел на первую же лавочку, попавшуюся на пути. Он не замечал ни теплого апрельского солнышка, ни веселого чириканья воробьев, ни гомона студентов, катающихся по дорожкам на скейтбордах. Постепенно аспирант потерял связь с действительностью и то ли погрузился в сон, то ли ему привиделся какой-то другой мир.

Он не понял, какая страна и какой век ему снились. Почему-то Кирилл подумал, что это прошлое. Кажется, это была Франглия, поскольку во сне ему привиделась немолодая знатная дама с типично франглийским худым лицом и властно выдвинутым вперед подбородком, статная и чопорная.

Женщина была одета в длинное серое платье. Комната, в которой она стояла, казалась просторной и богато обставленной. На окнах висели тяжелые сиреневые шторы, стены обиты светлой шелковой тканью, на белом потолке – великолепно сделанная лепнина. Диван и кресла явно работы мастеров семнадцатого века: он видел такую мебель в антикварном магазине. Старинный резной лакированный секретер и высокий стул около него служили хозяйке для написания писем и подсчета расходов. На секретере слева и справа стояли бронзовые канделябры. Еще там виднелись чернильница,

перья и металлический колокольчик.

Деревянная коричневая дверь вела в соседнее помещение. Там в небольшой комнатке с бежевыми стенами и с узким окном, выходящим в парк, возможно, кабинете, сидел черноволосый юноша лет двадцати пяти. Он склонился над дешевым, испачканным чернилами столом, освещенным двумя свечами в простеньких подсвечниках. Кроме стола и стула, в кабинетике ничего не было.

«Секретарь», – почему-то подумал Кирилл.

Секретарь склонил голову над листом гербовой бумаги, старательно выводя буквы каллиграфическим почерком. Он переписывал набело список с лежащего перед ним сероватого шершавого листа. Писал он гусиным пером, часто макая его в серебряную чернильницу и аккуратно стряхивая лишние чернила, чтобы не поставить кляксу. Пламя свечей слегка шевелилось, разбрасывая по комнате полупрозрачные тени. Ветка дерева, гнущегося на ветру, стучала в стекло, но молодой человек не обращал на это никакого внимания. Неожиданно раздался серебряный звук колокольчика. Стало понятно, что секретаря зовет хозяйка.

Молодой человек положил перо на подставку и, одернув сюртук, поспешил открыть дверь своей комнаты, смежной с большим шикарным кабинетом хозяйки.

– Вы звали меня, леди Мортимер?

Леди Мортимер стояла у окна, открытого несмотря на прохладный день. Тяжелые бархатные портьеры шевелились

на ветру, как живые. Но женщина, казалось, не замечала ни сквозняка, ни липкой сырости, проникающей внутрь комнаты. Щеки ее пылали, а глаза горели недобрым огнем.

Кирилл понимал, что перед ним разворачивается не фильм, а сцена из реальной жизни. В помещении пахло пылью и старым деревом. Холодные капли висели на ветвях за окном. Прическа дамы слегка растрепалась, из нее выбились две непокорные прядки и свисали теперь над левым ухом. Но дама этого не заметила, видно, была чем-то сильно взволнована. Секретарь, напротив, был спокоен и сосредоточен. Он почтительно поклонился и застыл в ожидании. Кирилл внезапно понял, что секретарь относится к своей госпоже с легким презрением. Он смотрел на нее, как на источник жизненных благ, но не испытывал никакой благодарности.

На правом локте его сюртука виднелось пятно от чернил. Черные волосы слегка растрепались, и он, подняв голову, провел по ним рукой.

Леди Мортимер принялась что-то резко выговаривать секретарю, но Кирилл почему-то не мог ничего понять, не мог сосредоточиться. Голова казалась тяжелой, и даже во сне хотелось спать. Картины далекого прошлого сменяли одна другую, мелькали перед глазами, не давали покоя. Хотелось стряхнуть с себя эту сонную одурь, но не было сил. Будто его накрыли тяжелым душным одеялом. Кирилл захрипел, и проходящая мимо студентка вскрикнула от неожиданности.

– А, Кирилл Сергеевич, как приятно снова Вас видеть! –

Воробьев очнулся, вздрогнул от неожиданности и только теперь заметил, что на скамейке уже сидит его утренний знакомый. В отличие от Воробьева, он выглядел свежо и приятно пах дорогим мужским одеколоном. Его стильный льняной костюм явно пошили не на фабрике «Красное знамя».

– Мне тоже приятно, – вяло приветствовал его Кирилл.

– Я рад, что мы случайно встретились сегодня еще раз. Я, собственно, хотел заглянуть к вам завтра, решил, что неделя – слишком уж долгий срок для проверки работоспособности нового прибора.

– Не знаю, как у вашего прибора, а у меня работоспособность сильно снизилась. Наверное, я заболел.

– Так я и думал. Но вы не беспокойтесь, сейчас я все улажу. Давайте сюда концентратор.

– Что дать?

– Прибор, прибор давайте, который я просил вас поносить.

– Пожалуйста, – Кирилл вынул из кармана помятых брюк розовую коробочку и отдал Альфреду Эдуардовичу, не вспомнив при этом, что в кармане должен находиться еще ключ от аудитории.

Тот открыл свой дипломат, положил внутрь прибор и нажал на какую-то кнопку. Кирилл заметил на крышке светящуюся шкалу, указатель на которой сразу подпрыгнул до восьмидесяти процентов.

– Замечательно! – воскликнул Альфред Эдуардович. – Я

даже не ожидал такого успеха. А насчет самочувствия вы не беспокойтесь. Весна, знаете, авитаминоз. Но на всякий случай я снижу коэффициент поглощения.

С этими словами он снова достал розовую коробочку, что-то повернул на ее поверхности и протянул Кириллу. Воробьев машинально положил ее в карман.

– Скажите, милейший, не посещали ли вас какие – либо странные мысли за время пребывания прибора в вашем кармане? Или, скажем, видения?

– Видения? А при чем тут это? – рассказывать о странном сне почему-то очень не хотелось, но тем не менее, будто под гипнозом, он начал рассказывать.

Альфред Эдуардович слушал его крайне заинтересованно, не перебивая.

– Как, вы говорите, фамилия этой высокородной дамы, леди Мортимер?! Надо же, какая невероятная удача! Да мы с вами, молодой человек, теперь горы свернем!

Непонятная слабость постепенно покидала Кирилла, но мысли не прояснились. Он по-прежнему ничего не понимал. Лишь где-то через полчаса ему стало немного лучше, и голову посетили ленивые мысли.

Он думал, отчего вдруг ему стало так плохо? Что это за слабость? Предположим, авитаминоз, но почему вчера он Воробьева не беспокоил, а сегодня вдруг ударил по организму с такой силой? Что изменилось?

Со вчерашнего дня ничего не произошло. Он накануне не

пил водку, которую и вообще не любил, предпочитая чешское пиво. Ночью спал вполне прилично – лег около часа и проснулся в полвосьмого. Никто заразный рядом с ним в транспорте не стоял – он приехал на своем стареньком Рено Логан. Единственное изменение – встреча с Альфредом Эдуардовичем и согласие поносить в кармане его прибор.

А что это за Альфред Эдуардович? С отцом он не знаком – отец – метеоролог, зимует в Антарктиде. Узнал о них от кого-то из зимовщиков? Но сам Альфред на зимовщика не похож – слишком лощеный. У отца друзья все простые, они носят заправленные в высокие ботинки брезентовые штаны и ветровки. Никого из них в льняном костюме и дорогом галстуке Кирилл никогда не видел. У кого бы спросить про этого Альфреда? Может, у Насти? Она, как секретарша, ведала выдачей посетителям пропусков. Хотя на территорию Политеха пройти можно без всякого пропуска, а был ли Альфред в здании – неизвестно.

Теперь прибор. Что про него известно? Ничего. Вдруг там источник вредного излучения? Если это гамма-излучение, его можно определить счетчиком Гейгера. А что еще может быть? Альфа и Бета на дальние расстояния не действуют, а на студентов тоже что-то повлияло. Может, вообще какое-то неизвестное излучение? С кем бы посоветоваться? Кирилл специализировался на темпорологии и за открытиями в других областях физики следить не успевал. Надо поспрашивать у коллег, может, у кого-то есть знакомые на кафедре элек-

тромагнетизма. Или это и не в их компетенции? Стоит спрашивать и атомщиков.

«И что это я тут сижу? Надо бы к врачу сходить, только чтобы мама не узнала, – думал Воробьев, – а вот кто-то ко мне идет. Кажется, Настя, или она мне во всех проходящих девушках мерещится?» Но это действительно была Настя Светлова.

Настя появилась в приемной декана не так давно. Кирилл запомнил, как первый раз увидел хорошенькую девушку с озорными глазами. История была, на самом деле, совсем не веселая. Кирилл третий раз перенес экзамен по философии. Просто не было времени как следует подготовиться. Начав вести занятия у студентов, Кирилл с изумлением понял, что эта работа требует массы сил и времени.

Невозможно войти в аудиторию, где сидит два десятка наглых жизнерадостных студентов, не зная предмет назубок. Каверзные вопросы в сочетании с детскими школьными выходками лишат уверенности в себе и маститого профессора. Для Кирилла каждый семинар был тяжким испытанием, но он твердо решил преподавание не бросать и держался только на силе воли. В таких условиях готовиться к экзамену по философии оказалось решительно некогда. Но декан, старый знакомый отца, считал, что Кирилл должен быть достойным продолжателем дела семьи Воробьевых и так далее, и тому подобное. То, что он простил бы любому другому аспиранту, сыну Сереги Воробьева он прощать не хотел.

Разговоры о том, как тяжело им приходилось в студенческие годы, как они голодали и холодали, сопровождали Кирилла все пять лет учебы в Политехе. И поступление в аспирантуру ничего в этом смысле не изменило.

В тот день Кирилл зашел в деканат подписать направление на экзамен. Замдекана Ирина Вячеславовна пошла ему навстречу. Размахивая вожделенной бумажкой, Кирилл уже выходил из приемной, когда на пороге появился Лисицын. Лисицын сразу понял, в чем дело. Он считал своим долгом опекать Кирилла.

– Опять переносите экзамен, молодой человек? Не слишком ли часто? В твои годы мы с твоим отцом пахали, как рабы на галерах. А ты не можешь сдать философию с осени. Вот что, Ирина Вячеславовна, это направление – последнее. Если он не сдаст, вышибу вон из аспирантуры. Здесь не богадельня. Если мы будем тянуть за уши молокососов, не способных заниматься наукой, во что превратится...

– Но я и занимался наукой, – промямлил Кирилл.

– А я учи-ил, – ноющим голосом протянул Лисицын.

За его спиной кто-то кашлянул. Лисицын обернулся, и Кирилл увидел Настю. Она улыбнулась ему так сочувственно, что Кириллу сразу захотелось провалиться сквозь землю. После истории с предавшей его Ленкой Парамоновой Воробьеву казалось, что он никому не интересен и не может рассчитывать на внимание девушек. Любую их попытку заговорить с ним он воспринимал как проявление жалости и пре-

зрения к слабому человеку.

– Николай Константинович, а суббота у меня будет рабочий день?

– Пойдем, девочка. Все сейчас расскажу. Не обращай внимания на этого разгильдяя. Я покажу тебе твое рабочее место.

Девушка прошла мимо, и Кирилл почувствовал легкий запах духов. От нее пахло свежей зеленью! Девушка была сантиметров на десять ниже Кирилла, даже несмотря на каблуки. Пушистые каштановые волосы спускались ниже плеч, а талия такая тоненькая, что у Кирилла перехватило дыхание.

Эту первую встречу Кирилл вспоминал с содроганием. Знакомство не получилось. С тех пор Воробьев несколько раз бывал в деканате по делам. Он узнал, что девушку зовут Настей. Она училась на вечернем и работала у Лисицына секретаршей. Один раз Кирилл заходил уточнить расписание, второй – приносил на подпись бумаги. Но поговорить с Настей случая не представилось. С тех пор, как она появилась в приемной, там круглыми сутками толклись студенты, и не только физфаковцы. Когда она успевала работать?!

С тех пор он часто видел Настю во сне. Вот и сейчас, похоже, он снова спит.

Однако сновидение не желало дарить ему возможность расслабиться. Вместо романтического свидания он ощутил на своем плече твердую руку. Кто-то тряс его, но открыть

глаза не было сил. Лишь несколько чувствительных пощечин привели его в чувство.

– Что, Воробьев, философией перезанимался? Пойдем, я тебя кофе напою. Идти-то можешь?

Кирилл кивнул и поднялся на ноги. Почему он всегда встречается с этой девушкой в каких-то дурацких обстоятельствах? Настя взяла его под руку и попыталась тащить. Кирилл уже вполне пришел в себя и в помощи не нуждался, однако отпускать эту нежную ручку, с такой готовностью пришедшую ему на помощь, тоже не хотел.

– Я вижу, ты в порядке. Ладно, пойдем, выпьем кофе.

Кирилл с сомнением посмотрел на девушку, но решил не отказываться. Они поднялись по лестнице, причем Настя все время смотрела, не собирается ли он снова упасть в обморок. К счастью, Лисицына на месте не было.

Настя усадила Кирилла на свое место, а сама включила чайник и достала банку с кофе. Она вовсе не собиралась кокетничать с Воробьевым – и вот, надо же!

– Чего с тобой такое случилось? – насыпая в чашки кофе, спросила она. – Заболел? Надо тебе к врачу сходить. Может, с сердцем что. Мужчины по врачам ходить не любят, но соображать-то надо.

Поддерживать разговор о своем здоровье Кирилл решительно не хотел. Раз уж случай привел его сюда так удачно, лучше употребить время на что-то более приятное.

– Я не болен, это просто прибор.

– Какой прибор? От каких приборов люди сознание теряют? – спросила Настя. – Тебе сколько сахара?

– Три ложки. Понимаешь, меня попросили испытать прибор. Он концентрирует энергию эмоций. Занятная штука. Я, правда, не знаю, где его разработали. Это что-то на стыке физики и психологии. Но интересно. Хотел узнать, как он работает, но Альфред Эдуардович не говорит.

– Альфред Эдуардович? Что-то я у нас в институте такого не знаю. Можно папу спросить. Про прибор, кстати, тоже. Он наверняка в курсе. Папа следит за всеми разработками в области физики, – Настя поставила перед Кириллом кружку и достала булки с маком. Она припасала их для себя, но если человеку плохо?

Кирилл взял булку и в задумчивости откусил половину.

– Проконсультироваться, конечно, хорошо. Тем более, что Альфред Эдуардович ничего насчет секретности не говорил. Сказал только, что вскрывать нельзя, а то рванет.

За первой булкой последовала вторая, а последнюю схватила Настя. В конце концов, другого обеда у нее не предвидится.

– Знаешь, Воробьев, я пока папе ничего не скажу, но если надумаешь, заходи. Может, правда, что-то интересное расскажет. Не верится, чтобы тебе от прибора плохо было.

Кирилл только пожал плечами.

– Послушай, а можно мне на твой прибор посмотреть?

Воробьеву вдруг стало неловко. Этот концентратор так

похож на пудреницу! Настя еще решит, что он ее разыгрывает. Но девушка смотрела на него с ожиданием, и он полез в карман. Опасение быть обманутым, как и воспоминания о Ленке Парамоновой, отступили на задний план.

Про розовый цвет Настя ничего не сказала, а принялась разглядывать прорези и сверкающие в них огоньки.

«Пожалуй, прибор действует», – подумал Кирилл. – «Без него я вряд ли смог бы так запросто пить с ней кофе».

Попав в руки к Насте, коробочка загудела. Неизвестно, сколько бы они так просидели, но на лестнице послышались шаги.

– Лисицын идет! – сказала Настя и вскочила.

Кирилл одним глотком допил кофе и сунул концентратор в карман. Вошедший Лисицын мельком взглянул на него и сказал:

– Опять насчет экзамена? Не перенесу, и не надейся.

– Да я... – начал Кирилл, но декан уже скрылся в своем кабинете.

Стараясь не попасться на глаза никому из начальства, Кирилл сбежал по лестнице и покинул здание.

Глава 2. Эксперимент

Кирилл думал, что в принципе Настя права. Раз ему уже делается плохо прямо перед институтом, на свежем воздухе, надо бы сходить к врачу. Времени жалко, но, с другой стороны, надо же знать, это из-за прибора или нет. Идти в районную поликлинику, а для этого записываться и ждать и вовсе невыносимо. Пожалуй, лучше обратиться к Екатерине Павловне, только надо попросить, чтобы она матери не говорила.

Приняв решение, Воробьев сразу после семинара у второкурсников отправился в больницу. Проникнуть в отделение было просто, все здесь знали его с детства. Вахтер только кивнул в ответ на его приветствие, медсестра Зиночка, годившаяся ему в бабушки, обрадовалась, но сказала, что матери на месте нет. Кирилла это очень устраивало.

Перед кабинетом Екатерины Павловны сидели две тетки в цветастых халатах. У одной на голове красовались две тонкие косички, сколотые на макушке заколкой в виде красного цветка, усыпанного мелкими стеклышками. Ее ноги в деревенской вязки носках и веселеньких тапочках с ушами перереживали весь проход. Вторая была причесана, как на банкет. Высокая копна светлых волос, уложенная с удивительной замысловатостью, странно сочеталась с очень черными бровями и ярко-красными губами. На ногах у нее были бархатные туфли, при взгляде на которые Кирилл сразу вспом-

нил Хоттабыча.

– А я тебе говорю, это из заграницы на нас болезнь напустили, – громким шепотом вещала та, что с косичками, и оглядывалась по сторонам. – Ко мне вчера Володечка зашел после института. На самом лица нет, ноженьки – рученьки трясутся. Я ему: поди домой, там тетя Лида борщечка наварила. А он мне: не хочу, маманя, я твоего борщечка. Болезня, точно тебе говорю, болезнь.

– Ах, не выдумывай, Муся. Это все из-за смещения сфер. Помнишь, я в журнале читала, – отвечала вторая.

Тут они заметили Кирилла и замолчали.

– Здравствуйте, дамы. Катерина Павловна принимает? За кем я буду? – спросил он.

Интересно было бы послушать, что там случилось с Володечкой, но спрашивать он не решился. Да и не скажут все равно.

Не успели ему ответить, как из кабинета выглянула медсестра Вера, увидела Кирилла и сказала:

– Заходи.

Тетки сзади загомонили, завозмушались, но Кирилл уже входил в кабинет.

Катерина Павловна подняла глаза от истории болезни и спросила:

– Кирилл? Какими судьбами? Заболел?

– Что-то я неважно себя чувствую, – ответил Кирилл. – Мне скоро кандидатский минимум по философии сдавать,

не хотелось бы болеть.

– Ну, раздевайся. Посмотрим.

Катерина Павловна самым внимательным образом прослушала ему сердце и легкие, посмотрела в горло, пощупала лимфатические узлы и даже постучала по коленкам.

– На мой взгляд, ты совершенно здоров. Но все же лучше сделать ЭКГ и сдать кровь и мочу. Направления я тебе выпишу, а ты зайди в нашу лабораторию с утра, до занятий. Только не затягивай, – врач посмотрела на него поверх очков очень серьезно.

– Хорошо, Катерина Павловна. Только вы маме не говорите, а то она разволнуется. Сами же сказали, что я здоров.

«Действительно, не забыть бы Полине сообщить», – подумала Катерина Павловна и пометила что-то на календаре.

– Я думаю, Кирюша, что ты просто перезанимался. Или у тебя нервный срыв. Как личная жизнь, налаживается? – конечно, мамина ближайшая подруга знала историю с Ленкой Парамоновой и не считала нужным это скрывать.

– С личной жизнью пока никак, – ответил Кирилл. – Наверное, действительно устал. Студенты эти, да еще экзамен. Ну, я пойду. Спасибо вам, Катерина Павловна.

Кирилл вышел, а Катерина Павловна порылась в сумке и достала мобильный телефон, но позвонить не успела. Тетка с косичками решительно влезла в кабинет и устроилась на стуле напротив, так что оповестить подругу она смогла только на следующий день.

Ольга Афанасьевна отработала дежурство и собиралась, приехав домой, лечь спать примерно на сутки. Дежурство выпало непростым – у дедули из восемнадцатой палаты обострился гастрит, а гастроскопию он делать отказывался, еле уговорили. Потом у девушки из четвертой после удаления желчного пузыря температура поднялась. Пришлось ее на рентген везти, убеждаться, что хирург, работающий сразу после своего дня рождения, не оставил внутри какой-нибудь зажим. Слава богу, обошлось. Еще две тетушки напросились к ней на прием, а тут некстати студенты пришли на практику, задержали ее на лишний час.

Устала Ольга жутко, собиралась подремать сидя в автобусе по дороге домой, но тут же зазвонил мобильный. Доктор застонала от досады, но трубку все же взяла.

– Алле.

– Олечка, это Катя говорит, ты не спишь еще?

– Здравствуй, Катюша. Я только еду. Что случилось?

– Оль, у меня вчера твой сынок был... Я тебе забыла сказать.

– Зачем? И почему ко мне не зашел? Я же в гастроэнтерологии дежурила.

– Хотел скрыть от тебя. Что-то он плохо себя чувствует. Но ты не пугайся, я его хорошенько посмотрела, ничего не нашла.

– А что с ним?

– Я думаю, авитаминоз и хроническая усталость, но все

же лучше сдать анализы. Ты уж проследи. Лучше перестраховаться, сама знаешь.

– Хорошо, Катенька. Спасибо, что сообщила. Я с ним поговорю.

– Ты, главное, не пугайся: дело несрочное, поезжай и ложись спать.

– До свидания, подруга.

Перед Геннадием стояла неразрешимая проблема. Через два дня ему предстояло сдавать коллоквиум по темпорологии, а как это сделать, он не имел ни малейшего представления. Тупо глядя на вынутую из ящика стола тетрадь с лекциями, Генка спрашивал себя, как могло так случиться, что все накопленные за два месяца сведения поместились на полутора страницах. Ему казалось, что этот предмет он посещал не реже, чем все остальные.

Генке приходилось в жизни непросто. Мама работала администратором в детском театре и обожала свою работу. Правда, получала она за нее такие гроши, что если бы Генка не подрабатывал, где только мог, они бы, наверное, голодали. Мама совершенно не умела обращаться с деньгами. Она могла купить дорогой букет актрисе, согласившейся выступить у них в театре на вечере поэзии, или на свои деньги накормить пирожными юных музыкантов из детдома. Конечно, Генка не пытался с этим спорить, тем более что это было совершенно бесполезно. Но тощий семейный бюджет не мог переварить мамину благотворительность.

Генка помогал в театре в качестве рабочего сцены. За это тоже платили, но до смешного мало. К счастью, спектакли бывали всего два раза в неделю. Да и сложные декорации требовались не всегда. В свободное время удавалось подрабатывать разгрузкой в супермаркете, но товар туда завозили в основном по ночам. Проработав ночь, он редко выбирался на лекции. Кроме того, иногда что-то подворачивалось и в дневные часы. Генка с умилением вспоминал то время, когда их соседка со второго этажа уезжала отдыхать на Мальдивы и поручила ему ухаживать за тремя ее собачками. Во-первых, это не занимало много времени. Во-вторых, в его распоряжении была пустая квартира, которую он использовал для занятий. Отдых Калерии Станиславовны помог ему сдать осеннюю сессию. Дома был проходной двор. К маме все время приходили сослуживцы. Молодые актрисы бывали у них каждый раз, когда у них в жизни случались денежные трудности или любовные разочарования. Приходили бывшие работницы театра, тетки все пожилые. Они вспоминали с мамой прежние времена, часами пили чай на кухне. Иногда приходила костюмерша тетя Люба. Мама помогала ей шить костюмы. Театр держался на энтузиазме своих сотрудников и редких пожертвованиях благотворителей, увидевших свое чадо в спектакле в одной из главных ролей.

Кроме того, была еще соседка Лиля. Она приходила к Копейниковым через день заниматься математикой. Он знал ее еще в детсадовские времена. Он сам вызвался ей помогать,

когда встретил на детской площадке худющую трогательную соседку в слезах и с размазанной по щекам тушью. Это случилось два года назад. Она получила двойку за четвертную контрольную и не хотела идти домой. Кто тянул его за язык, когда Генка пожалел дуреху и пообещал заниматься с ней, когда она захочет? Наверное, это гены. Иногда Генке казалось, что Лиля все сама прекрасно умеет и просто издевается над ним. Но со временем он привык и теперь ждал ее прихода.

Лилия – Лилей, но лекций не было, а коллоквиум на носу. Факультет, по маминым словам, стал уже не тот. Когда-то она работала там в учебной части и считала себя вправе судить об этом. За посещаемостью никто не следил, хвосты можно теперь пересдавать хоть сто раз, если платно. В крайнем случае, можно перевестись вообще на платное отделение. Но доводить до такого крайнего случая Генка не хотел, просто не смел и подумать. Ведь платить за это некому. Отец, тоже один из благотворительных проектов матери, как подозревал Генка, давно растворился в дымке прошлого. Последняя весточка от него – поздравительная открытка, которую он прислал матери по поводу Генкиного рождения.

Надо было добывать где-то лекции. Первым делом, конечно, девчонки. Но и тут существовали некоторые проблемы. Галка уже снабдила его тетрадь по математике, Соне он обещал принести редкий кактус, который рос у мамы на окне и как раз дал отросток, но мама носилась с ним, как ку-

рица с цыпленком.

В общем, идти было некуда. Еще раз окинув тоскливым взглядом комнату, Генка плюхнулся на диван и включил телевизор.

– Гена, не трепи мне нервы, садись заниматься.

– Мам, десять минут. Наши выигрывают.

– Вот и отлично. Ты собираешься вылететь из института?

– Нет, – Генка нехотя выключил телевизор.

Галина Степановна в принципе была довольна жизнью. Слава богу, сын вырос. Когда он учился в школе, проблемы одолевали ее со всех сторон. Приходилось трудно. Олег совсем им не помогал, да и не мог он. Он же – творческая натура, художник. Денег у него никогда не было, и раньше Галя помогала отцу своего ребенка, а не он ей.

А деньги ох как нужны! Генка любил прогуливать уроки. Из класса в класс его переводили со скрипом. Его бы и выгнали, если бы не одноклассник Галины Федя. Он работал деканом в осетровском Политехе. Попросил своих аспирантов, и с Генкой начали заниматься по физике, химии и математике. Им Галина хоть и немного, но должна была платить.

С гуманитарными предметами сына выручила Любочка Новожилова. Ей Копейникова помогала обновить гардероб – шила праздничные платья, стильные блузки и брюки. В Заливном Осетре импортные вещи купить невозможно, а Любочка – певица. Ей на сцену нужно выходить каждый раз в новом, не то засмеют. Любочка музыкальных институтов не

заканчивала, но голос ее – чуть хриплый и глубокий – полюбился осетровским зрителям.

А заканчивала певица Институт культуры, и в совершенстве знала русскую литературу и историю. Это очень пригодилось Галине Степановне. У Любочки был дар вколачивать в тупых подростков гуманитарные предметы. Ей бы в учителя податься... Генка не был тупым и прекрасно освоил историю с литературой, которые вряд ли ему когда-то пригодятся. Короче, за новый гардероб Новожилова занималась с Генкой и вывела его на твердые тройки по гуманитарным предметам.

Когда сын подрос и без проблем сдал экзамены в осетровский Политех, Галина вздохнула с облегчением. У нее появились новые занятия. Кругом было столько несчастных и обделенных, до которых раньше просто не доходили руки!

Генка первый курс окончил с легкостью. Ему хватало знаний, полученных от репетиторов. Вот потом пришлось труднее. В зимнюю сессию на втором курсе он завалил матанализ. Нужно было его пересдать, а у него времени не было. Он же стал кормильцем в семье – подрабатывал, где мог, и матери деньги давал. Галя очень волновалась, что ребенка выгонят и придется ему идти в армию.

А парень-то – хороший. По хозяйству ей помогает – мусор выносит, полы моет. Не хочется его в армию отдавать.

Вот что ей не нравится, так эта дружба с Лилей. Вечно Генка с ней носится. Она – как дитя малое, ничего без него

сделать не может. Или только притворяется? Идут в поход, он ее рюкзак проверяет. В школе контрольная – он с ней занимается накануне. Такая непутевая! Конечно, глаза огромные, ресницы пушистые, какой парень не клюнет. А Генка – такой наивный! Только ему заниматься надо, в институте учиться, а не девочкам рюкзаки проверять.

С этими мыслями, тяжело вздохнув, Галина Степановна пошла готовить любимому сыну ужин.

В дверь позвонили.

– Мам, я открою.

Успешно миновав сквер и подойдя к автобусной остановке, Кирилл вспомнил, что ключ от квартиры остался в кармане ветровки.

«Вот тебе и хорошая погода! Мама, конечно, уже ушла. Придется применить план «Х».

Гена открыл дверь. На площадке стоял незнакомый человек лет на пять старше его.

– Здравствуйте. Как удачно, что мне открыли именно вы! Я ваш сосед, живу во втором подъезде. Вы не позволите на секунду выйти к вам на балкон?

– Гена, кто это?

– Соседи. Не волнуйся, мам. Проходите, пожалуйста.

Лицо молодого человека показалось Генке знакомым. Гость благодарно кивнул и стремительно вышел на балкон. В этот момент у него в кармане зазвонил телефон.

Вопреки уговорам Кати, Ольга испугалась. Нужно было срочно все выяснить у Кирилла. Она решительно набрала его номер. Кирилл снял трубку не сразу, телефон успел издать звонков восемь.

– Мам, что у тебя?

– Кирюша, нам надо поговорить.

– Мам, я сейчас не могу, – сдавленно произнес Кирилл.

– Почему не можешь? У тебя же занятия должны уже кончиться.

– Я тут на балконе. Я тебе перезвоню.

– На балконе?! Ты что, опять ключи забыл и лезешь домой через соседский балкон?

– Все, я уже перелез. Так что ты хотела?

– Кира, я сколько раз тебе говорила, чтобы ты не лазил через балкон домой. Я и запасные ключи у соседки оставила.

– Ой, я забыл.

– А что у тебя со здоровьем?

– Все-таки тетя Катя проболталась... Ничего у меня нет, просто усталость. Она сказала витамины пить и спать побольше, – Кирилл терпеть не мог, когда мать называла его «Кира».

– Еще она сказала анализы сдать. Кирилл, это не шутки, нужно хорошенько обследоваться.

– Мам, я анализы сдам, а по врачам ходить не буду.

– Кира!

– Мам, я уже большой мальчик. И потом, я же пошел к

тете Кате без твоих указаний. Это о чем-то говорит.

– Смотри, я прослежу!

– Хорошо, – и Кирилл нажал кнопку отбоя.

Гена последовал за незнакомцем. Тот решительно подошел к перилам, не теряя ни секунды, перекинул ногу наружу и перемахнул на соседний балкон. Задача перед ним стояла непростая: балкон был заперт изнутри, пришлось лезть через приоткрытое окно. Щеколду он откинул, чай, не в первый раз.

– Спасибо! – крикнул он, обернувшись, и скрылся в квартире.

«Ни фиги себе», – подумал Генка. – «Может, он жулик?»»

– Где же соседи? – в комнату вошла мама, на ходу снимая фартук.

– Только один. Представляешь, он вышел на балкон и ...

– Опять этот ненормальный! Никогда, никогда не впускай его в квартиру. Он в конце концов разобьется. Что я тогда скажу Ольге Афанасьевне?

– Так ты его знаешь?

– Это Кирюша. Между прочим, аспирант. Закончил тот самый факультет, на котором теперь учишься ты. Его мама работает врачом в нашей больнице.

– Не беспокойся, он не разбился, – Генка повернулся и ушел в свою комнату.

Толстый том «Введения в темпорологию» навевал тоску. Генка честно принялся читать, старательно вникая в схемы и

стараясь запомнить формулы. Но результат получился ниже среднего. За полтора часа он одолел одну главу из тридцати пяти. Мама ушла, и Генка с чистым сердцем бросил бесперспективное занятие. Еще раз перебрав в голове всех однокурсников, которые могли бы одолжить ему лекции хоть на один вечер, он пришел к выводу, что нужно искать другой путь. В голове у него созрел великий план.

Выйдя на балкон, Генка прикинул номер квартиры, в которой жил аспирант. Определить его не составило труда. До коллоквиума оставалось два дня, а сосед – аспирант должен же знать хоть что-то о темпорологии? Или знать кого-нибудь с их специальности, у кого можно выпросить старые конспекты. Конечно, это авантюра. Но на безрыбье и рак – рыба. Почему бы аспиранту и не помочь по-дружески будущему коллеге, ведь он же ему помог? С такими мыслями юноша забежал в соседний подъезд, поднялся по лестнице и нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл Кирилл, уже в старых, подранных на колене джинсах и линялой футболке.

– А, это ты. Проходи. Ну что, мама ничего не спрашивала?

– Как же! Очень даже спрашивала. Запретила мне открывать вам дверь. Но это ничего. Вы приходите, когда ее нет, я всегда пушу.

– Спасибо, благодетель.

– Вы извините, я к вам тоже за помощью. У меня коллоквиум через два дня, а я не очень разобрался в материале.

– По какому предмету?

– Введение в темпорологию.

– Вот как? Что же там можно не понять? – заинтересовался Кирилл, и вдруг спросил: – На каком ты курсе?

– На втором.

– А группа какая? – продолжал допытываться любопытный сосед.

– АФ-3.

– Что ты говоришь! По-видимому, твоя фамилия Копейников.

– Да. А вы разве не знали?

– Представь себе, нет. Но легко вычислил. Скажи, пожалуйста, как зовут вашего преподавателя?

– Его фамилия Волков. Или Винников...

– Воробьев его фамилия. Это я. А ты – тот самый оболтус, который за весь семестр не посетил ни одного семинара! Да боюсь, и лекции тоже. Попался, голубчик! Щас я буду делать из тебя антрекот под майонезом.

– Это не наши методы, – Генка на всякий случай попятился назад на лестничную площадку.

– Нет, голубчик, не уйдешь! – В порыве благородного негодования Кирилл протянул руку и захлопнул дверь. Он и сам не так давно был студентом, и на его счету тоже были грехи юности, но сейчас он забыл об этом. Волею судьбы он оказался по другую сторону баррикады.

– Ладно вам, Кирилл ...

– Сергеевич. Для вас, Копейников, только так.

– Может, вы никогда-никогда не прогуливали?

– Не до такой же степени, чтобы не знать своего преподавателя в лицо.

– Извините.

– «Извините!» А ты знаешь, чего мне стоило готовиться к каждому семинару? С меня по семь потов сошло, так я боялся! В аудиторию входил, как в клетку со львами, – неожиданно для себя самого разоткровенничался Воробьев. – А ты, паршивец, не мог за два месяца хоть раз зайти в аудиторию, познакомиться хотя бы.

– Так я же пришел. И вообще, давайте лучше разойдемся мирно. Я не хотел вас обидеть. Да вы сами рады будете, когда опять без ключа уйдете.

– Ну и наглец! Да я лучше ключ себе на шею на веревочке повешу, чем с тобой связываться. Учти, тройки тебе не видать, – уже без прежнего пыла заявил выдохшийся Кирилл.

– А я выучу. Правда.

– Ладно, пес с тобой. Вот тебе мои лекции. После коллоквиума вернешь. Но не выучишь – убью, имей в виду.

Генка, не смевший даже рассчитывать на такую удачу, понесся вниз через три ступеньки. Все-таки отличный парень этот сосед!

Кирилл запер дверь за Копейниковым и весело улыбнулся. Ему вдруг вспомнилось, как после Аллочкиного дня рождения он, просидев в общежитии у девчонок до часу ночи,

прихватил по ошибке тетради именинницы и утром вручил Семену Григорьевичу вместо своего конспекта лекции по заболеваниям желудочно-кишечного тракта у обезьян.

Кирилл со вздохами сел за компьютер. Нужно было подготовиться к завтрашней лекции – освежить в памяти материал. Он нажал кнопку, и на экране высветились обои – они с мамой в море по горлышко.

На море они были в прошлом году: маме в кои-то веки дали отпуск в сентябре, и он повез ее в Турцию. Ну повез – это сильно сказано – она сама платила за свой билет и половину за гостиницу. Откуда у аспиранта деньги возить женщин на море, даже если это – собственная мать? А везти ее в отпуск больше было некому. Отец – физик-метеоролог – как всегда, зимовал где-то в Антарктиде, обещал приехать в ноябре.

Кирилл помнил, что во время отдыха он все время представлял себе, что отдыхает не с мамой, а с Ленкой. А сейчас понял, что отдыхать с мамой было не так плохо, да и потом, он ведь ей обещал. Обычно он уходил в отпуск в поход с друзьями, в горы, а потом на море. В горах было очень красиво, но и Турция не так плоха.

Они купались до одури, а потом мокрыми ногами шлепали к своим лежакам. Вслед за ними шел турок в синей рубашке с короткими рукавами и в легких серых брюках. Огромной метлой он смахивал остатки песка с деревянной дорожки.

Около пляжа другой турок разливал желающим пиво или

соки, в палатке напротив выдавали бесплатное мороженое, но они брали по кружке пива и медленно цедили его, сидя на своих лежаках. Вечером в отеле устраивали дискотеку под открытым небом, и Кирилл танцевал с мамой, представляя, что держит в объятиях Лену.

Если бы это было в этом году, он представлял бы Настю. Странно, как эта девушка заняла все его мысли? Наверно, это все пройдет, ведь отношения должны как-то развиваться, а у них за месяц никаких перемен не случилось. Он все так же немел в ее присутствии и боялся к ней подойти. Странно, с другими девушками Воробьев был общителен и весел. Танечка с кафедры теоретической физики кокетничала с ним, и он ей во всю подыгрывал, но при виде ее его сердце не замирало ни на секунду.

Кирилл тупо поглядел в свои конспекты. Вот интересно, как все развивалось у родителей, что он про них знал? Мама познакомилась с будущим мужем еще на первом курсе Медицинского института. Он в это время учился на четвертом в Политехе. Она явно сразу ему понравилась, и он с первой же совместной вечеринки начал за ней ухаживать. Оба они были приезжими и жили по общежитиям. Мать через месяц после знакомства согласилась выйти замуж за отца, и Кирилл родился, когда ей было всего девятнадцать.

Наверно, в то время люди были более решительными, да и мать говорит, что сейчас вся молодежь слишком инфантильная. Но Кирилл не мог с этим согласиться: он самостоя-

тельно поступил в осетровский Политех, окончил его с красным дипломом, сдал экзамены в аспирантуру, ведет занятия у второго курса. Разве он инфантилен?

Просто девушки теперешние хотят все каких-то принцев в белых мерседесах и с собственными яхтами. Интересно, Настя тоже ждет появления в своей жизни олигарха? Надо бы ее спросить, но боязно.

Кирилл устал после коллоквиума у первокурсников. Его вывела из себя девчонка, устроившая целое представление. Маленькая на фоне его ста восьмидесяти пяти сантиметров, она напоминала нахохлившегося попугая, да еще начала рыдать. Она совершенно ничего не знала. Кирилл должен был поставить ей двойку, но не смог. Девчонка плакала так горько, так по-детски... Воробьев плюнул на свои принципы и вывел в зачетке «удовлетворительно». Он знал, что неправ, нельзя было это делать. Чем виноваты остальные двоечники, которых он отправил на пересдачу? Чем они хуже этой плаксы?

К сожалению, Воробьев знал, чем. Конечно, он ее пожалел. Она напомнила ему Настю, и это решило дело. Те же темные, почти черные волосы. А еще что? Кто ее знает...

Опять эта Настя! Наверное, давно надо было предпринять какие-то действия, пообщаться, пригласить куда-нибудь. Настя бы не отказалась, она ведь сама позвала его пить кофе. Она казалась простой и славной, но после истории с Ленкой Парамоновой Кирилл зарекся доверять девушкам.

Почему ему так не повезло? Ответа он не знал. Ленка была такая хорошенькая! Пушистые вьющиеся темные волосы, фигурка как у фарфоровой статуэтки. Они познакомились на сборище у Вована, который сам ее и привел. Веселая и милая, Ленка сразу понравилась всем ребятам, девушки смотрели на нее настороженно. А она выбрала Кирилла.

Насчет своей внешности Воробьев не заблуждался. Высокий и поэтому сутулый, волосы самые обычные, русые. И даже глаза невыразительные, светло-карие, как у большинства. В институте он уже не стеснялся своего роста, но избавиться от привычки сутулиться оказалось не так-то просто.

Сначала даже не верилось, что такая яркая и привлекательная девушка обратила на него внимание. Кирилл весь вечер не отходил от нее, а на завтра они сговорились плыть на острова. Погода стояла роскошная, солнышко, жара, на Севрюжке места на берегу не найти. А на островах народу почти не бывает.

День прошел замечательно. Они купались, жарили шашлыки, а потом долго сидели у костра и целовались. Ничего лишнего Кирилл себе не позволял, боялся обидеть и отпугнуть. Но через пару недель Ленка сама предложила пожить вместе.

Кирилл познакомил ее с родителями. Маме она как-то сразу не понравилась, а отец ничего, не возражал. Он рассказывал Ленке о работе, спрашивал о ее планах. Она не училась, после школы сразу пошла работать. Сначала была про-

давщицей в булочной, а потом соседка устроила ее в городскую администрацию в секретариат.

Ленка про институт думала, но куда хочет, пока не решила. Отец уговаривал поступать в Политех, она смеялась и не отказывалась. Из-за мамы жить вместе у Воробьевых они не захотели, устроились у Ленки.

У нее была маленькая однушка почти в центре. Сначала Кирилл очень стеснялся, что приносит мало денег. У девушки зарплата была небольшая, но была. А он приносил домой стипендию и то, что давал отец. В конце концов пришлось оформить академический отпуск и идти работать.

Отец устроил Кирилла техником в лабораторию радиоизмерительной аппаратуры. С деньгами стало полегче, да и не так стыдно, но вопрос с окончанием института повис. В первое время Кирилл очень старался обустроить быт, принялся ремонтировать кухню, утеплил окна, поменял двери. Ему нравилось чувствовать себя главой семьи.

Мама переживала из-за института, а Кирилл подумывал о свадьбе. Он ждал, что Ленка забеременеет, и хотел, чтобы ребенок родился в полной семье. Ее родители не очень-то ладили между собой, но Кирилл хотел, чтобы у его детей было такое же счастливое детство, как у него самого.

Но Ленка все не беременела, зато часто под предлогом налаживания отношений ходила к его родителям. Мама по-прежнему ее не принимала, но со временем Кирилл с изумлением отметил, что Ленку это не тревожит. Она старалась

почаще беседовать с отцом, откровенно кокетничала, заигрывала. Мама бледнела и молча уходила в свою комнату.

Наконец Кирилл не выдержал и спросил, в чем дело. И получил откровенный ответ. Ленка сказала, что Кирилл, конечно, лапа, но профессор с большой зарплатой и международной известностью гораздо перспективнее. Так что она еще посмотрит, станет его женой или мамочкой.

Не говоря ни слова, Кирилл собрал немногочисленные пожитки и ушел. С тех пор он не мог себя заставить доверять ни одной девушке. Мать с отцом, кстати, пережили эту историю очень легко. Мама радовалась, что все закончилось, а отец смеялся и говорил, что она зря беспокоилась. У него и в мыслях не было менять любимую жену на беспринципную вертихвостку.

А Настя? Кирилл-то не олигарх – родился он в простой семье, ходил в обычную школу. Только в девятом классе перевелся в физико-математическую – она тогда только открылась в Заливном Осетре. И отдыхал он летом не в Монако.

Как здорово было летом ездить к бабушке в Новоморск! У нее там был небольшой домик на две комнаты с терраской и маленький палисадничек, в котором росли мальвы и магнолии. Бабушка весь день занималась хозяйством, поэтому Кирилл был предоставлен сам себе. Целый день он или валялся на пляже, или устраивал с мальчишками заплывы до буйков – кто первым доплывет.

Как это было весело! Сначала он проигрывал Степке и

Петьке, но классу к седьмому до того наловчился, что стал плавать быстрее всех. Потом мальчишки вместе ловили крабов, а подальше в море около валуна ныряли за мидиями. Когда народ уходил с пляжа ужинать, их компания жарила мидий на костре и ела. До чего это было вкусно! Тогда еще за пожароопасными действиями никто не следил. А бабушка вечером ругалась, что у него нет аппетита.

Отец все время был в разъездах. Но однажды, когда Кирилл уже заканчивал школу, отец на заработанные в экспедиции деньги купил ему подержанный Рено. Кирилл себя не помнил от восторга! Мать, правда, запрещала ездить на машине в институт, но пару раз он все-таки съездил на лекции и добился восторженных взглядов однокурсниц.

Теперь он ездит на Рено, когда захочет, и это ни на кого не производит особого впечатления. Да и машина уже старенькая – она больше времени проводит в ремонте, чем на трассе.

Что-то он развспоминался, как старик. Нужно заняться делом, хоть и неохота, но он же не Копейников какой-нибудь, который прогуливает его лекции – у Кирилла есть сила воли. Воробьев взглянул на улицу, где на акации под окном щебетала маленькая птичка с красным брюшком, а по синему небу плыли белые, как рваная вата облака, и взялся за конспекты.

С горем пополам прочитав очередную лекцию, Кирилл направился домой. Похоже, виноват был прибор. Кирилл це-

люю неделю честно держал данное Альфреду Эдуардовичу слово. Но ведь есть же предел человеческому терпению?! Носить в кармане новый экспериментальный аппарат и даже не попробовать разобраться, как он работает – это оказалось выше его сил. Физик он или нет?

У мамы вечером собрание, и очень кстати. Никто не помешает ему заняться исследованиями. Следовало поторопиться, пока ее нет дома. На площадке перегорела лампочка, и Кирилл никак не мог отпереть дверь – не попадал ключом в замочную скважину. Влетев, наконец, в квартиру, он сразу бросился в свою комнату, зачем-то задернул шторы и включил настольную лампу. Вынув из кармана концентратор, он разместил его в освещенном круге и принялся внимательно разглядывать. Правда, его новый знакомый предупредил, что вскрывать устройство нельзя, это может привести к неконтролируемому выбросу энергии. Делать этого Кирилл пока не собирался.

Прежде всего следовало прибор сфотографировать. Кирилл достал из ящика старенькую линейку, положил рядом с концентратором, поправил лампу и сделал несколько кадров. Затем он перевернул устройство другой стороной сверху и повторил операцию.

В узких полосках-прорезях бежали огоньки. Вооружившись лупой, Кирилл тщательно обследовал всю поверхность, но не обнаружил даже технологического шва. Как же его собирали? Тем более, что это опытный экземпляр, и, значит,

сделан вручную.

То ли от тепла человеческой руки, то ли по другой какой-то причине концентратор немного изменил форму, разбух и стал гораздо меньше напоминать пудреницу. Он тихо гудел, а когда Кирилл опять положил его на стол, начал вращаться. Это медленное вращение почему-то напугало Кирилла, но подействовало на него гипнотически. Он не мог отвести взгляд от розового волчка, хотя сейчас ему уже не хотелось ничего исследовать, а хотелось оказаться как можно дальше и от прибора, и даже от собственного дома.

В этот момент в дверь позвонили. Резкий звук вывел Кирилла из транса. Встряхнувшись, он отправился открывать дверь. На пороге стоял тот самый двоечник, которому он в порыве великодушия одолжил свои лекции.

– А, это ты. Ну что, выучил? Или отсканировал и наделал шпаргалок? Имей в виду, этот номер не пройдет. Я буду спрашивать тебя лично по всему курсу. Посидим часика три...

– Конечно – конечно, – ответил Генка, который, действительно, прочитал только первые лекции. – Большое спасибо. Я учу. Там кое-что непонятно. Можно, я вам покажу?

– Давай сюда, – не слишком любезно буркнул Кирилл. Копейников протянул ему лекции с вложенной в них расческой.

– Там один график я не понял, и еще формула не выводится. У вас написано «очевидно, что...». А мне ничего не

очевидно.

– Я сейчас занят. Приходи в другой раз.

– Так послезавтра коллоквиум у нашего курса. Давайте, я лучше посижу, подожду, пока вы освободитесь.

Это было совершенно некстати, но, с другой стороны, пусть подстрахует. В конце концов, мало ли что.

– Ладно, заходи. Только сиди тихо. Звук услышу – выгону.

Несмотря на веские доводы в пользу исследований Воробьев чувствовал себя школьником, без спроса залезшим в химический кабинет в поисках чего-нибудь эдакого... Ветер из открытой форточкой шевелил шторы, не давал воздуху застаиваться, но лоб Кирилла все равно покрылся испариной.

– Что это вы делаете? Можно мне посмотреть? – не выдержал любопытный Генка.

Кирилл хотел рывкнуть на него, однако передумал. Концентратор перестал вращаться, не издавал никаких звуков и не вибрировал, но все же по каким-то неуловимым признакам чувствовалось, что он работает.

Для начала Кирилл внимательно рассмотрел концентратор через лупу, но ничего нового не увидел. Определить материал не удалось. Отскоблить кусочек ножом он не решился, поковырял ногтем. Казалось, коробочка поддается при надавливании. На крышке даже осталась еле заметная впадинка – след ногтя. Кирилл потер вмятинку пальцем, желая устранить след. В комнате запахло озоном. Заинтересовав-

шись, он потерял сильнее, и вдруг обнаружил, что на гладкой поверхности появились круглые пятнышки чуть-чуть другого оттенка. Расположенные в шахматном порядке, они напоминали кнопки, но были так малы, что нажать на них можно было лишь остро заточенным карандашом. Вооружившись шилом, он дотронулся до крайней левой точки. Небольшой радужный шар вылез из ближайшей к кнопке прорези и медленно поплыл по комнате. Он плыл не спеша, потихоньку вращаясь и как-то странно искажая окружающую действительность. Сначала Кириллу показалось, что все дело в эффекте преломления, но потом эту версию пришлось отбросить. Что бы это могло быть? Шаровая молния? Проплывая мимо шкафа со стоящим на нем маминым любимым папоротником, шар отразил в своей полупрозрачной глубине могучий ствол какого-то мощного растения. Последовательно проплывая мимо часов, керамической тарелки на стене, большого календаря, он самым непостижимым образом менял их изображения, придавая им причудливые, гротескные формы.

Ровное течение Т-ЭМ поля нарушалось в одной, микроскопической в масштабах Вселенной, точке. Плавные изгибы силовых линий превратились в ней в грубые изломы. Напряженность поля росла. Узкое пространство словно железной рукой хватало и втягивало в себя материю.

Перед глазами Кирилла возникла уже виденная им комната. Тяжелые бордовые портьеры слегка шевелились, хоть

окно и было закрыто.

«Ну и сквозняки у них там», – невольно подумал Кирилл.

Радужный шар плыл перед глазами, открывая все новые детали интерьера.

Комната казалась пустой, лишь в очаге горел огонь и освещал яркими всполохами старинную мебель. Внезапно в комнате появился человек, та самая женщина, что снилась ему после лекции. В руке у нее был подсвечник. Шар причудливо исказил ее лицо, проплыл мимо, и изображение прояснилось. Женщина поставила свечу на стол и взяла маленький серебристый колокольчик.

Оказалось, что видение сопровождается звуками, так как мелодичный звон донесся до Кирилла совершенно отчетливо.

На зов колокольчика в комнату вошла молодая девушка, почти ребенок. Генка смотрел на происходящее, раскрыв рот.

Девушка присела в вежливом поклоне и спросила:

– Вы звали меня, леди Мортимер?

Генка вскрикнул, увидев вошедшую. Он подался вперед и ткнулся бы головой в радужный шар, если бы Кирилл не схватил его за шиворот. Он нетерпеливо вертелся, пытаясь разглядеть девушку, но заряд концентратора иссяк. Шар медленно растворился в воздухе, и видение исчезло.

– Как вы думаете, Кирилл Сергеевич, что это было? Мо-

жет, это у меня глюки – перезанимался вашей темпорологией, и крыша поехала?

– Боюсь, Копейников, что нет.

– Что значит «боитесь»? Думаете, приятно чувствовать себя сумасшедшим?!

– Да нет, Гена, я так не думаю. Дело в том, что я тоже видел что-то, похожее на отрывок стереофильма. Франглия, примерно восемнадцатый век. Возможно, этот прибор способен при определенных условиях вызывать массовые галлюцинации.

– Какие галлюцинации? Девушка в фартуке – Лилька Михайлова, из тридцать шестой квартиры!

– Что за Лилька?

– Ну, горничная в этом глюке как две капли воды похожа на мою соседку. Ее зовут Лиля. Она живет со мной в одном подъезде, в тридцать шестой квартире, ясно?

– Ты уверен? Опиши мне ее.

– Зачем это?

– Возможно, мы восприняли это явление каждый по-своему.

– Понятно. Ну, она такая симпатичная, стройная, лапочка, одним словом.

– Копейников, что с тобой? Где точность формулировок? Какого цвета у нее глаза, волосы, какой рост, худощавая или нет? Словом, опиши ее, как ты бы в милиции кого-нибудь описывал.

– Она, между прочим, во-первых, не теорема с точной формулировкой, а во-вторых, не вор – рецидивист, и в милиции я ее пока не описывал.

– Гена, не злись, ты же понимаешь, как это важно.

– Ладно. Она светленькая, глаза серые, волосы выются, рост сантиметров сто шестьдесят, наверное. Мне по плечо где-то. Носит S-ки. Я у нее на куртке размер видел, когда она ко мне приходила математикой заниматься.

– Да, это та же девушка, которую видел я. И давно она с тобой математикой занималась?

– А вы не острите, я действительно ей помогаю иногда уроки делать. Дней пять назад это было. Обычно она ко мне через день со своими задачками бегаёт. Знаете, я, пожалуй, ей быстренько позвоню.

– Быстренько не получится. У нас же телефоны во всем доме отключили – газопровод чинили, а там, оказывается, опять телефонные провода на пути оказались...

– Почему «опять»?

– Помнишь, месяц назад то же самое было.

– Вы, Кирилл Сергеевич, веселитесь, а я, между прочим, беспокоюсь.

– Извини, Гена.

– Ла-адно. А с телефоном не проблема. Я по мобиле позвоню.

Копейников, не прерывая разговора, торопливо вынул из кармана мобильный телефон и быстро набрал номер.

– Понимаете, – продолжал он, – мать условие поставила: или я не уйду из дома без телефона, или она ложится с инфарктом в больницу, как только я не приду домой ночевать.

– Знакомая ситуация. Что твоя знакомая, не отвечает?

– Нет, гудков десять уже было. Дома нет. А что, если это она «туда» попала?

– Куда «туда», Гена? Это ненаучно.

– Почему? Просто мы не знаем, что «это» было, и как Лилька туда попала.

– Хорошо, пусть не знаем. Но как, по-твоему, мы можем узнать? Сначала надо убедиться, что с твоей соседкой все в порядке.

– Тогда я зайду к ней домой. А если ее нет? Если она пропала?

– Вот тогда и будем решать. Узнать бы, что это было за видение...

– Да, задачка. Кому скажешь, не поверит, еще психушку вызовет. Хотя... Есть одна гениальная мысль. Надо к Насте пойти.

– У тебя, Копейников, все мысли гениальные. Просто не знаю, куда от них деваться! Причем тут Настя?

– Чего вы краснеете? Пообщаемся с красивой девушкой. Она заочно в Москве на историческом учится, у нее специальность – «средние века». А может, эти Мортимеры на самом деле жили во Франглии лет двести – триста назад? Вы же не сомневаетесь, что глюк был именно из прошлого. И

фамилии у них франглийские. Ну как, Кирилл Сергеевич?

– Я, право, не знаю, Гена, – перешел на изысканный слог Воробьев. – Стоит ли?

– Что, боитесь? Ну, так я сам пойду. Хотя вдвоем, конечно, было бы убедительнее.

– Ладно, Копейников, уговорил, – вздохнул Кирилл.

В этот момент раздался продолжительный звонок в дверь.

– Кто бы это мог быть? – задумчиво спросил Кирилл и поморщился, только сейчас почувствовав, что в квартире отвратительно воняет горелой резиной. – Генка, открой, будь добр, а я на кухню сбегаяю.

– А чем это оттуда тянет?

– Это я на ужин колбасу жарю.

– Ну, если такой запах, то хорошо, что сгорела, а то отравились бы.

Звонок надрывался изо всех сил. Генка открыл. На пороге стояла Венера Никитична, соседка Воробьева.

– Молодой человек, у вас, по-моему, что-то горит.

– Спасибо, бабуля, мы заметили.

– Это хорошо. Скажите, пожалуйста, какой продукт может производить такое э... амбрэ?

– Колбаска, а что?

– Ничего, конечно. Просто я пирогов с капустой напекла. Хочу вас с Кирюшей угостить. Заходите на чай.

– Большое спасибо. Кириллу Сергеевичу сейчас очень кстати будет. Взбодрит.

– Почему только ему? Я вас тоже приглашаю.

– К сожалению, придется собрать волю в кулак и отказаться. Мне нужно к своей соседке зайти.

– Что же, ваша соседка тоже любит пироги печь?

– Скорее наоборот. Она любит есть горячие бутерброды, которые я пеку. Что поделаешь...

– Видимо, вашей соседке еще нет семидесяти, и общение с ней привлекает вас больше.

– Да, то есть, нет. Э...

– Не смущайтесь, юноша. Я не обижена. Мне тоже когда-то было семнадцать. Пойдемте, я заверну вам пирожок в бумагу. Съедите по дороге.

Глава 3. В старом замке

Леди Эстер, графиня Мортимер, с типично франглийским худым лицом и властно выдвинутым вперед подбородком, статная и чопорная, стояла около большого окна. Она смотрела вдаль, туда, где солнце садилось за море.

Летняя гостиная, где, несмотря на приближающиеся холода, проводила время графиня, была обставлена изысканно и просто. Глубокие кресла возле камина, низкий столик, удобный диван. У стены возвышался массивный шкаф с книгами. Леди Эстер любила почитать, а библиотеку оккупировал ее муж.

Молодой человек с прилизанными волосами – ее секретарь Энтони Фостер, сидел в своей комнате. Его маленький кабинет с узким, выходящим в темный парк окошком, ничем не походил на покои госпожи. Секретарь сидел на выдавшем виды стуле возле заляпанного чернилами стола и, макая отточенное гусиное перо в необыкновенно красивую серебряную чернильницу, подаренную ему в День Ангела графиней, переписывал на лист сероватой шершавой бумаги список предполагаемых затрат Мортимеров на ремонт флигеля, располагавшегося на окраине имения и совсем развалившегося. Чтобы сдать его в аренду, требовалось привести его в порядок, а это немалые деньги. Прежде чем показать список затрат графине, необходимо было переписать его набело.

Неожиданно над его головой заплясал, издавая громкий звон, серебряный колокольчик. Стало понятно, что Фостера зовет графиня.

Он осторожно отложил перо на подставку в форме парусной лодки, в дополнение к которой и была подарена дорогая массивная чернильница, и, одернув сюртук, поспешил на зов своей госпожи.

Силуэт леди Эстер четко вырисовывался на фоне окна, открытого несмотря на прохладный день. В комнату вполз тяжелый осенний туман. Тяжелые бархатные портьеры шевелились на ветру, как живые. Но графиня не обращала внимания на холод, ее переполнял гнев. Леди Мортимер повернулась к секретарю, и тот невольно сделал шаг назад.

—

Фостер, спуститесь в библиотеку и посмотрите, не оставили там сэр Джордж своих бумаг, — произнесла она неестественно ровным голосом.

—

Чем я навлек на себя немилость вашей светлости? — испуганно спросил Фостер.

—

А вы проницательны, мой друг, — получил он язвительный ответ, — более того, пожалуй, я подумаю, не опасно ли держать личным секретарем человека, смеющегося обманывать меня.

—

Прошу прощения, ваша светлость, не понимаю, о чем вы говорите. Дальний флигель настолько занимает мои мысли, что я, видимо, не сразу услышал звон колокольчика, – злополучный секретарь попытался свести разговор на менее скользкую тему.

–

Похвальное прилежание, Фостер. Но должна напомнить, что вас брали на работу с условием не заводить никаких интрижек, тем более с моими знакомыми, я уж не говорю об их слугах.

–

Разумеется, я помню об этом, ваша светлость.

–

Ах, помните?! А записка любовного содержания, которую я случайно нашла на полу около вашего кабинета? Объясните, как она туда попала! – С этими словами леди Эстер бросила листок бумаги на пол, прямо под ноги молодому человеку.

Фостер был настолько шокирован необычным поведением госпожи, что не сразу нагнулся и поднял его. Этого времени графине хватило, чтобы осознать свою несдержанность и взять себя в руки.

«Милый друг! С любовью и нетерпением жду...», – прочитал опальный слуга начало записки. «Гербовая бумага Лонгфильдов», – подумал он, – «но почему леди Мортимер так злится? Неужели ревнует меня?! Только этого мне не

хватало!»

—

Госпожа, вы считаете, что записка предназначена мне?

—

Да, именно так я и считаю, поскольку больше подходящих на эту роль молодых мужчин в доме нет. Записка подписана инициалами Джи Эль. Прошу меня просветить: это графиня Джулия Лонгфильд или ее горничная Жаннет Ломьер?

—

Клянусь, ваша светлость, я ничего не знаю об этом. Записка предназначена не мне. Никаких дел с леди Лонгфильд или ее служанкой у меня нет, тем более амурных.

—

Хорошо, предположим, я не права. Кому же тогда может быть адресовано письмо?

—

Кому угодно, госпожа. Садовник Билл достаточно молод и смазлив, кучер Джэк, ваш супруг, наконец. Хотя он и не молод, но весьма неравнодушен к женскому полу.

—

Как вы смеете, Фостер

?

!

—

Я бы не посмел в других обстоятельствах, но чтобы оправдаться в глазах вашей светлости, любые средства хороши.

—

Вот как? Ну что же... Я, пожалуй, поверю вам и дам возможность оправдаться. Вы получите задание весьма деликатного характера. На нем-то я и проверю вашу преданность.

—

Я знал, несравненная леди Мортимер, что здравым смыслом и обаянием одновременно из всех известных мне знатных дам обладаете только вы.

—

Вы слишком смелы, мой друг, и, к тому же, умелый льстец. И мне это по душе. Но, повторяю, я проверю вас в деле.

—

Весь внимание, ваша светлость.

—

Надеюсь. Задание связано с дурными наклонностями моего супруга, раз уж вы сами о них заговорили.

—

Но, ваша светлость...

—

Успокойтесь. Его пристрастие к хорошеньким служанкам беспокоит меня только в случае, если оно выходит за рамки приличий. Но чтобы я полностью поверила вам, придется все же выяснить, кто автор записки и кому она предназначена.

—

Слушаюсь, миледи.

—

Это все. Ступайте.

Дело шло к вечеру, когда Фостер смог заняться частным поручением графини. Он должен был оправдаться во что бы то ни стало. Леди Мортимер не потерпит в замке слугу, нарушившего ее запрет на фривольное поведение. Он, правда, не женат и вполне мог ухаживать за горничной леди Лонгфильд с серьезными намерениями, но он не хотел терять преимущества холостого человека, на которого может обратить внимание знатная дама.

Кучер Джек вместе с конюхом Генри чистили конюшню. Последний был давно женат на кухарке Кэт, и вряд ли вел переписку с горничной из соседнего поместья. Поэтому Фостер решил поговорить наедине с Джеком.

Конюшня представляла собой длинное, недавно выкрашенное желтое здание. Внутри резко пахло навозом и конским потом. Видимо, коней еще не чистили и помещение не убирали. Лошади негромко ржали в предвкушении вечерней трапезы. Несколько свечей освещали полутемное пространство. Фостеру также почудился запах самокрутки, которые обычно курили работники. Джек, завидев секретаря хозяйки, стремительно потушил бычок о подошву ботинка.

— Джек, — позвал кучера Фостер, — выйди, поговорить надо.

Тот поспешно вышел из конюшни вслед за Фостером.

– Простите, господин секретарь. Я только разок курнул, очень уж душа просила.

– Разговор будет не об этом, хотя это и нарушение. Скажи, тебе серьезно нравится Жаннет – служанка леди Лонгфильд?

– В каком смысле?

– Ты собираешься на ней жениться?

– Что вы, господин, и в мыслях нет. У меня совсем другие планы.

– А зачем она тебе пишет любовные записки? Леди Мортимер одну из них нашла.

– Это ошибка, господин. Она мне ничего не писала. Может, подшутить захотела?

– То есть вы с ней о свидании не договаривались?

– Нет, конечно. Я за Эммой ухаживаю, жениться на ней хочу.

– Смотри, леди Эстер не потерпит никакого разврата в своем имении.

– Я знаю. Клянусь вам...

Фостер не стал дослушивать испуганного кучера. Старшая горничная, девушка положительная, сразу отказала бы парню, позволь он себе роман на стороне. Ясно, что к записке он отношения не имеет. Секретарь развернулся и пошел в сторону флигеля около ограды, где жил садовник Билл вместе с сестрой и больной матерью. Сестра садовника Бетти помогала кухарке Мортимеров и вносила свою часть в бюджет

семьи, а мать была парализована и проводила время в кресле, куда сын сажал ее каждое утро.

В окошке горел огонек. Семья молилась около образов в углу перед началом ужина. Не хотелось их прерывать, но Фостер негромко постучал в окно. Билл выглянул наружу.

– Это вы, господин секретарь?

– Я, Билл. Извини, что не вовремя. У меня к тебе дело.

Поговорив с садовником, Фостер понял, что не он является адресатом, которому была написана записка с приглашением на свидание. Больше мужчин в поместье не было. Помощника садовника Тома можно не считать – он еще мальчишка, а женатого конюха – тем более.

Стало ясно, что письмо предназначалось для сэра Джорджа. Только как убедить в этом хозяйку? Нужно, чтобы Жаннет сама призналась, кому писала записку. Как это сделать? Она же не дурочка, и не захочет по своей воле получать неприятности. А если записка не от Жаннет, а от ее госпожи? Единственный способ – заполучить образцы почерков леди Лонгфильд и ее служанки. Еще неизвестно, обучена ли Жаннет грамоте. Если нет, то и почерки сличать незачем. Фостеру и так уже стало ясно, что скорее всего злосчастное послание написала Джулия Лонгфильд и адресовала сэру Джорджу.

Секретарь направился домой. Неосвященный солнцем сад пугал темными движущимися тенями деревьев, ветви которых шевелил ветер. В ближайшем по ходу крыле замка Фо-

стер почувствовал запах свежей выпечки: там находилась кухня.

Этот запах напомнил секретарю детство. Когда отец – викарий Колин Фостер – приходил вечером домой, мать пекла к ужину вкуснейшие пироги с вареньем. Они пахли точно так же. Викарий получал совсем маленькое жалование, и семья кормилась с небольшого огорода. Мать сажала огурцы и картошку, а по утрам ходила в ближайший лес за малиной. Она знала, где расположены самые богатые малинники. Днем она варила варенье, а вечером пекла пироги.

Потом отец одряхлел настолько, что не мог уже вести службы, и в приход назначили нового викария. Родители переехали в маленький домик в деревне, но вспоминал Энтони именно дом викария, в котором прошло его детство.

Хорошей одежды у Энтони Фостера никогда не было, зато он никогда не голодал. Отец научил его грамоте и счету. Когда графиня Мортимер стала искать подходящего секретаря, то священник, которому подчинялся викарий, рекомендовал леди Мортимер сына Колина. Энтони не в чем было даже пойти к леди Эстер для знакомства, но священник и тут помог – дал ему одежду своего сына, который служил в королевской армии и ходил в военной форме.

Получив первую зарплату, Энтони поехал в город и купил себе новую одежду, матери пуховый платок, а отцу крепкие ботинки. Хоть он никогда в жизни не держал в руках столько денег, сколько выдала ему экономка Мэри Талбот, оказа-

лось, что потратить их все в городе достаточно легко.

Фостер слегка улыбнулся – каким он был наивным! Предел мечтаний – работать у графини и получать плату за работу каждый месяц. Сейчас у него совсем другие желания. Денег, конечно, стало больше – ему уже несколько раз повышали жалование, но этого теперь было мало. В мечтах он становился любовником знатной дамы и правил большим поместьем и людьми наравне с госпожой.

Лиля очнулась в парке. Осенние листья ковром устилали землю. Она сидела на траве. Среди кустов и деревьев возвышался средневековый замок. Она читала о таких в приключенческих книжках. Интересно, как она сюда попала? И куда это – сюда? Место казалось совершенно незнакомым. Может быть, это задняя стена франглийского музея? Наверное, экскурсантам здесь находиться нельзя. Чтобы сразу не выгнали, она решила найти укрытие.

Девушка спряталась за цветущим кустом. Было уже почти темно. Пожилой человек с седыми волосами и бакенбардами, в панталонах до колен и сюртуке, напоминавшем по покрою одежды восемнадцатого века из музейной экспозиции, вышел из парадных дверей замка и неторопливо пошел по аллее, в конце которой виделась ажурная деревянная беседка. Как странно! Может быть, здесь снимают фильм?

Лиля осторожно двинулась следом за мужчиной прямо по газону, прячась за стволами вековых деревьев. Она не смогла бы объяснить, зачем преследует незнакомца. Но любопыт-

ство гнало ее вперед. Вдруг она услышала скрип гравия позади.

Молодой мужчина, высокий и стройный, но в видавшей виды старинной шляпе и широкой накидке без рукавов торопливо приближался с другой стороны. Сначала девочке показалось, что он идет прямо на нее. Но человек прошел мимо, не заметив ее за старым дубом, и так же, как и первый, направился к беседке. Лиле показалось, что он следит за пожилым. Она опустила на корточки, стараясь отдышаться и унять дрожь в коленях.

Где она, и что здесь происходит? Не похоже на киносъемку. Минут через десять девочка решилась выглянуть из своего убежища.

Тот, что в накидке, похожий на разбойника из старых рыцарских романов, вдруг бесшумно раздвинул кусты и скрылся с аллеи. Второй, не оглядываясь, вышел из беседки и остановился в раздумье.

«Может, подойти к нему? Спросить, где я?» – девочка поднялась, но не успела сделать и шага.

«Кто вы? Что вы здесь делаете?» – спросил ее по-франглийски мужской голос. Лилия обернулась и встретилась глазами с «разбойником в плаще».

Голова у нее закружилась, и она в первый раз в жизни потеряла сознание.

«Кажется, она упала в обморок! Чудеса, да и только», – подумал обескураженный Фостер, – «Кто эта девушка? Ес-

ли она – любовница хозяина, то почему так странно одета? Юбка не закрывает щиколоток – лишь слегка ниже коленей, кофточка с застежкой впереди, корсета явно нет. И отчего потеряла сознание? Пожалуй, отнесу ее в дом. Это отвлечет леди Эстер от неприятных вопросов».

Девушка оказалась совсем тоненькой и легкой. Энтони без труда подхватил ее на руки и пошел к парадной лестнице замка Мортимеров.

Вверху, как всегда безупречно одетая, в элегантной меховой накидке из хорьков, его поджидала хозяйка дома.

Гнев на лице обычно сдержанной аристократки поразил ее секретаря.

– Вы совершенно потеряли совесть, Фостер! Таскаете своих подружек по парадной лестнице моего дома! Как вы смеете?!

– Но, миледи, эту девочку я вижу в первый раз! Я нашел ее в саду близ главной аллеи парка. Она, видимо, без сознания и нуждается в помощи.

– Да? Ну что ж, несите ее в гостиную и дайте мои нюхательные соли. Я попробую привести ее в чувство и узнать, кто она и зачем пришла. Подождите, я посмотрю на ее лицо, – пару минут леди Эстер задумчиво смотрела на девушку, – нет, я никогда раньше ее не видела. А как странно она одета! Вы обратили внимание, Фостер?

– Безусловно. Может, девушка специально так оделась, чтобы ее не узнали, когда она будет тайно пробираться к сво-

ему воздыхателю?

– Вы, конечно, имеете в виду моего супруга? Нет, мой милый! Такие худышки вовсе не в его вкусе. Я слишком хорошо знаю сэра Мортимера. Думаю, это – отставшая от своей труппы бродячая артистка. Ну, что же вы стоите? Делайте, что вам приказано! А затем распорядитесь, чтобы кухарка подогрела остатки бульона, который подавали к обеду. Бедняжка, несомненно, в голодном обмороке.

Фостер, довольный, что его хозяйка ничего не спросила о результатах слежки за мужем, почти бегом отнес девушку в гостиную и положил на кушетку.

После нюхательных солей и нескольких глотков горячего бульона непрощенная гостья пришла в себя.

– Кто вы, дитя мое? – неожиданно ласково спросила ее леди Эстер, склонившись над кушеткой.

– Я не знаю, – тихо пролепетала Лиля, и из ее глаз показались крупные слезы.

– Как странно вы произносите слова! Видимо, вы очень устали, деточка. Не плачьте. Я распоряджусь, чтобы для вас подготовили комнату. Отдохнете несколько дней и все вспомните.

Энтони слушал и не верил своим ушам. Таким ласковым, почти материнским тоном, насколько он мог помнить, его хозяйка разговаривала в первый раз.

Покормив девушку, леди Мортимер приказала Фостеру отнести незнакомку в комнату кухарки Кэтти, поскольку та

пока в лазарете, и распорядиться, чтобы горничная Эмма за ней ухаживала.

Лиля не понимала, что происходит. Люди вокруг говорили по франглийски, носили странную одежду. Все выглядело так, будто она попала в вымышленную реальность. Но такого не может быть на самом деле, только в кино! Человек не может переместиться в какой-то другой мир. Как объяснить то, что с ней произошло?

Она не хотела ни о чем думать. Надо проснуться! Наверное, надо крепко зажмуриться и открыть глаза. Тогда все вернется на свои места. Ребята из ее класса, музей, учительница...

Конечно, все, что ей привиделось – просто сон. Как могла она оказаться в таком странном месте? Ведь если это правда... Ее сознание отказывалось смиряться с тем, что она никогда не вернется домой, не увидит своего Генку, родителей, подружек.

Наевшаяся Лиля неожиданно для себя уснула – видно, на нее так подействовал стресс. Она спала, и ей снился Генка. Когда она первый раз посмотрела на него влюбленными глазами? Они же знакомы с детского сада, а потом пути их как-то разошлись. Но однажды, когда ей поставили по математике двойку, и она плакала во дворе, поскольку это было несправедливо – она болела и не могла подготовиться к контрольной, а учительница ничего не стала слушать, Генка увидел ее из окна и пришел утешать. Он предложил зани-

маться с ней математикой, хотя в этом не было нужды – Лиля прекрасно справлялась сама, но она с радостью согласилась. Ведь это значило, что она будет встречаться с ним несколько раз в неделю. С тех пор Копейников взял над ней шефство, чему девушка была несказанно рада. И вот снова разлука. Неужели это навсегда?

На следующее утро Лиля проснулась в маленькой пустой комнатухе. Она лежала на кровати с выпирающими пружинами, которые сквозь старенький матрас впивались в спину. Одеяло сползло на пол. На ней была ночная сорочка, когда-то белоснежная, а теперь посеревшая от времени и частых стирок. Около подола виднелась аккуратно заштопанная дыра.

В комнате, кроме кровати, на которой она лежала, кто-то поставил табурет с тазом, наполненным водой. Около кровати стоял колченогий стул, на спинке которого была аккуратно развешена ее одежда. На подоконнике стояла погашенная свеча в старинном подсвечнике. Другой мебели в комнате не было. Только на стене на вбитых хозяйкой комнаты гвоздях висели чьи-то платье и фартук.

Стены, выкрашенные светло-зеленой краской, кое-где уже облупились. Давно не отремонтированный потолок потерял первоначальную белизну, но был украшен старинной лепниной. Окошко, высокое и узкое, выходило в сад. Небо казалось бледным, как осенью. Странно. Лиля приподнялась на локте. Начинающие желтеть листья на верхушках дере-

вьев явно указывали на начало сентября. Но она же помнила, что пошла в музей с классом в начале апреля! Может, она все лето провела в беспамятстве?

«Не буду об этом думать», – решила девушка.

В комнате чем-то неприятно пахло. Спертый воздух заставил Лию закашляться. Дверь в комнатку тут же открылась, и внутрь вошла женщина в чепце с пришитыми сверху кружевами, в поношенном коричневом платье и в переднике. Она ласково поглядела на Лию и спросила по-франглийски:

– Вам уже лучше, юная леди?

– Да, благодарю вас, – ответила Лия. Не понимая еще толком, в чем дело и куда она попала, девушка порадовалась, что училась в школе с углубленным изучением франглийского языка.

– Вы, наверно, не местная? Говор у вас нездешний. Откуда вы?

– Я не помню.

– Ну ничего, успокойтесь и вспомните. Как вы нас напугали! Мы подумали, что вы серьезно больны. Но видно, все не так уж страшно.

– Куда я попала? – спросила Лия.

– Вы попали в поместье Олдоакс. Тут живут граф и графиня Мортимер. Мы нашли вас в саду вчера вечером. Вы лежали на дорожке без сознания.

– Это Франглия?

– Видно, вы еще не пришли в себя. Конечно, это же замок Мортимеров.

Руки девушки немного дрожали, то ли от слабости, то ли от переживаний. Лиля откинула одеяло и попыталась встать. Ноги не держали ее, и она осторожно села обратно на постель. Она больше не могла обманывать саму себя. Каким-то фантастическим образом она попала в другой мир. Это не только другая страна, но и другое время. Отсюда нельзя вернуться домой.

– Вам еще нельзя вставать, мисс, – сказала незнакомая женщина в средневековом костюме служанки.

– Как вас зовут?

– Зовите меня мисс Смитсон, или просто Эмма.

– Хорошо, мисс Смитсон. А меня зовут Лиля.

– Лежите, мисс Лили. Я сейчас принесу вам горячего бульона. Вы его вчера не доели. А еще я принесу вам цветы. Вы любите розы? Наша хозяйка, леди Мортимер, выписывает из Амстердама розы, которые цветут до глубокой осени. Хорошо, что климат у нас довольно теплый. Леди Эстер разрешает мне срезать время от времени несколько цветков.

Женщина вышла из комнаты.

«Как это случилось?» – испуганно думала Лиля, – «надо вспомнить, что произошло. Утром мы с классом пошли в музей. Там была еще такая приятная женщина – экскурсовод. Она интересно рассказывала о жизни франглийской аристократии восемнадцатого века. Потом мы подошли к витрине с

украшениями. Все девчонки ахнули от необыкновенной красоты колец, браслетов и брошей. А мне больше всего понравился перстень с серым камушком. Я даже потрогала стекло витрины в том месте, где он лежал.

Эта женщина, экскурсовод, подошла ко мне, но не стала ругаться. Только сказала, что с этим камнем связана старинная легенда. Точно не вспомнить, но суть в том, что кто посмотрит на камень при определенном освещении, пропадает навеки. Не умирает, а именно пропадает.

Жуть какая! Ладно, а что было потом? Колька Петров кинул в меня жвачкой. Она попала прямо в волосы. Я страшно разозлилась. Потом почему-то я оказалась в парке. Там увидела каких-то подозрительных типов, их было двое... После этого ничего не помню. Наверно, я уснула. Но мне снилось, что женщина, очень похожая на ту, в музее, только одетая в средневековое платье, поила меня бульоном. Теперь я тут. Что же произошло?»

Лиля машинально посмотрела на свои волосы. Ее конский хвост был теперь заплетен в косу, а место, куда приклеилась жвачка, было чистым. Осталось только жирное пятно, как от керосина. Да и непонятный запах теперь стал понятен – явно пахло керосином.

Додумать до конца девушка не успела. Ей помешал негромкий стук в дверь.

– Войдите, – машинально сказала она, залезая под старенькое одеяло.

– Не понял, что вы сказали, но осмелюсь войти, – произнес по-франглийски пожилой мужчина с бакенбардами. Еще довольно густые волосы его поседели. Ему было, вероятно, около пятидесяти лет. Одет он был в темные панталоны и темно-красную бархатную куртку, из-под которой виднелся белоснежный воротничок.

«Боже, так это тот тип из парка, который в беседку зашел!», – подумала Лиля. Сердце девушки отчаянно забилося.

– Какая прелестная крошка, – продолжал, глядя на девушку масляным взглядом, незнакомец. Он решительно подошел к постели и взял Лилию за подбородок.

– Сэр Джордж, я жду вас! Вы не забыли? – раздался по ту сторону двери властный женский голос.

Мужчина вздрогнул, как от укуса змеи, и поспешно, не попрощавшись, вышел из комнаты.

Лиля, покрывшаяся холодным потом от страха, свернулась в постели калачиком. Через пару минут без стука вошла Эмма с чашкой горячего бульона.

– Эмма, я видела мужчину, которого испугалась в парке. Такой старый, с бакенбардами.

– Так это наш хозяин, сэр Мортимер. Он любит молоденьких девушек. Но ты его не бойся. Стоит позвать леди Мортимер, и он тут же присмирет. Ничего, что я к тебе так запросто обращаюсь? – спросила служанка.

– Конечно, ничего. Только ты скажи, я точно не в музее?

– Нет, дорогая, я же тебе говорила. – терпеливо ответила Эмма, – ты у леди Мортимер. Она строгая хозяйка, но напрасно никого не обидит. Если хочешь, я расскажу тебе про хозяев много интересного. Это очень древний род. У них есть куча семейных историй и старых преданий.

– Да, Эмма, мне очень интересно. Расскажи, пожалуйста.

– Хорошо, милочка. Когда освобожусь, обязательно к тебе приду.

– Что же со мной будет? – задумчиво произнесла Лилия.

– Не беспокойся. Я слышала, что говорили хозяева, когда я им завтрак подавала. Тебя примут на работу младшей горничной. Будешь мне помогать. Ты, наверно, подумала, что я кухарка. Но это не так. Просто кухарка Кэтти болеет. Ее поместили в лазарет. А я временно хозяевам стряпаю. Эта комната как раз кухаркина. Тебя пока тут поместили, еще не решили, где ты будешь жить. Я могу хозяевам предложить, чтобы тебя поселили ко мне в комнату. У меня комната попросторнее, в нее вторая кровать поместится. Ну, пойду на кухню. Надо еще всю посуду перемыть. А ты поешь, – сказала Эмма и исчезла за дверью.

Несколько дней пришлось пролежать в кровати. Графиня навещала Лилию каждый день и спрашивала, не вспомнила ли она, как попала в парк. Приходилось врать, ведь в происшедшую с ней историю никто бы не поверил. Наконец ей разрешили встать, а через пару дней она приступила к работе младшей горничной.

Работы было много. Целый день приходилось что-то мыть, подметать, гладить. Прекрасный парк Олдоакса манил Лилю с самого начала, но младшей горничной гулять в господском саду не полагалось. Девушка лишь смотрела в окно, мечтая о свободе, но рабочий день продолжался с утра до вечера.

Лиля накрывала на стол для чаепития прислуги и, случайно выглянув в окно, увидела молоденькую девушку, разговаривавшую с сэром Джорджем. Платье незнакомки выдавало в ней служанку, и Лиля заинтересовалась, раньше она ее в поместье не встречала.

– Что засмотрелась? – спросила Эмма. – Заканчивай скорей, сейчас мужчины подойдут.

– Кто это там, у входа? – поинтересовалась Лиля.

Эмма выглянула в окно.

– А, это Жаннет, служанка леди Лонгфильд. Верно, принесла письмо от госпожи. Хорошая девушка и не старше тебя.

– Нельзя ли позвать ее попить с нами чаю? – спросила Лиля. – Ей, верно, далеко возвращаться.

– Ну, если ты хочешь, давай позовем. Тебе, бедняжке, скучно с нами, а твоего возраста здесь никого нет. Разве что Том, помощник садовника, но он в дом не ходит.

Эмма выглянула в окно. Сэр Джордж уже ушел, и она крикнула:

– Жаннет! Мы садимся пить чай. Не хочешь ли с нами?

Жаннет кивнула и мигом примчалась на кухню.

– Добрый день, Эмма. Спасибо. Пить хочется страсть. Хозяйка велела быстро снести письмо, и на чай у нас я уже не успею.

– Ничего, попьешь с нами. Вот и с Лили познакомишься, это наша новая горничная.

– Добрый день, – вежливо сказала Жаннет. – Ты откуда? Приезжая? Я тебя никогда не встречала.

– Лили нашел сам граф. А графиня велела оставить ее в доме. С ней случилась беда, – пояснила Эмма, разливая чай и выкладывая на поднос булочки.

– Беда? Расскажешь? – обратилась Жаннет к Лиле.

– Я бы рассказала, но сама ничего не помню. Леди Эстер считает, что я ударилась головой.

– Ну, ничего, – решила Жаннет. – Потом вспомнишь.

Все чаепитие они болтали ни о чем, а после Жаннет напросилась в комнату к Лиле, чтобы показать ей кружева, сплетенные своими руками. Кружева были на нижней рубашке, а задирать юбку при всех она не могла. Девушки поднялись наверх и еще с полчаса секретничали и хихикали, пока Эмма не напомнила Жаннет, что ей пора к хозяйке.

Лиля по указанию Эммы взялась за чистку серебряных ложек, но в уме перебирала все, услышанное от новой знакомой. Хорошо, что она решила позвать ее на чай. А добрая Эмма всегда старается сделать ей что-нибудь хорошее. Прямо как мама. От этих мыслей слезы невольно потекли по ее

щекам, но Лиля твердо решила не раскисать. Надо надеяться на лучшее. Раз она попала в Олдоакс, то может и вернуться обратно. Надо только набраться терпения и держать глаза открытыми. Не может быть, чтобы она ничего не узнала, а с Жаннет это будет даже легче.

С утра у графини Мортимер планировалась прогулка по парку. Она гуляла в любую погоду, но начинающийся ливень все же заставил ее отложить поход в парк до обеда. Она прошла в гостиную, пододвинула свое кресло поближе к окну, взяла рукоделие и села вышивать при тусклом свете дождливого утра.

– К вам можно, госпожа? – спросил заглянувший в комнату секретарь.

– Входите, Фостер.

Энтони подумал, что зашел к леди Эстер в подходящее время: ее лицо выражало умиротворение. Она всегда выглядела свежей, только что причесанной и одетой с иголки – ее домашнее серое платье как будто только что побывало под утюгом горничной. Он за три года работы научился по мелким признакам угадывать настроение графини. Когда она нервничала, то ее пальцы слегка дрожали. Когда гневалась, посередине лба пролегала вертикальная складка, да и сверкание стальных глаз не оставляло других толкований ее настроения. Сейчас она посмотрела на Фостера с любопытством и даже с некоторой долей доброжелательности.

– Я выполнил ваше задание, ваша светлость.

– Насчет найденной мной записки?

– Да. Я говорил с кучером и садовником. Оба отрицают, что записка адресована им. Джек, оказывается, хочет жениться на Эмме. Билл занят своей семьей. Конюх Генри, как вы знаете, женат и не осмелился бы развратничать под страхом потерять работу. Мальчишка Том слишком юн для тайных свиданий.

– То есть, ты по-прежнему хочешь подвести меня к мысли, что записка предназначена моему мужу?

– Вы сами видите, госпожа, что иных вариантов просто нет.

– Хорошо, можешь идти. Вот что – найди мне новую горничную Лили и пришли ее сюда.

– Слушаюсь, ваша милость.

Фостер вышел, а леди Эстер задумалась. Действительно, мальчишку Тома и старого Генри можно было исключить. Джек и Билл, скорее всего, не врут. Они знают ее тяжелый нрав и не решатся на разврат в поместье. Остаются два варианта – записка была написана ее мужу или ее секретарю. Фостер тоже боится ее гнева, но он любит рисковать. Нужно подойти к решению проблемы с другой стороны.

Лилия очень устала с утра. Они с Эммой убрали весь второй этаж. Это было не так легко осуществить. Нужно ведь и прибраться во всех комнатах, и не помешать господам. Поэтому, как только граф или графиня выходили из какой-ли-

бо комнаты, горничные бросались ее убирать и действовали очень быстро: вдруг хозяйева вышли ненадолго?

Лиля орудовала шваброй и думала о Генке. Как это здорово быть простой осетровской школьницей, а не служанкой! Она вспоминала, как с подружками ходила по летнему времени купаться на Севрюжку, как они бегали в лес за ягодами и грибами. Тут, правда, тоже имелись лес и грибы, но она туда ни разу не ходила. А если ее и пошлют за грибами, то их надо будет отдать на кухню и потом долго чистить вместе с кухаркой.

Затем девушка вспомнила, как они с классом ходили в поход, а перед этим пришел Генка и проверил, все ли необходимое она положила в рюкзак. Оказалось, что она забыла свитер и фонарик. Здесь же никто о ней не заботится, никому нет до нее дела.

Лиле стало так жалко себя, что на глаза навернулись слезы. Она изо всех сил пыталась их скрыть. Это было нетрудно, поскольку она заплетала косы Эмме, и та сидела к ней спиной.

Дверь в комнату приоткрылась.

– Прошу прощения, милые дамы, – сказал вошедший к ним Фостер, – Лили, тебя зовет хозяйка. Она в гостиной.

– Меня? – удивилась Лиля.

– Да, беги скорее.

– Иди, голубушка, потом меня причешешь, – сказала Эмма.

Лиля со всех ног выбежала из комнаты Эммы и кинулась вниз по лестнице на второй этаж, где обитали хозяева, а там побежала к гостиной.

– Вы звали меня, госпожа? – спросила она, открыв дверь.

– Да, милая, войди. У меня к тебе просьба: ты знакома с горничной леди Лонгфильд Жаннет?

– Да, ваша светлость.

– Это секретная просьба. Я попрошу тебя дойти до усадьбы Джулии Лонгфильд и поговорить с Жаннет. Спроси ее, не она ли писала записку одному из мужчин в Олдоаксе. Заговори с ней о чем-нибудь и вставь этот вопрос между делом. Хорошо бы было узнать и адресата, которому предназначалось послание – это если письмо писала она. И помни, никому больше ни слова.

– Хорошо, ваша светлость.

– Ступай, дитя мое.

Леди Эстер встала с кресла и подошла к окну. Дождь, вроде бы, стихал. Графиня подумала, что если Жаннет не писала записки, то ее писала Джулия. А это значит, что адресована она Джорджу. Неужели у знатной дамы появилось желание назначать свидание слуге, каким, по сути, являлся Фостер? Хотя современные нравы настолько низко пали, что она бы ничему не удивилась.

Глава 4. Камень потускнел

С утра по понедельникам леди Эстер обычно брала экипаж и ездила по арендаторам в поместье. Она любила лично узнавать обо всех проблемах: о том, у кого прохудилась крыша, а у кого отелилась корова, кто болеет, а кто пристрастился к бутылке.

Сэр Джордж любил понедельники. Он на своей коляске мог съездить к Джулии или Жаннет, по обстоятельствам – кто из них был доступнее в данный момент. Но этот понедельник Мортимер использовал по-другому. Дело было в том, что у него кончились наличные деньги, а в кредит сейчас мало кто торговал. Нужно срочно искать выход, ведь дамы так любят шикарные рестораны, модные наряды, дорогие украшения! Без денег абсолютно невозможно заинтересовать даже самую простую служанку.

У графа Мортимера имелся план, и осуществить его можно было только в отсутствие жены. Сэр Джордж знал, что пока хозяйки нет, горничная Эмма вряд ли зайдет в ее спальню. К тому же, присутствие мужа в спальне жены никого не должно удивить. Поэтому он решительно направился в женнины покои. Там, как всегда, было чисто и свежо. Он окинул взглядом большую кровать под балдахином, комод, туалетный столик около окна. Туда слуги ставили шоколад, который графиня любила пить на ночь. Неприметная дверца

вела из спальни в гардеробную. Это очень удобно, чтобы спрятаться в случае прихода неожиданного посетителя. Окно графини выходило в парк, оно было приоткрыто.

Заветная шкатулка стояла на комодe около кровати. Сэр Джордж знал, что ключик от нее графиня хранит в верхнем ящике под Библией. Он с легкостью открыл шкатулку. Лежащие там драгоценности ослепительно засверкали на солнце.

Сэр Джордж стал перебирать украшения, пока не наткнулся на изящное кольцо с серым камнем. Мортимер вынул перстень, который на свету заиграл всеми красками радуги. И не сразу поймешь, что камень в темноте имеет обычный серый цвет. Тетка леди Эстер говорила, что этот камень – самая большая ценность в приданом ее племянницы. Если его продать, можно купить еще одно имение. Графу не требовалось еще одно имение, да и в ломбарде полную цену за камень не дадут, но ему хватит и того, что там предложат.

Сэр Джордж положил перстень в карман, закрыл шкатулку ключом и все убрал на место. Его сердце ликовало! Он так долго планировал эту операцию, волновался, а все прошло как нельзя более хорошо. Он быстро вышел из покоев жены и направился в библиотеку. Там он позвонил в колокольчик. На зов пришла Эмма.

– Вот что, вели Джеку запрячь коня в коляску, – приказал граф.

– Но Джек в карете повез графиню по делам, – возразила горничная.

– Тогда пусть Билл запряжет. Мне все равно кто, но через двадцать минут я уезжаю.

– Как же вы поедете без кучера?

– Придется Биллу поработать кучером.

– Хорошо, ваша светлость.

Мортимер рассудил правильно. Хотя Билл и работал садовником, запрягать коней и править лошадьми ему приходилось не раз. Вскоре коляска была готова, а садовник ждал его на месте кучера. Граф залез внутрь и скомандовал: «В город!»

Дорога шла сначала по имению меж уже убранных полей, затем повернула к побережью, а потом повела путников через небольшой дубовый лесок. Деревья радовали разноцветием осени. Вскоре показались пригородные домишки с небольшими земельными наделами, коровниками и курятниками. Деревни выглядели безлюдными. Крестьяне уже сделали все осенние дела и показывались из домов только тогда, когда нужно было покормить скотину.

Наконец они въехали в город. Ломбард расположился на узенькой улочке с булыжной мостовой. Торговцы у домишек наперебой предлагали купить свежие калачи, зелень с грядки, хотя грядки уже перепахали на зиму, говядину и свинину. Ломбард находился между лавкой зеленщика и почтой.

Граф слез с повозки и направился к зеленой двери. Было видно, что он тут появился не в первый раз. Он решительно постучал приделанным к ручке металлическим кольцом

и крикнул: «Исаак, открывай!» Дверь тут же открылась.

– Ваша светлость, какая честь, – запричитал старый еврей.

– Здравствуй, старик. У меня к тебе дело.

– Рад служить вам, ваша светлость. Проходите.

– Вот что, Исаак, у меня есть вещица, но задешево ты ее не получишь, – сказал Мортимер, подойдя к прилавку ломбарда.

– Покажите мне ее, ваша светлость.

Сэр Джордж вынул кольцо и положил его на прилавок. Глаза старого еврея загорелись.

– Вы хотите заложить кольцо?

– Нет, только камень. Но ты получишь его, если сможешь найти у себя что-то похожее и заменишь камень в перстне.

– Конечно, господин граф. У меня найдется похожий камешек. Он почти такой же, но стоит гораздо дешевле.

– Это то, что надо. Сделай эту работу, а я подожду.

– Садитесь, ваша светлость, – сказал Исаак, вынося из-за прилавка кресло, – а Анна сейчас сварит вам горячего шоколада.

Сэр Джордж сел. Через пять минут из неприметной двери позади прилавка вышла золотоволосая девушка с пышными формами и подала ему чашку шоколада. Сэр Джордж внимательно посмотрел на девушку, заметил ее зеленые глаза и ямочку на щеке. Нужно будет познакомиться с ней поближе, решил он. Но сейчас у него есть Джулия и Жаннет. Заводить еще одну страсть несвоевременно.

Не успел он выпить шоколад, как Исаак сделал всю работу и протянул ему кольцо уже с другим камнем.

– Учти, старик, я знаю цену своему камушку.

– Но вы же хотите хранить подмену в секрете? А это тоже стоит денег, – заметил Исаак.

– Если ты что-нибудь расскажешь моей жене, я задушю тебя собственными руками!

В результате они сговорились о цене, и сэр Джордж с кошельком, набитым деньгами, вышел прочь. Билл ждал его в двуколке.

– Гони к леди Лонгфильд, – приказал граф, – у меня к ней дело относительно спорного участка земли.

Билл все понимал про дела своего господина, но, естественно, ничего не сказал. После пригородных домишек, не доезжая до дубового леса, он повернул коляску не направо, в Олдоакс, а налево, в имение Лонгфильдов.

Около ворот имения они нагнали девушку в синем плаще.

– Жаннет, – воскликнул сэр Джордж, – что ты здесь делаешь?

– О, господин граф, я ходила за лекарем. Госпожа неважно себя чувствует. А врач, как назло, принимает роды у жены арендатора Джона Кирсинга. Не знаю, что и делать.

– Вот что. Мы сейчас доедем с тобой до поворота к замку Олдоакс, высадим там Билла. Он пойдет домой пешком, а я сам отвезу тебя в город к своему врачу. Если ему заплатить, он согласится поехать к Джулии и осмотреть ее.

– Но разве можно господину сидеть на козлах?

– А мы никому не скажем, что я – господин, – усмехнулся

Джордж.

Так они и сделали. Билл пошел домой, а Жаннет с графом Мортимером поехали обратно в город. Они действительно заехали к врачу и попросили его съездить к леди Лонгфильд, но на его повозке. А сами поехали на ипподром. Жаннет очень любила бега, да и сэр Джордж не отказывал себе в удовольствии поставить на любимую лошадку.

Денег они не выиграла, но очень весело провели время. Затем граф со служанкой поехали в ресторан, где плотно поужинали. Когда Мортимер высадил Жаннет на развилке между двумя имениями, уже наступил вечер.

Графиня была дома. Джордж рассказал ей полуправду про пошатнувшееся здоровье леди Лонгфильд и про роды у жены арендатора. Естественно, как джентльмен, он ездил в город за врачом. Леди Эстер выслушала всю историю с неприглядным видом, хотя от мужа и пахло спиртным. Она понимала, что если Джордж поедет в город, то трезвым он точно не вернется.

Пока жена пошла на кухню распорядиться насчет ужина, граф проник в ее покои и положил перстень с поддельным камнем на место.

Новый день начался с неприятностей. Сэр Джордж, удобно устроившись на мягком диване в любимом теплом сюртуке, просматривал в гостиной утреннюю почту. Шурша юб-

ками, в комнату чинно вплыла как всегда безупречно одетая и причесанная леди Эстер. На пальце графини красовался тот самый перстень с серым камнем. Она остановилась перед сэром Джорджем и вперила в него суровый взгляд. Тот, не поднимая глаз, усердно читал газету.

– Друг мой, уделите мне минуту вашего драгоценного внимания. В нашем доме случилось нечто странное.

– В чем дело, дорогая?

– Мой перстень! С ним что-то случилось – камень совсем тусклый!

– Право, дорогая, вы поднимаете слишком много шума из-за пустяков.

– Это вовсе не пустяки. Перстень стоит целое состояние. Говорю вам, его как подменили!

– Душа моя, этот камень так странно влияет на вас! Меня беспокоит ваше бесценное здоровье.

– Вздор! Мне лишь нравится, как камень светится в темноте. И потом, это – наследственная драгоценность. Как вы знаете из записок моей прабабушки, когда он тускнеет, случается что-то ужасное!

– Напрасно вы верите в эти сказки!

– Я требую, чтобы вы что-то предприняли!

Сэр Джордж внимательно посмотрел в решительное лицо жены. Задуманная им афера удалась. Этот гренадер в юбке (как он мысленно называл свою законную супругу) обнаружила пропажу, когда он уже заменил драгоценный камень на

серую стекляшку. А за камень Бэклоу он взял хорошую цену и на полученные деньги во всю покутил со своей крошкой.

– Если камень все-таки потускнел, отдайте его для чистки экономке. Она наверняка знает способ заставить камень засиять ярче прежнего.

– Что вы говорите, сэр! За последние пять лет, после трагической кончины брата, этот перстень ни разу не подвергался никакой чистке. Он всегда сиял отблесками солнечного света. А теперь, наверное, случилось что-то ужасное!

– Возможно, вы и правы, дорогая. В нашем доме происходят загадочные вещи, – задумчиво пробормотал лорд Мортимер, – может быть, действительно учинить допрос прислуге? Только я бы не стал призывать на помощь полицию.

– Вы хотите сказать, что кто-нибудь из прислуги мог подменить камень? Но это маловероятно. Камень, по-моему, тот же, только не сияет. И это меня пугает!

– Вы не видели мой портсигар? – сэр Джордж решил переменить тему разговора.

– Посмотрите в библиотеке.

Чуть приподняв юбки, леди Эстер выплыла из комнаты, величественно, как океанский лайнер. Незадачливый лорд направился в библиотеку. Портсигар лежал на подлокотнике его любимого кресла, где и обычно. Он взял его и задумался.

Надо отвлечь внимание жены от злосчастного перстня. Зря он посоветовал ей отдать камень в чистку экономке. Нужно было самому завладеть кольцом и спрятать его по-

дальше, пока жена не заподозрила его самого в подмене камня. Мортимер прекрасно знал свою жену. Если какая-то мысль пришла ей в голову, Эстер не успокоится, пока не выяснит все до конца. И он направился в покои графини.

Робко приоткрыв дверь, сэр Джордж заглянул в ее кабинет. Леди Эстер, устроившись в кресле у камина, сосредоточенно разглядывала перстень на своей руке.

– Все же он потускнел, – произнесла она, заслышав шаги мужа.

– Позвольте мне взглянуть на него еще раз, дорогая.

Леди Эстер молча протянула кольцо.

– Да, похоже, Вы правы. Камень потерял прежнюю яркость. Если хотите, я положу его в стакан с «Королевским виски». Может быть, все-таки, он просто испачкан.

– Ах, сделайте, что хотите. Я так огорчена! Леди Блекхилз говорила мне, что этот камень способен предсказывать будущее. Очевидно, нас ожидают большие неприятности.

– Вздор, дорогая! Его надо просто помыть.

С этими словами сэр Джордж вышел, сжимая в руке злополучный камень. Посмотрев на него еще раз, он удовлетворенно опустил перстень в карман.

Несмотря на подозрения жены, настроение у графа было приподнятое. От вчерашней удачной операции осталось еще много денег, к тому же ему грела сердце записка от леди Лонгфильд. Они встретятся сегодня, если бедняжке станет лучше. Конечно, Жаннет тоже неплоха, но со служанкой аб-

солютно не о чем говорить. То ли дело ее госпожа! Джулия обучена и музыке, и живописи, разбирается в театральном искусстве, в политике. Она в курсе всех слухов относительно их общих знакомых. С ней никогда не бывает скучно! Ведь не только постелью привлекает запретная страсть.

Мортимер опустил руку в карман, чтобы достать портсигар. Вдруг что-то оборвалось у него внутри – сэр Джордж осознал, что в кармане кроме портсигара ничего не лежало. Записка, написанная милой Джулией на гербовой бумаге Лонгфильдов, пропала. А она имеет весьма фривольное содержание! Сэр Джордж почувствовал, как сердце остановилось, а затем забилось с бешеной скоростью.

Он принялся еще раз тщательно обследовать все карманы. Записка, безусловно, отсутствовала. Нужно прежде всего опросить прислугу, если, конечно, записку не изъяла жена.

Постаравшись придать лицу возможно более беззаботное выражение, он медленно зашагал в покои леди Эстер, но на полпути передумал. Что он ей скажет? Начать надо со слуг. Решив не звонить горничной, он сам спустился в кухню.

Вся прислуга во главе с экономкой пила чай за большим деревянным столом.

– Эмма, вы не видели адресованный мне розовый конверт с письмом?

– Какой конверт, сэр?

– Конверт с письмом от леди Лонгфильд, в котором она

рекомендует моей супруге свою портниху.

– Нет, сэр. И не думаю, что кто-нибудь из слуг его видел.

– Как вы можете говорить за всех?

– Горничные приносят мне все вещи, с которыми не знаю, как поступить, сэр. Но сегодня ничего такого не было.

Сэр Джордж обреченно вздохнул. Видно, разговора с леди Эстер избежать не удастся. В таком случае, незачем откладывать это неприятное дело. Если она что-то прониюхала, лучше узнать обо всем сразу. Возможно, он еще сможет придумать удовлетворительное объяснение нынешним щекотливым обстоятельствам.

А этой наивной дурочке Джулии надо будет сказать, чтобы впредь была осторожнее. Письма не обязательно присылать в Замок. Их можно оставлять где-нибудь неподалеку, в потайном месте.

Если же Фостер украл письмо от Джулии, то наверняка, по поручению леди Эстер. Видимо, она приказала ему обыскать карманы графа, прочитала письмо, которое Фостер ей принес, и велела положить его обратно, а он, по небрежности, забыл. Вот негодяй! Да, но что же делать? Что он скажет жене о любовном письме Джулии? Какими же несносными становятся жены после десяти лет супружества, и, даже, если вспомнить, гораздо раньше! Строит из себя образец добродетели. Как будто он не видит ее заигрывания с Фостером, да и этот молодой наглец явно не прочь заполучить в любовницы знатную леди. Мортимер давно заметил, как загорают-

ся его глаза, когда мимо проходит Эстер. Так, так... Удачно, что служанку Джулии зовут Жаннет. Вот она их и выручит. В конце концов, девчонка все время водит его за нос. Злополучное письмо подписано «навекы твоя Джи», что может означать и Жаннет. Выйдет прекрасный урок хорошего тона для этого малого – ловеласа. У секретаря надолго пропадет охота волочиться за чужими женами. Да и у леди Эстер исчезнет желание обыскивать одежду мужа! Представим дело так, что записка – это послание Жаннет к Фостеру.

С этой мыслью Мортимер решительно направился в холл, откуда через резную арку можно было напрямиком попасть как в кабинет Фостера, так и в кабинет жены. Глаза его при этом лихорадочно блестели, а губы тронула чуть заметная усмешка.

Графиня сидела за туалетным столиком и мазала лицо каким-то бальзамом.

– Душа моя, вы заняты? – спросил сэр Джордж.

– Вы же видите, я привожу себя в порядок.

– Вы можете не прерывать своих занятий. Я по пустяковому вопросу.

– Ну, говорите.

– Дело в том, что я тут нашел любовную записку от служанки леди Джулии Жаннет к Фостеру. Хотел вам ее показать, но она куда-то пропала из моего кармана. Вы не находили ее?

– Представьте, нашла. Только я не понимаю, с чего вы ре-

шили, что автор записки Жаннет, а адресат – Фостер?

– Ну что вы, дорогая, это же всем известно! Он давно уви-
вается вокруг нее. Это и не удивительно – она молода и мила.
Конечно, с высокородной и элегантной дамой вроде вас ее не
сравнишь, но Фостер же понимает, что роман с дворянкой
для него недостижим.

– Честное слово, я не знаю, кому верить. Фостер указыва-
ет в качестве адресата вас, а вы – его.

– Дорогая, разве можно верить этим простолюдинам?!

– Среди них тоже бывают честные люди, хотя насчет Фо-
стера я сомневаюсь. Ну что же, я проведу свое расследова-
ние и все выясню. Если Фостер завел любовницу, он будет
наказан, поскольку такое поведение недопустимо в знатных
семьях. Спасибо вам за сообщение, милый друг.

– Не стоит. Не буду вам мешать, дорогая супруга.

Сэр Джордж вышел из кабинета со смятением в душе. Ес-
ли его гренадерша затеет расследование, она может выяс-
нить правду. Она же и до сличения подчерков может пойти.
Нужно предупредить Джулию, чтобы меняла почерк во всех
посланиях, которые будут адресованы в Олдоакс. А прежние
ее письма нужно немедленно уничтожить.

Погода портилась, осень все тверже заявляла о своих пра-
вах. Ночью было так холодно, что ветки деревьев покрывал
иней. Белый густой туман сгущался с вечера и неохотно ухо-
дил, когда солнце прогоняло его своими лучами. Часто при-
нимался моросить мелкий дождь, влажный ветер крутил раз-

ноцветные опавшие листья.

Дома в такую погоду Лиля любила сидеть на диване, накрывшись пушистым пледом, и читать книгу, полную захватывающих приключений. Мысли уносились вдаль, туда, где всегда лето и все хорошо кончается.

Здесь об этом нечего было и мечтать. Рабочий день служанок начинался еще до рассвета. Надо было прибираться комнаты, растапливать камин, накрывать на стол. Правда, накануне Лиля узнала, что раз в две недели ей полагается выходной вечер. Подумать только! Даже не день, а всего лишь вечер! Правда, идти ей здесь было некуда и встречаться тоже не с кем. Но именно сегодня она собиралась встретиться с Жаннет.

Знакомство с Жаннет значило для Лили очень много. Девушка ее возраста отнеслась к ней доброжелательно и не была связана с Мортимерами. Ей Лиля могла задать вопросы, на которые никто другой не дал бы ответа. А сегодня, вдобавок ко всему, она должна была выполнить поручение леди Эстер.

После обеда девушка надела второе из подаренных графиней платьев и тщательно причесалась. Пришлось надеть и шляпку, Эмма утверждала, что приличные женщины не выходят из дома с непокрытой головой. Вместо пальто Лиля накинула длинную пелерину, когда-то принадлежавшую леди Мортимер. Пелерина была старая и местами потертая, но зато очень теплая и добротная. Крошечная сумочка-ри-

дикюль, дополнявшая туалет, была подарком Эммы. У Лили были даже деньги. Она получила три кроны жалованья.

Встреча с Жаннет, которая обещала выпросить у своей госпожи выходной вечер, намечалась в деревенской аптеке. Там стояли два или три столика, за которыми можно было выпить чаю с булочкой или даже с пирожным, если хватит денег. Тем, кто сделал заказ, сидеть разрешалось сколько угодно. Девушки собирались угоститься и поболтать на славу.

Когда Лиля добралась до деревни и нашла аптеку, Жаннет уже сидела за столиком. Других посетителей не было. Как только Лиля устроилась, к ним подошла жена аптекаря и спросила, что девушкам угодно.

Оказалось, что одной кроны хватит на два пирожных, чайничек чая с сахаром и даже на одну булочку, которую можно разделить пополам. Жаннет, очень довольная тем, что платит за все Лиля, сразу принялась болтать. Она рассказала новой подруге, что больше всего любит развешивать платья своей госпожи и разбирать ее украшения. Когда леди Лонгфильд не видит, можно приложить платье к себе и покрутиться перед большим зеркалом, установленным в гардеробной.

Хозяйка большая модница, к тому же она хороша собой, и у нее нет отбоя от кавалеров. Поэтому она велела установить такое зеркало, чтобы видеть себя с головы до ног. У нее еще очень хорошенькие башмачки, наверное, десять пар. Одна-

жды Жаннет удалось померить одни, и они точно подошли ей по ноге.

Ах, если бы она была знатной дамой! Жаннет могла бы с утра до ночи менять туалеты, заказывать себе красивые башмачки и парчовые туфельки для балов и лакомиться пирожными, вот как сейчас!

– Ты еще можешь стать знатной дамой, если выйдешь замуж за дворянина. Представь, ты станешь леди. Надо только, чтобы муж был богат, тогда и платья появятся, и туфельки, – улыбнулась Лиля.

– Нет, – вздохнула Жаннет. – В нашей глуши совсем нет неженатых молодых богачей, тем более дворян. Скорее всего я вообще никогда не выйду замуж, так и буду служанкой леди Лонгфильд.

Жаннет задумчиво откусила кусочек пирожного и сделала маленький глоток чая. Она хотела растянуть удовольствие как можно дольше.

– Впрочем, это тоже неплохо, – повеселела она. – Зато моя госпожа собирается отправиться путешествовать. Если она возьмет меня с собой, я увижу разные города и даже чужие страны. Конечно, возьмет! Ей ведь нужна будет в пути служанка.

– А я думала, ты не хочешь уезжать, – сказала Лиля, вспомнив про поручение леди Эстер. – У тебя ведь здесь сердечный интерес. Я видела записку, которую ты написала своему дружку. Правда, я не знаю, кто он...

– Какую записку? – удивилась Жаннет. – Я не писала, да и некому у вас писать. Сэр Джордж женат, а Фостер не дворянин и денег у него нет. Да он на меня и не смотрит. По правде сказать, если бы у меня кто был, я бы не стала ему писать. Я плохо пишу, викарий говорит, одни ошибки. И леди Лонгфильд смеется. Лучше уж все сказать на словах.

– Может, твой дружок не из дворян? Садовник, например, или конюх, – продолжала выпытывать Лиля.

– Да нет у меня дружков в Олдоаксе! – воскликнула Жаннет. – Сэр Джордж звал меня с собой один раз на скачки и еще в казино в городе. Я согласилась, и было забавно. Но он хочет, чтобы я стала его любовницей, а я не хочу. Еще чего! От него проку никакого, только места можно лишиться. А я не хочу, чтобы хозяйка на меня гневалась. Я хочу поехать с ней путешествовать, может, даже по морю.

Девушки допили чай и поднялись, чтобы идти домой. Все хорошее когда-нибудь кончается, но они не огорчались. Надо только подождать две недели, и у Лили опять будет выходной вечер. Тогда они смогут опять куда-нибудь пойти. По дороге Жаннет пыталась расспросить Лилю о прошлом, но той пришлось врать, что она ничего не помнит. Жаннет была разочарована, и чтобы ее утешить, Лиля обещала, если вспомнит, рассказать все ей первой. Расстались они вполне довольные и проведенным вечером, и друг другом.

Глава 5. Где Лиля Михайлова?

Элла Георгиевна с трудом открыла дубовую дверь и тяжело осела на стул. Кабинет встретил ее привычным уютom. Серебристо-зеленые волны традесканции спускались с высокого стеллажа и длинными струями стекали на стол. Тюлевые занавески скрывали рассыпь цветущих фиалок на подоконнике. Элла Георгиевна вырастила их своими руками, и обычно они успокаивали ее, отвлекали от мрачных мыслей.

Но сейчас она не замечала ничего вокруг. Ужас происшедшего сковал ее душу. Как могла она, старая дура, не понять, не остановить, не вспомнить!

Экскурсия учеников франглийской спецшколы пришла в музей около полудня. С утра было пасмурно, но к этому моменту тучи начали расходиться, появились голубые проталинки.

Как обычно, мальчики разглядывали оружие и доспехи, а девочек больше интересовали старинные костюмы и драгоценности. Лицо милой светловолосой школьницы показалось Элле Георгиевне знакомым. Но она вела экскурсию, следила, чтобы дети ничего не трогали, и мимолетное воспоминание прошло мимо ее сознания.

Зато потом, когда *это* случилось, ей стало казаться, что она с самого начала предчувствовала недоброе. Она снова и снова прокручивала в голове события последнего часа. Вот

дети входят. Подумать только, с Анной Трофимовной, учительницей истории и большой энтузиасткой исторической науки, она была знакома уже лет пять. Другим и не попасть бы в этот зал до начала выставки. Они разговорились, да еще парнишка, который непременно хотел отобрать меч у бронзового рыцаря... Привычные заботы заставили ее забыть о кольнувшей сердце тревоге.

Сколько лет прошло с тех пор, когда Элла Георгиевна последний раз разговаривала с юной девушкой, пришедшей на экскурсию в ее музей! Конечно, малышка принялась разглядывать кольцо – самое ценное украшение в экспозиции.

Ах, почему она не убрала его в запасник! Столько хлопот выпало ей из-за этого кольца, фамильной драгоценности рода Бэклоу. Элла Георгиевна так долго его искала, подавала объявления в центральные и региональные газеты. Она чувствовала, что перстень где-то рядом. И вот однажды появился человек, который был готов отдать камень Бэклоу на выставку с условием, что его имя будет упомянуто в буклете. Ей не удалось выяснить, при каких обстоятельствах реликвия покинула Франглию и очутилась в России. Но Элла Георгиевна понимала, что ее место – возле камня. Она собственноручно отпечатала на компьютере легенду о таинственных свойствах камня и положила ее в витрину рядом с драгоценностью.

Рассказывая школьникам о событиях трехсотлетней давности, она время от времени посматривала на заинтересо-

вавшую ее девушку. Та как раз повздорила с мальчишкой, который прилепил девушке к волосам жевательную резинку.

И в этот момент камень, разбуженный энергией скандала и запущенный лучом солнца, засиял собственным светом. Девочки ахнули, а эта светленькая захотела разглядеть его получше и погрузилась в золотистое облако над витриной. Мгновение – и все закончилось. Девочка исчезла, а камень потух, снова потемнел и превратился в невзрачную безделушку.

И лишь когда солнечный луч скользнул меж тяжелых портьер и осветил камень, она вспомнила! Но было уже поздно!

Она, словно со стороны, увидела себя в старом замке. Леди Эстер Мортимер, урожденная Бэклоу, склонилась над раскрытой шкатулкой с украшениями, а эта юная особа в темном платье и белоснежном переднике, как и подобает горничной, стоит и покорно слушает ее наставления.

Анна Трофимовна упала в обморок. Пришлось вызывать скорую помощь, а потом и милицию, отвечать на бесконечные вопросы, пытаться объяснить ничего не видевшим и потому недоверчивым милиционерам, куда делся ребенок.

Утешало одно – Элла Георгиевна не сомневалась, что девочка жива и здорова. Но как исправить ужасную ошибку и вернуть бедное дитя домой, она не знала.

Свежий ветер забирался за воротник, пахло недавно прошедшим дождем. Мир распахивался навстречу так, как бывает только весной и только тогда, когда ты молод. Но Генка

не замечал ни умытых дождем улиц, ни веселых и нарядных прохожих, которых выманило из домов яркое солнышко. Он не мог забыть увиденное в гостях у Кирилла.

Хорошо малышам! Они ни о чем не заботятся, искренни и непосредственны. Но чем становишься старше, тем больше проблем и сложностей.

Так думал Геннадий, соображая, как бы поаккуратнее выяснить, как в странном видении оказалась Лилька. Она всегда была такая хорошенькая!

У всех людей есть ранние воспоминания. Когда человеку года три, что-то может произвести на него такое впечатление, что останется в голове на всю жизнь.

Генке запомнилась Лиля в голубом платье. Правда, ему тогда было, наверное, лет пять, потому что Лилька была хоть и малютка, но уверенно ходила и бегала. Однажды летом мама повела его с собой в магазин, оставить было не с кем. Вот тогда они и встретили белокурую девочку, всю в кудряшках, наряженную в голубое платье с оборками. По малолетству Генка решил, что она не настоящая. Ему казалось, что голубое платье – это кусочек неба, а сама девочка пришла из сказки. Солнечные лучи путались в ее золотистых волосах, крошечные ручки и ножки казались игрушечными.

Потом выяснилось, что девочка все-таки настоящая, живет в соседней квартире. Их часто выводили гулять одновременно или Лилина мама забирала Генку и шла во двор с двоими. Они ходили в один детский сад, она в младшую группу,

а он в старшую, потом в школу. В третьем классе Генка водил соседку на уроки и с уроков, мама разрешала.

Все изменилось, когда он перешел в пятый класс. Мальчики и девочки стали образовывать отдельные группы, порой дрались и очень интересовались друг другом. Генку начали дразнить женихом, и совместные походы в школу прекратились.

Теперь она ходила к нему заниматься математикой. Он объяснял ей задачи, а Лиля смотрела на него так, что голова начинала кружиться. Волшебной она уже не казалась, но по-прежнему была красивее всех.

Генка мог поклясться, что видел в созданном концентратом пузыре именно ее. Конечно, это могла быть ее прапрабабушка, или сколько там надо этих пра-. Но уговорить себя, что это так, было трудно. Не только лицо, но и взгляд, и движения казались удивительно знакомыми. Что, если малышка опять попала в беду? И что это за беда? Что вообще показал им этот странный прибор?! Кино или реальную жизнь? А если это жизнь, то где сейчас Лилька?

Войдя в подъезд и поднимаясь по лестнице, Генка думал, как разговаривать с родителями девочки так, чтобы не напугать их. Может, он все придумал, и соседка сидит дома, учит уроки.

То, что Лиля не отвечает на телефонные звонки, Генку не особо беспокоило – она часто забывала зарядить свой мобильный или выключала его, чтобы не мешал, и забывала

включить. Плохо то, что у девчонки завтра контрольная по математике, она предупредила его еще на прошлой неделе. Нужно ее погонять по тригонометрии, а она не приходит и на звонки не отвечает.

Лиля жила в соседней квартире, поэтому далеко идти не пришлось. Было семь вечера, ее родители уже пришли с работы, когда студент позвонил им в дверь.

Родители Лили работали в НПО «Логарифм», там же, где Сергей Анатольевич Воробьев – отец Кирилла Воробьева. Мама Лили, Светлана Романовна, невысокого роста толстенькая хохотушка, работала мастером, а отец Николай Петрович, высокий и видный мужчина с сединой на висках – начальником цеха. Занимались они измерительной аппаратурой и мечтали, что дочка закончит школу и институт и придет на работу к родителям помощником мастера.

Светлана Романовна никогда не отчаивалась. Даже когда Лиля в пять лет упала на лестнице, прокатилась по пролету вниз и свезла себе всю физиономию накануне утренника в детском саду, ее мать не рыдала и не ругалась, а только намазала дочку зеленкой. Так, зеленая, Лиля и рассказывала стих на празднике.

Сегодня соседка встретила Генку вся в слезах, а ее муж одну за другой курил сигареты. Генкино сердце сжалось от плохого предчувствия.

– Светлана Романовна, что с Лилей? – крикнул он.

Она не ответила, а только зарыдала в голос.

– Проходи, брат, – сказал Николай Петрович, – вишь, беда у нас. Пропала наша дочка.

– Как пропала?

– Непонятно как. Да ты проходи.

Гостиная у Михайловых была обставлена дорогой мебелью, в духе времени, поскольку на Логарифме платили хорошо. Генка прошел в комнату и сел на диван.

Светлана Романовна опустилась в кресло около стола. На столе стояла рюмка, от которой пахло валокордином. Генка знал этот запах – он отпаивал маму, когда у них в театре премьера сорвалась из-за того, что главная артистка на спектакль не явилась. Еще сильно пахло табаком. Так и хотелось открыть форточку, но хозяева не открывали, а Генка постеснялся попросить.

– Понимаешь, – продолжал Николай Петрович, – пошла она с классом во французский музей. Там какой-то скандал вышел, и никто не заметил, как Лилечка пропала. Ее все искали, но так и не нашли. Может, похитили нашу девочку?

При этих словах затихшая было Светлана Романовна зарыдала опять.

– Мы были в милиции, – продолжал Николай Петрович, – там сказали, чтобы мы обзвонили всех Лилиных подруг и наших родственников – вдруг она просто сбежала с экскурсии и к подружке пошла? Мы обзвонили, ее нигде нет. И еще посоветовали не выходить из дома – вдруг похитители позвонят с требованием выкупа...

Генка не знал, как реагировать: в милиции родители побывали, куда же теперь идти? Кто может помочь? Девочка пропала в музее – может, служительница, которая была в зале одновременно с Лилиным классом что-то заметила?

Тут Генку посетила ужасная мысль: а что, если девчонка попала в прошлое? Ведь они видели ее, когда ставили эксперимент с Кирилловым концентратором... Это просто ужасно – если какая-то неведомая сила утащила ее в прошлое, то доставить ее обратно в двадцать первый век невозможно, нет пока таких приборов.

– Вы не расстраивайтесь пока, Светлана Романовна и Николай Петрович, я что-нибудь придумаю. Мы обязательно вернем Лильку домой! – проговорил Генка как можно более убедительно.

Он попрощался с соседями и пошел домой. Теперь хочешь – не хочешь, а Лильку нужно выручать. Он слово дал и не привык его нарушать. Нужно идти к Кириллу и посоветоваться с ним. Нет, пожалуй, сначала он пойдет в музей. Раз там разыгралась вся трагедия, то нужно поговорить с директором, что ли, и еще с дежурной по залу.

После посещения Лилиных родителей Генка никак не мог прийти в себя. Его Лиля, которую он знал с пеленок, почти родственница, и вдруг пропала. Ее большие серые глаза смотрели на него всегда так наивно, с верой, что он ее спасет, а он не уберет девчонку.

Он должен найти девочку. Не может так быть, что школь-

ница пропадает посреди экскурсии, а экскурсовод ничего не знает. Генка решительно набросил на плечи ветровку и выскочил на улицу.

На дворе уже который день стояла отличная погода. Пели птички, бежали ручьи по тротуарам, на земле таяли последние горки снега, пахло талой водой и свежей травой. Небо было особенно синим, без единого облачка. Генка ничего не замечал.

На его счастье, автобус пришел быстро, и через пятнадцать минут он был около франглийского музея. Двухэтажное здание сияло веселенькими розовыми стенами, что совершенно не подходило под настроение Копейникова.

Генка подбежал к двери и дернул за ручку – дверь была закрыта. Это не смутило юного спасателя пропавших девочек: он вынул из кармана длинный гвоздь и аккуратно поддел крючок, который заменял в этом здании швейцарские замки. Преград больше не наблюдалось, и парень рванул по покрытой ковром лестнице наверх.

– Вы куда? Музей закрыт! – крикнул вслед незамеченный им вахтер – седой и хлипкий старый дедушка, сидящий в кресле около лестницы, но Генка его не слушал.

Он бегом поднялся на второй этаж и побежал направо, где располагались административные помещения. Дверь в кабинет директора оказалась пятой от лестницы. Генка рывком открыл дверь и вошел внутрь.

– Верните Лилу! – крикнул он.

За дубовым столом в кабинете сидела элегантная женщина средних лет, одетая в стильный серый костюм и голубую блузку. Кабинет тоже выглядел изысканно. Обитые деревянными панелями стены, мягкая мебель – диван и два кресла с кожаной обивкой, картина на стене, изображавшая морские волны и попавший в шторм корабль, шкаф с полированными дверцами. На подоконнике стояли горшки с фиалками, которые цвели разного окраса цветами – от белого до лилового.

Генка подошел к столу ближе, поскольку женщина молчала. От нее исходил легкий запах дорогих духов. Тут дверь открылась, и в нее вбежал запыхавшийся вахтер. Он схватился за сердце и ничего не мог произнести, только тяжело дышал.

– Аристарх Сильвестрович, присядьте, – сказала женщина, – что же вы так бегаєте? У вас же гипертония.

С этими словами директор подошла к шкафу, открыла дверцу и вынула оттуда стакан и бутылку воды. Она наполнила стакан и подала его старику. Тот залпом выпил предложенную ему воду.

– Элла Георгиевна, простите меня. Я ему говорил, что музей не работает, а он и не слушает.

– Ничего, Аристарх Сильвестрович, все в порядке. Я сама поговорю с этим юношей. Вы пойдите в комнату отдыха, полежите немного.

– Так я же на работе.

– Ничего страшного, пойдите.

Старик поднялся и медленно вышел в коридор.

– Я слушаю вас, юноша. Прежде всего, представьтесь, – сказала дама.

– Меня зовут Геннадий Копейников. А у вас тут пропала моя соседка, Лиля Михайлова. Я сейчас был у ее родителей – они с ума сходят от волнения и горя.

– Я все понимаю, молодой человек. Вы видите, даже музей закрыт из-за этого ЧП. Но что вы хотите от меня?

– Верните Лилю. И не говорите мне, что вы ничего сами не понимаете. Я в это не верю.

– Ну, допустим, что-то я понимаю. Но вернуть девушку не могу.

– А кто может?

– Никто.

– Тогда расскажите, почему все произошло, и я сам буду решать, как ее спасти.

– Хорошо, только вы не поверите мне. История слишком фантастичная. Вы, наверно, не слышали о легенде Бэклоу?

– А что за легенда?

– Легенду потом прочитаете в зале восемнадцатого века. Она там в витрине лежит. Только суть в том, что легенда сбывается. У рода Бэклоу издавна есть драгоценный камень. Он вставлен в перстень. Этот камень волшебный. Когда он находится среди людей, то может набрать силу и перенести человека в прошлое или будущее. Тут произошла ссора во время экскурсии школьников, я отвлеклась. Камень засиял

на солнце и перенес девушку в прошлое.

– А откуда вы знаете, в прошлое или в будущее?

– Этого я сказать не могу. Только совершенно точно знаю, что девушка в восемнадцатом веке во Франглии. Более того, она в поместье Мортимеров.

– И что же делать?

– Ничего. Но вы не беспокойтесь. Ей там хорошо. Ее ждет вполне благополучное будущее.

– А я могу взглянуть на камень?

– Конечно, пойдете со мной.

Элла Георгиевна вышла из кабинета и пошла по коридору к лестнице. С левой стороны от нее начинались выставочные залы. Генка пошел за директрисой. Так вместе они дошли до зала восемнадцатого века.

– Вот, смотрите, – она указала на витрину, в которой лежал перстень с мутным серым камнем, а рядом был помещен листок с легендой Бэклоу.

– Вот видите, камень потускнел. Значит, у него сейчас силы нет. Никого больше он никуда не перенесет, пока снова не наберет мощности.

– За какое время он эту мощность набирает? – спросил Генка.

– Может, за год, а может, и за десять лет.

– Но я не могу ждать десять лет!

– Я ничего не могу сказать про сроки. Там, в прошлом, тоже есть этот камень, и когда он сработает, никто не знает.

– А вы можете дать мне этот перстень?

– Не могу. Но если хотите его потрогать, я нарушу инструкцию и открою витрину, – сказала директриса, открывая ключом небольшой замочек.

Парень взял в руки старинную драгоценность и потрогал камень. Он был гладким и холодным. Растерянный Генка отдал перстень, попрощался и медленно побрел домой. Но мысль, что все это ерунда, не давала ему покоя. На полпути к выходу он остановился и повернул назад.

– Где, вы говорите, эта легенда?

– Пройдите в зал, в витрине у окна лежит рукопись, а рядом перевод, – глядя на него с сочувствием, сказала Элла Георгиевна.

Музей Франглии в Заливном Осетре появился благодаря помещику Финикову. Тот мечтал стать титулованным дворянином, графом или хотя бы маркизом, но непременно франглийским. С этой целью он скупал мебель, украшения, картины, предметы быта, правда, только те, что были ему по карману. О своей собирательской и просветительской деятельности он писал франглийскому королю. Однако монарх не отвечал и не спешил награждать Финикова высоким титулом.

После революции все имущество помещика конфисковали, но благодаря неразберихе и отсутствию настоящих ценностей ничего не утратили. Запертые в подвале вещи благополучно дожили до тех времен, когда энтузиаст музейного

дела, сын дворецкого, служившего у Финикова, добился открытия музея.

Франглийский музей расположился во флигеле, который Фиников построил для своей матушки. Сначала экспозиция занимала одну комнату, но позднее, при профессоре Гуляковском, расширилась и распространилась на все здание.

В витрине у окна лежала рукопись, написанная острым почерком на пожелтевшей от времени бумаге. Для лучшей сохранности экспонат был запаян в пластик. Свет из окна отражался от гладкой поверхности, и разглядеть было ничего невозможно. Но Генку документ и не интересовал. Читать на древне-франглийском он не умел. Русский перевод, напечатанный крупными буквами, читался, зато, легко.

«В год от Рождества Христова 1559, пред праздником Святых апостолов Петра и Павла, записано Люциусом Палмером, лекарем города Лисвилла, по поручению Эмилии Бэклоу.

Дочь означенной дамы, неразумная Энн Бэклоу, забыв о высоком своем происхождении и презрев родительскую волю, отдала сердце свое Томасу Кланчу, кузнецу. Сей Том Кланч, будучи хорош собой, посмел обратить взор свой на девицу Бэклоу, не подходившую ему ни по происхождению, ни по состоянию. Греховная страсть сия побудила его искать общества девицы, улаживать ее льстивыми речами и подарками.

Как известно всякому, в наших краях находят камень, ко-

ему молва людская приписывает волшебную силу. Означенный кузнец, желая угодить предмету страсти, добыл с превеликими трудами сей камень, изготовил кольцо из серебра и поместил волшебный осколок в сие изделие.

Девушка Бэклоу, по молодости и неразумию не подозревавшая беды, с благодарностью приняла подарок нечестивого кузнеца. Мать девушки и отец ее, желая оградить дочь от позорного союза, задумали выдать Энн за соседа - дворянина, человека степенного и положительного.

Не смея перечить отцу своему и матери, девушка притворилась согласной, но в день накануне венчания бежала из дому, чтобы встретиться с кузнецом. Из замка за ней была отправлена погоня, дабы вернуть нареченную жениху. Но девушка, ускользнувшая потихоньку, была уже далеко. Кузнец поджидал ее на окраине Лисвилла, и никто не воспрепятствовал их встрече.

Почти уже догнав беглянку, слуги дома Бэклоу не остереглись и выдали себя. Заметив их приближение, девушка и кузнец взялись за руки. Солнце вышло из-за туч, так что парочка хорошо была видна преследователям. Камень в кольце, кое девушка сжимала в руке, вспыхнул, и беглецы пропали.

Слуги вынуждены были возвратиться ни с чем и доложить о неудаче хозяевам. Место, откуда пропала дочь, по приказу сэра Бэклоу было обыскано, но кроме кольца, выроненного девушкой, ничто не подтверждало слов преследователей.

С тех пор минуло двадцать лет. Сэр Бэклоу отошел в луч-

ший мир, а его супруга, чувствуя окончание дней земных, повелела мне описать все сие в назидание будущим поколениям.

Да помнят они о волшебной силе кольца и да остерегутся выходить из воли родителей своих!»

Генка не знал, как относиться к прочитанному. Мистика какая-то. Лилька вдруг в прошлое попала. Тут ему вспомнился эксперимент с концентратором. Ведь тогда они с Кириллом видели прошлое. А что, если этот концентратор по сильнее зарядить? Надо срочно поговорить с Кириллом. Если концентратор перенесет и Генку в прошлое, Лиле не будет там одиноко.

Покинув музей, Генка снова ускорил шаг, почти побежал: вдруг Лиле там плохо вопреки тому, что сказала директриса музея? Ее надо срочно спасать, медлить некогда. Ей каждую минуту может грозить опасность. У нее же там нет ни единого знакомого человека, на кого можно было бы положиться!

Что делать? К кому обращаться? Нужно срочно запустить концентратор и посмотреть, что там происходит. Лишь бы Кирилл был дома!

Генка припустил рысью. Добежав до своего дома, он остановился и почему-то не мог вспомнить код от подъезда. Хорошо, что Венера Никитична вышла погулять со своей болонкой. Парень ловко придержал дверь и забежал в подъезд.

– Здравствуйте, молодой человек, – крикнула ему вслед соседка.

– Здравствуйте, Никита Венеровна, – пробормотал Генка, у которого от волнения совсем помутилось в голове, но, к счастью, женщина его не услышала.

Он вбежал на свой этаж и позвонил в квартиру Кирилла. Никто не открывал, и Генка понял, что сейчас еще слишком рано, сосед наверняка в институте. Не дожидаясь лифта, Копейников бросился вниз по лестнице. Домчался до своего подъезда, снова побежал наверх и открыл ключом свою дверь. Там он взял в прихожей велосипед и снова вышел на лестничную площадку. Он уже собирался спускаться вниз пешком, но тут на его этаж пришел грузовой лифт. Может, его сюда прислал кто-то из соседей. Генка не стал задаваться этим вопросом.

Внизу на скамейке около подъезда сидели две молодые мамы с колясками – Вера и Рая. Они явно обиделись, что Копейников их не заметил и не спросил, как поживают их малыши, но парню было не до того. Он залез на велосипед и помчался к Политехническому институту. Так было гораздо быстрее, чем ожидать на остановке автобуса.

Около серого здания Политеха толпились студенты. У них как раз закончилась третья пара, и они радовались свободе, предвкушая длинный веселый апрельский день. «В такой толпе Кирилла не разглядишь», – подумал Генка, бросил велосипед и протолкался ко входу в главное здание.

– Эй, парень, куда? – окликнул его охранник.

Генка показал ему пропуск, который оказался в заднем

кармане джинсов, и побежал на второй этаж, где располагалась кафедра темпорологии. Он решительно открыл дверь и столкнулся лицом к лицу с Воробьевым.

– Привет, студент, – весело поздоровался с ним Кирилл.

– Кирилл Сергеевич, у меня к вам дело, срочное!

– Сейчас занятия уже кончились, так что можешь называть меня по имени, без отчества.

– Беда, Кирилл! – горестно произнес Копейников.

– Так, сядь и все толком расскажи.

Генка вошел внутрь. На кафедре никого не было. Заваленные бумагами столы и открытые ноутбуки создавали рабочее настроение даже в отсутствие сотрудников. Окно выходило в сад около института, где весело гомонили студенты. Правда, Генке не было до этого никакого дела.

Он сел, вздохнул и выложил Воробьеву все, что ему рассказала Элла Георгиевна.

– Ну, дела! – удивился Кирилл, – нет, конечно, путешествия во времени возможны, об этом и темпорология говорит, но для этого нужна достаточно большая энергия.

– Так вот, у кольца из музея она была большая, а теперь никакой не осталось.

– Выходит, кольцо сработало, как машина времени? Ген, а что ты думаешь про наш концентратор? Вернее, он не наш...

– Думаете, с его помощью можно вернуть Лильку?

– Вряд ли. Но мы можем с помощью концентратора хотя бы на нее посмотреть. Нужно еще поэкспериментировать и

узнать, постоянна ли его настройка именно на это время и место.

– Пока мы будем экспериментировать, она там погибнет!

– Ну, как мы видели в прошлый раз, ей ничего не угрожало. И потом, без эксперимента не обойдешься.

– Слушай, Кирилл, – Генка называл Воробьева то на вы, то на ты, – а вдруг этот концентратор все же может переместить Лилу обратно?

– Такие выводы делать рано. Давай проведем второй эксперимент.

– Точно, а потом ходим к Светловой.

– Зачем? – Кирилл мгновенно покраснел.

– Да что вы все краснеете? У нее отец ученый. Я знаю, поскольку они вместе с Лисициным и моей мамой в школе учились. Настька с ним договорится, и мы у него спросим про энергию и про перемещение. Он и концентратор посмотрит. И знаете, пойдем к Светловой прямо сейчас. Эксперимент мы в любое время проведем, а она пусть пока поговорит с отцом, чтобы он нас выслушал.

Кирилл был совершенно не готов идти к Насте. За три проведенные пары рубашка и джинсы стали мятыми, щетина с утра отросла, да и душ неплохо бы принять.

– Ген, давай завтра к ней ходим.

– Ты что, Кирилл?! Все нужно срочно делать. Пойдем.

И Кириллу пришлось идти. Он на пару минут оставил Генку на кафедре, а сам зашел в туалет, побрызгал на воло-

сы водой из крана и причесался – расческа всегда лежала в кармане рубашки. Затем мокрыми руками провел по джинсам, но они все равно не разгладились. Потом он пополоסקал рот и вспомнил, что у Романовича в столе стоит пузырек с одеколоном. Воробьев вернулся на кафедру и, не обращая внимания на Генку, подушился одеколоном Романовича.

– Ну, готов? – усмехнулся Генка. К нему вернулась способность шутить, а это уже было неплохо.

Подходя к приемной декана, студент и его преподаватель услышали приглушенное хихиканье. Генка открыл дверь, и заглянувший через его плечо Кирилл увидел Настю, которая разговаривала по мобильному и интимно хихикала. Настроение у Воробьева сразу испортилось.

– Я тебе перезвоню, – прошептала Настя, увидев молодых людей, и нажала на отбой.

– Насть, привет, – сказал Генка, – у нас к тебе дело.

Глава 6. Долги Ричарда

Ричард Бэклоу, племянник леди Мортимер, сидел в мягком кресле у окна в гостиной клуба «Приют одинокого рыцаря» и, изредка затягиваясь своей любимой сигарой и выдыхая горький дым, задумчиво смотрел на погружающуюся в сумерки улицу. Аристократически тонкие черты его лица выглядели несколько размытыми, темные круги и мешки под глазами, бледные щеки, бескровные губы выдавали склонность к алкоголю и бессонным ночам за карточным столом. Клуб, в который он ходил почти ежедневно, переживал не лучшие времена. Именно поэтому отсюда его не выгоняли несмотря на сильно подмоченную репутацию и финансовую несостоятельность – Ричард, оправдывая свой внешний вид, слыл азартным игроком, пьяницей и любителем женского пола.

Несмотря на то, что у его тети Эстер не было детей, рассчитывать на материальную поддержку с ее стороны Ричарду не приходилось. Дело в том, что старая лошадь – леди Эстер, терпеть не могла племянника. Его невинные забавы она считала чуть ли не смертными грехами. Старая карга была настолько помешана на добродетели, что не сочла возможным принимать у себя Ричарда – своего ближайшего родственника. Она приказала привратнику, чтобы тот не пускал ее племянника на порог.

Поскольку состояние, оставленное Ричарду родителями, таяло на глазах, положение становилось критическим.

Надо было срочно что-то придумать. Но что?! Как избавиться от своей непреклонной тетки? Здоровье у нее, к сожалению, тоже лошадиное. Думать о таком ужасном деянии, как убийство, Ричард не мог. Лишить человека жизни – это не то же самое, что соблазнить чужую жену и проиграть на скачках подаренную ею драгоценность, как случилось это год назад, после чего «высшее общество» окончательно от него отвернулось.

Надо придумать тонкую интригу, чтобы иметь доступ к деньгам, по праву и так принадлежащим ему. Но интрига, как правило, строится на каких-то человеческих слабостях, а у Эстер их не было. Положение казалось безвыходным.

Таким мыслям Ричард предавался уже не первый день. Казалось, пора фортуне повернуться к нему лицом. Но судьба не переставала наносить ему удары. В дверь вошел мистер Альфред Гутс, человек, которому Ричард был должен. Один из самых жестоких его кредиторов. Именно ему Ричард задолжал крупную сумму в счет карточного долга.

Мистер Альфред, одетый «с иголки», причесанный, поскольку не носил парик, и побритый лучшим цирюльником, пахнувший дорогим одеколоном, не просто так очутился в сомнительном клубе.

– Ах вот вы где, сэр Бэклоу! Наконец-то я вас нашел, – сказал он, подсаживаясь поближе к Ричарду.

– Здравствуйте, мистер Альфред. Очень рад вас видеть.

– Не думаю, что вы очень рады. По крайней мере, я добивался встречи с вами довольно долго. Мне пришлось прибегнуть к крайним мерам, чтобы найти вас. Вы умело замечаете следы.

– Что вы, сэр. Я живу в этом клубе уже почти неделю.

– Вот именно. Неделю – с тех пор, как проиграли мне в карты сто крон. Вы собираетесь отдавать их мне?

– Конечно, мистер Гутс. Как только мне удастся получить от тети положенное мне содержание за год, я тут же выплачу вам весь долг без остатка.

– Вот что, дорогой Бэклоу, я знаю, что ваша тетя не собирается выплачивать вам содержание раньше времени.

– Ну что вы...

– Не перебивайте меня, драгоценный. Как кстати мне пришло на ум это слово – драгоценный, драгоценность... Так вот, дорогой Бэклоу, мне нужна одна драгоценность. Она находится во владении вашей тетушки, леди Мортимер, урожденной Бэклоу. Если вы принесете мне ее, я прощу вам долг.

– Я, право, не знаю...

– Это перстень с серым полупрозрачным камнем, – не слушая Ричарда, продолжал Альфред, – он хранится в ее шкапулке. Принесите мне этот перстень, скажем, в следующее воскресенье после полудня, в это же место. И мы в расчете.

– Но позвольте, как же я его достану? Мне и вход туда заказан.

– Это ваше дело. Придумайте что-нибудь. И не делайте глупостей, – с этими словами мистер Гутс порывисто поднялся со стула и вышел из зала.

«Этот малый – не промах», – глядя ему вслед, тоскливо подумал Ричард, – «перстень наверняка стоит гораздо больше ста крон. Надо было выторговать у него денег, если уж придется воровать у тетки драгоценность».

А почему воровать? Есть другие пути. Надо подкупить кого-то из слуг. Как подкупить, не имея денег, вот в чем вопрос... Это можно сделать, если сговориться с какой-нибудь глупой горничной. Можно пообещать ей заплатить потом. Или можно пообещать вообще что-то другое. Например – жениться на ней и сделать ее леди Бэклоу, аристократкой. Какая мысль! А что, если действительно жениться на горничной? Пусть родит наследника, к которому перейдет имение. Тогда эта змея, леди Эстер, будет локти кусать, что во время не дала племяннику содержания.

Хотя, рано об этом думать. Для начала надо добыть камень. Чтобы подговорить горничную взять из шкатулки перстень, надо, во-первых, войти в замок, куда его не пускают. Во-вторых, надо знать, где лежат драгоценности. Шкатулка, скорее всего, находится или в спальне графини, или в кабинете. В спальню горничная проникнет легко во время утреннего или вечернего туалета леди Эстер, либо во время уборки. А в кабинет? Туда вход открыт не для всех. Уборка в комнате может быть доверена экономке или секретарю. Как

это выяснить? Надо думать. Секретарем у нее этот задавала Фостер. В замке без году неделя, а самомнение, как у хозяйина. Его не подкупишь. Экономка Мэри Талбот старовата, чтобы на ней жениться. И, наверно, тоже слишком дорожит своим положением, чтобы можно было ее подкупить. Выход один – дожждаться ночи и влезть в замок, после чего самому проверить кабинет графини.

Ричард встал и решительно направился к двери. Придет-ся потрепаться хозяина лавки, чтобы купить веревку, фонарь и нож. Он, конечно, не захочет продавать все это в долг, но пара оплеух его убедит.

– Эй, господин, а кто платить будет? – забубнил официант.

– Запиши на мой счет, – небрежно бросил ему молодой Бэклоу.

– Опять на счет, – возмутился официант, – уже скоро книга лопнет от этих записей.

Но Ричард не слушал его. Он решительно вышел на деревенскую улицу.

«И зачем Гутсу понадобился именно этот перстень моей тетки? – думал Ричард. – У нее есть вещи гораздо дороже. Бриллиантовую брошь я мог бы достать, подкупив какую-нибудь служанку. Тетя Эстер показывается в ней раз в год, не чаще. А этот перстень с серым камушком она надевает чуть ли не каждую неделю. А если не надевает, то без конца любит им. Дурацкая старая легенда свела ее с ума».

С этими мыслями Ричард Бэклоу быстро зашагал к Олдо-

аксу.

«Ничего не поделаешь, Альфред вцепился в меня мертвой хваткой, и, если я не достану ему перстень, посадит в долговую тюрьму. Надо что-то предпринимать».

Подойдя к огораживающему парк и замок забору, Ричард увидел в саду прехорошенькую незнакомую девушку, срезающую цветы.

«Странно, – усмехнулся Ричард, – казалось бы, я знаю всех особ женского пола в этом доме. Да и они меня прекрасно знают. Новая служанка? Может быть, это именно то, что мне нужно?»

Преодолев забор в знакомом с детства месте, он направился к девушке.

– Такими белыми пальчиками держать колючие розы – это просто преступление, – сказал молодой Бэклоу.

Девушка ничего не ответила, лишь подняла на него испуганные серые глаза в обрамлении удивительно черных пушистых ресниц.

– Вы, верно, новенькая? И как же зовут прелестную малютку?

– Если вы обо мне, сэр, то меня зовут Лили, – ответила девушка.

– Очаровательное имя и прекрасно подходит к чудесным глазкам и золотистым локонам.

– Благодарю вас, сэр, – ответила Лиля, изо всех сил старавшаяся вести себя как настоящая служанка.

Высокий и стройный молодой человек, завязавший с ней беседу, был очень хорош собой. Пронзительные черные глаза дополняли черные кудри, небрежно спадавшие на плечи. Но изящная прическа не казалась женственной, может быть потому, что фигура мужчины выдавала недюжинную физическую силу. Холеные руки с длинными пальцами с такой легкостью отвели мешавший разговору высокий колючий ствол розы, будто это была травинка. Юноша показался бы Лиле очень красивым, если бы не капризный изгиб губ и некоторая бесцеремонность, с которой он разглядывал девушку.

– Вас послал мне сам Господь, малютка. Вы ведь не откажетесь выполнить небольшое поручение? Я племянник леди Мортимер, и хочу сделать ей сюрприз к дню Ангела. Если вы будете умницей и поможете мне, я куплю вам новое платье, – молодой человек говорил так, словно и не сомневался в Лилином согласии.

– Чем я могу помочь вам, сэръ? – вежливо спросила Лилия, не решаясь убежать и не зная, как себя вести.

– Мне нужен перстень леди Эстер, знаете, с таким невзрачным серым камешком. Я хочу вставить в него сапфир. Мой друг привез из колоний великолепный кристалл, и я хочу подарить его тете, но так, чтобы она не знала об этом заранее. Будьте умницей, сходите к ней в спальню и принесите мне это украшение. Перстень лежит в шкатулке на туалетном столике. Я мог бы взять его сам, но тогда тетушка обяза-

тельно об этом узнает, и сюрприза не получится, – мужчина говорил так легко и искренне, что глупая девчонка должна была бы принять все за чистую монету. Вот только Лиля вообще не была глупа.

– Боюсь, что я не смогу помочь вам, сэр. Я работаю совсем недавно, и мне пока не разрешают ходить на господский этаж. Эмма говорит, что если я покажу себя честной и работающей, меня могут повесить до личной горничной ее светлости. А пока я помогаю на кухне и убираюсь в первом этаже. Но я могу позвать Эмму, чтобы вам помогла она, – скромно потупив глазки, предложила девушка.

– Ах, нет, не стоит, малышка моя. Я договорюсь с кем-нибудь другим из прислуги. А ты сделай одолжение, не говори никому о нашем разговоре, не то испортишь мне сюрприз, – нахмурившись, ответил молодой человек.

– Что вы, я не скажу не слова! – с воодушевлением воскликнула Лилия.

– Еще увидимся, – небрежно произнес молодой человек и, потеряв к Лиле всякий интерес, пошел своей дорогой.

Покупка необходимых для вылазки вещей не обошлась без трудностей. Впрочем, Ричард был к этому готов. Хозяин лавки сначала наотрез отказался отпускать ему веревку и нож, да еще и фонарь. По опыту зная, как трудно получить долг с этого покупателя, он стоял на своем и требовал заплатить вперед. В конце концов вышедший из себя Бэклоу

несколькими точными ударами свалил торговца на пол и подавил его сопротивление.

Правда, тот не остался в долгу. Он не мог поднять руку на дворянина, но зато пообещал завтра же сообщить о покупке и долгах тетке сэра Бэклоу, если до полудня не получит причитавшихся ему денег. Угроза была более чем серьезной, ведь графиня неизбежно заинтересовалась бы, зачем племяннику понадобился столь странный набор предметов. Пришлось Ричарду придумывать, где бы перехватить несколько крон, чтобы расплатиться с торговцем.

Самым очевидным решением было обратиться к сэру Джорджу. Он мог и ссудить родственнику несколько монет, но даже в случае отказа обращение к нему объясняло появление Ричарда в Олдоаксе. А решаясь на преступление, всегда надо подготавливать отходные пути.

Вечер Ричард коротал в кабаке. Для проникновения в замок требовалось дожидаться темноты. Вино в кабаке подавалось скверное, зато очень дешевое, что для Бэклоу имело большое значение. Он заказал кружку и задумчиво тянул его, что было совершенно для него не характерно. Но при всем своем легкомыслии Бэклоу понимал, что забраться ночью в замок он сможет только на трезвую голову.

Ричард посмотрел на улицу. Уже совсем стемнело. Через час-два граф и графиня Мортимеры лягут спать. Времени проникнуть в спальню тетки у него в обрез. Воскресенье наступит через два дня. Откладывать посещение замка некуда.

К вечеру похолодало, пошел мелкий дождь. Все складывалось просто отлично. Вряд ли в такую погоду кому-нибудь вздумается бродить возле замка, свидетелей можно не опасаться.

Ричард завернулся в плащ и надвинул на глаза шляпу. Под покровом темноты он быстро зашагал в сторону Олдоакса. С давних времен, еще когда тетка только вышла замуж за Мортимера и благоволила к племяннику, Ричард знал, где можно преодолеть высокую, сложенную из серого камня изгородь так, чтобы не попасться никому на глаза. Недалеко от обрыва, где внизу простирался каменистый пляж, в гуще ежевики изгородь разрушилась. Увидеть это со стороны было невозможно, но для озорного мальчишки, каким был тогда Ричард, такие места таили особую прелесть.

Подобрав по дороге длинную палку, Ричард приблизился к обрыву и огляделся. Поблизости никого не оказалось. Тогда он палкой отвел колючие ветки и незамеченным проскользнул к ограде. Для молодого человека перемахнуть через полуразрушенный участок изгороди труда не составляло, и через минуту Ричард снова был в парке.

Стараясь держаться поближе к деревьям, он незаметно подобрался к черному ходу, ведущему на кухню. Им пользовались, когда торговцы доставляли в замок провизию, но Ричард знал, что экономка не запирала его до позднего вечера. Этим путем прислуга выскальзывала из дому, чтобы навестить родных или сходить на свидание, не отпрашиваясь у

хозяев. Сейчас дверь должна была быть не заперта, но кухня пуста, так как ужин прислуги и мытье посуды закончились больше часа назад.

Ричард проскользнул в дверь и быстро направился к лестнице, ведущей в покои хозяев. Сам Мортимер в это время обычно дремал у камина, а тетка сидела рядом и занималась рукоделием. Ничто не мешало племяннику проникнуть в супружескую спальню и обследовать шкатулку с драгоценностями.

Ричард неслышно поднялся на второй этаж и по мягкому ковру достиг спальни. Подозрительная и недоверчивая тетка запирала ее сразу после утренней уборки, но купленный в лавке нож помог злоумышленнику проникнуть в комнату.

Став спиной к окну, Бэклоу зажег фонарь и прикрыл его полой плаща. Вожденная шкатулка стояла у зеркала на туалетном столике. Открыть ее ножом было бы непросто, замок с секретом надежно защищал спрятанные в шкатулку ценности. Но Ричард знал, где находится настоящий замок. Он располагался на торцевой стенке, а замочная скважина на передней панели должна была лишь обмануть случайного грабителя.

Вскрыв шкатулку и не издав при этом ни звука, Ричард вздохнул с облегчением. Осталось только добыть кольцо. Бэклоу повернул фонарь так, чтобы видеть содержимое шкатулки, и принялся перебирать тетнины драгоценности. Кольца не было.

Не веря своим глазам, Ричард вытряхнул из шкатулки все содержимое и по одной вернул вещи на место. Кольцо так и не нашлось.

«Старая карга надела его на палец», – раздраженно подумал Бэклоу. – «Все усилия насмарку!»

Лезть в замок еще раз нечего было и думать. Ричард выбрал из теткиных драгоценностей ожерелье из рубинов в золотой оправе, оно показалось ему наиболее ценным. Осторожно закрыв шкатулку, он привязал ожерелье к веревке и спустил за окно. Теперь если даже его поймают, ничего подозрительного при нем нет.

Ричард закрыл шкатулку, поставил ее на место и тем же путем бесшумно покинул комнату. Щелкнул замок, но этот звук никого не потревожил. Бэклоу покинул Олдоакс, забрал под окном свою добычу и быстро пошел через парк к перелазу.

Лиля постоянно думала о том, как попасть обратно, домой, в двадцать первый век. Но она понимала, что пока находится в замке Мортимеров, необходимо вести себя как работающая и кроткая служанка, чтобы ее не выставили на улицу.

Встреча с племянником леди Эстер насторожила ее. Она поняла, что сэр Бэклоу хочет украсть у тети драгоценность. Все его рассказы про сюрприз на день Ангела ее не убедили. Лиля размышляла, что она может сделать, чтобы планы скользкого молодого человека провалились. Ей помогла судьба. Эмма попросила Лиллю подмести в кабинете госпо-

жи, поскольку у нее самой разболелась спина после уборки на чердаке. Горничная сказала, что леди Эстер не будет возражать.

Лиля тут же решила, что задержится в кабинете, откуда виден вход в спальню госпожи, а именно там стоит шкапулка с драгоценностями. Госпожа по вечерам не заходит в кабинет – она приводит там себя в порядок утром и иногда пишет письма после ланча.

Девушка тщательно подмела полы, выкинула мусор и вернулась в кабинет вместе с метлой. Если графиня все же войдет в комнату, Лиля скажет, что прибирается. Она задула свечи, открыв окно, чтобы спisać потухшие свечи на сквозняк, если леди будет интересоваться, отчего темно, и в полной темноте стала ждать вора.

На дворе в последние дни лил дождь, сильный ветер стучал ветками деревьев по окнам. Лиле все время казалось, что кто-то снаружи хочет попасть в кабинет, причем намерения у этого посетителя самые ужасные. Ее сердечко громко билось от страха.

Ветер неожиданно подул искоса, намочив платье девушки холодными струями дождя. Сквозняк изо всех сил хлопнул дверью в спальню, и Лиля вздрогнула: вдруг вор уже пришел? Но вряд ли он стал бы громко хлопать дверью. Воры ходят тихо, успокаивала себя младшая горничная.

Интересно, слышат ли что-нибудь леди Мортимер и сэр Джордж? Они вечерней порой проводят время в гостиной,

но любые планы могут измениться. Леди Эстер очень проныцательна, она вполне могла заподозрить племянника в попытке ее ограбить. А ночь выдалась такая подходящая для воплощения самых гнусных замыслов!

Лиля напряглась – она заметила тень, движущуюся по лестнице совершенно бесшумно, и это не была тень от ветки дерева. Внизу лестницы, ведущей в покои госпожи, горела свеча, и Лиле сквозь узкую щелку в двери виднелись только темные контуры человека. Ее сердце бешено застучало. Вдруг вор войдет в кабинет и заметит ее?! Что он предпримет? Он же может просто ее задушить!

На ее счастье, вор целенаправленно двинулся в спальню леди Мортимер. В руке у него был фонарь. Он подвинул к себе шкатулку с драгоценностями, стоящую на туалетном столике возле кровати. Лиля выпорхнула из кабинета и спряталась за открытую дверь спальни. В щелку при свете фонаря она отчетливо разглядела лицо вора – это был Ричард Бэклоу.

Он долго перебирал драгоценности своей тетушки, шепотом проклиная все на свете. Наконец Бэклоу вынул из шкатулки рубиновое ожерелье и стал его рассматривать. Лиля замерла. Только бы он не повернулся и не увидел в щели между дверью и стеной ее любопытные испуганные глаза!

Но Ричард и не думал оглядываться. Он положил ожерелье на стол, закрыл шкатулку, затем достал из-за пазухи веревку и привязал к ней драгоценность. Потом он открыл ок-

но и спустил веревку с ожерельем вниз.

В этот момент Лиля бесшумно нырнула обратно в кабинет. Дальше ей все было понятно. Ричард, безусловно, выйдет во двор и там снимет ожерелье с веревки. Девушка дождалась, пока вор покинет спальню графини и спустится по лестнице вниз. Она стала свидетельницей преступления! Но что делать дальше? Вряд ли леди Мортимер поверит почти незнакомой служанке, что ее племянник вор. Скорее она поверит своему родственнику, а он может свалить вину на кого угодно, в том числе и на нее. Значит, надо добыть доказательства его вины.

Что Ричард станет делать с ожерельем? Ему нужны деньги, поэтому он или сдаст драгоценность в ломбард, или продаст кому-нибудь. Вряд ли он станет действовать немедленно, скорее всего, отложит дела до утра.

Необходимо узнать, где сэр Бэклоу проводит свободное время – скорее всего, в каком-нибудь кабаке. Когда вор ушел, Лиля спустилась вниз и осторожно расспросила Эмму о родственниках леди Эстер, стараясь не показать, что уже встречалась с ее племянником. Оказалось, его нигде не принимают из-за плохой репутации. Если он захочет продать ожерелье, то будет договариваться об этом в клубе или попросит там бумагу и напишет покупателю письмо. Значит, нужно спросить у Эммы, где находится клуб, и завтра его там выследить.

Ричард был горд собой. В кои-то веки не его искали кре-

диторы, а он искал одного из них. Конечно, в краже ожерелья у тетушки было что-то неправильное, но, с другой стороны, она сама виновата. На что он должен жить? Он – высокородный сэр Бэклоу – должен просить милостыню, по ее мнению? Она обязана выплачивать ему содержание. Ведь на него возложена обязанность по сохранению поместья Бэклоу, а как он будет это делать? У него ничего нет, кроме долгов.

Эх, зря он взял только одно рубиновое ожерелье. Стоило бы захватить еще парочку драгоценностей, чтобы оплатить хоть немного долгов, и ему тогда предоставили бы кредиты во всех магазинах и питейных заведениях. Ну да ладно, пока он расплатится с самым непримиримым кредитором – Гутсом. Этот выскочка появился в поместье Мортимеров совсем недавно. Он представился дворянином, но никаких доказательств не предоставил. Странно, что тетушка продала дом на окраине поместья никому не известному человеку, да еще и принимает его в Олдоаксе.

Ричард встряхнул своей черной шевелюрой и поправил камзол. Одежку пора бы заменить. Эта давно нуждается в чистке, а больше надеть нечего. Вот и приходится ходить в камзоле с пятном на вороте. Жаль, что он продал отцовский кружевной воротник, тот превосходно скрыл бы пятно.

Ричард подошел ко входу в клуб «Приют одинокого рыцаря» и решительно отворил дверь. Дорогу ему загородил коротко стриженный привратник весьма высокого роста и с широкими плечами.

– Извините, ваша милость, не велено вас пускать, – сказал он.

– С чего бы это? – удивился Ричард

– Так вы же взносы не платите. Вас исключают.

– Ну еще не исключили же! А я как раз деньги принес.

Привратник замялся.

– Пропусти, дружище, если не хочешь неприятностей, – угрожающе прошипел Ричард.

– Подождите, я спрошу про вас у председателя, – привратник повернулся и пошел испрашивать разрешение у начальства.

Ричард не стал его ждать, а быстро вошел внутрь помещения. В креслах около окон никого не было. Только на журнальном столике лежало несколько газет. От входа кресла отделяли пальмы в горшках, которые привратник ежедневно поливал, и листья их были свежими и чистыми. На полу лежал потертый, когда-то богатый персидский ковер. Стены покрывали деревянные панели, давно нуждавшиеся в лакировке. С потолка свисала огромная люстра. Несколько дверей напротив окон вели в бильярдную, библиотеку и другие помещения для отдыха. Бэклоу резко открыл дверь в библиотеку. Он уже знал, где Альфред Гутс любит проводить свой досуг. Гутс сидел в кресле напротив книжного шкафа и читал газету.

– Бог мой, Бэклоу, вот уж не ожидал увидеть вас тут сегодня!

– Добрый день, Гутс. Вы думали, я от вас бегать буду? А я – человек слова.

Глаза Гутса заблестели, выдавая его острый интерес к собеседнику.

– Вы принесли мне перстень?! – воскликнул он.

– Ну что вы кричите, – поморщился Ричард, – перстня у меня нет. Но долг я заплачу.

– Нет перстня? Так что же вы пришли? – разочарованно произнес Гутс.

– Я же должен вам деньги, а не перстень. Вот это ожерелье стоит гораздо больше, чем все мои долги. Вы можете его забрать, – гордо сказал Бэклоу.

– Но мне не нужно ожерелье! Я послал вас за перстнем!

– Берите, что дают!

– Нет, дорогой Бэклоу. Я не возьму ожерелье. Если нет перстня, верните мне деньги.

– Хорошо, Гутс. Я верну вам деньги. Это мне только на руку. Цена ожерелья во много раз выше, чем мой долг вам. Придется, правда, немного подождать, пока я найду покупателя.

– Я ждал неделю, еще несколько дней ничего не изменят.

Ричард попрощался с Гутсом и вышел на улицу. У него есть два пути – либо заложить драгоценность в ломбард, либо продать ее частному лицу. Первый выход не слишком хорош. Во-первых, в ломбарде полную стоимость ожерелья он не получит. Во-вторых, леди Эстер может узнать свою дра-

гоценность в ломбарде, и у него будут неприятности. Лучше он продаст ожерелье какой-нибудь даме.

У него мелькнула чудесная мысль: леди Лонгфильд, вот кто скупает все красивые драгоценности! Она не может себя сдержать в своей непомерной любви к украшениям. Этот вариант хорош и тем, что у тетки с Джулией Лонгфильд натянутые отношения. По словам слуг из Олдоакса, этот кобель Джордж ухлестывает за Джулией, как, впрочем, и за остальными женщинами в графстве.

Ричард вышел на главную улицу городка, по которой ездили наемные экипажи, и щелкнул пальцами. К нему тут же подъехал кучер в пустой коляске. Ричард залез внутрь и командовал: «В поместье Лонгфильд!»

Всю дорогу по городу, затем по лесу и по аллее вдоль побережья моря Ричард мечтал, как потратит деньги от продажи ожерелья. Он отдаст долг Гутсу, а на остальные хорошенько кутнет. Ну, можно еще какую-то мелочь отдать бакалейщику, чтобы тот начал отпускать в кредит. Но после этого – на скачки! В воскресенье состоится главный забег осени. Он поставит на Золотую Стрелу. Эта лошадка прекрасно зарекомендовала себя в прошлый раз – пришла второй. Ричард считал, что наездник просто немного придерживал скакуна, опасаясь травмы у дебютантки. Но если дать ей волю, Стрела оставит соперников далеко позади!

В прекрасном настроении он подъехал к поместью Лонг-

фильдов. Джулия сидела в саду под каштаном, наслаждаясь неожиданно выглянувшим солнышком. Причудливые облака неслись по бледному небу, легкий ветерок шевелил пожелтевшие листья деревьев и белые кудри хозяйки дома.

– Как вы прекрасны! – воскликнул Ричард, проходя в калитку.

– Что вам надо? – неприветливо ответила Джулия.

– Вы напрасно так холодны ко мне, дорогая Джулия, – сказал Бэклоу, улыбаясь и подходя к ней поближе, – я пришел исправить ваше осеннее настроение на самое что ни на есть весеннее.

– О чем вы, Бэклоу?

– Ну, пока еще сэр Бэклоу.

– Хорошо, сэр.

– Милая Джулия, я хочу предложить вам прекрасное ожерелье, которое внесет в вашу неподражаемую внешность изюминку. Посмотрите, вам нравятся рубины?

Леди Лонгфильд взглянула на ожерелье графини Мортимер, и глаза ее загорелись от желания иметь эту вещь.

– Боже, как красиво! Я ее покупаю! – воскликнула она.

– Но она стоит двести крон.

– Для такой вещи это нормально. Пойдемте со мной.

Леди Лонгфильд в сопровождении Ричарда дошла до входа в свой прекрасный особняк и прямо в холле позвонила в колокольчик. На звук вышел ее эконом Роланд Хортинг.

– Роли, принесите мне двести крон из шкатулки, где лежат

деньги на хозяйственные нужды.

– Слушаюсь, ваша милость, – недовольно произнес слуга. И это было понятно. Все расчеты с хозяевами магазинов, со слугами, с наемными рабочими лежали на нем, а госпожа то и дело забирала часть денег, выделенных на хозяйство, на свои капризы. Вот и теперь, эти двести крон придется недоплатить рабочим за ремонт левого крыла дома, и неизвестно, будут ли они работать без жалования. Тем не менее, он принес хозяйке деньги.

Леди Лонгфильд передала Бэклоу двести крон и надела на шею рубиновое ожерелье. Не попрощавшись с ним, она побежала к зеркалу посмотреть, как рубины смотрятся на ее белой шее.

– Как я прекрасна, – думала Джулия, – все просто умрут от зависти, увидев на мне такое украшение. Только кому бы его показать? Нужно выбрать такую подругу, которая придет в ярость от ее красоты и богатства.

А довольный Ричард, получив, наконец, деньги, спрятал их в карман и пошел к ожидавшей его коляске.

Глава 7. Леди Эстер

Леди Эстер сидела в своем любимом кресле в угловой комнатке левой башни и вышивала салфетку. Вернее, пыталась вышивать. Розовый бутон рододендрона был уже закончен, а вот летающая вокруг бабочка еще не обрела разноцветного окраса. Мысли графини были далеко, а в груди бушевало пламя.

В эту комнатку никогда не поднимался муж или секретарь, а слуги входили только если она приказывала им вытереть тут пыль. Рассеянный взгляд графини то и дело обращался к окну, за которым раскинулся дорогой ее сердцу пейзаж. Замок Олдоакс возвышался над морем, как грозный страж, вот уже шесть веков. Суровые люди, возводившие крепость, думали лишь о его оборонительных достоинствах, комфорт интересовал их мало. Зато из башен и с верхнего этажа открывался великолепный вид на море, а в другую сторону – на расстилающиеся вокруг поля и дальний лес.

Парк, разбитый с северной стороны замка, радовал глаз леди Эстер куда меньше, хоть и был разбит по ее эскизам и на ее деньги. Но мысли ее были далеки от Олдоакса.

Леди Эстер была вне себя, она просто кипела от ярости. В руках она держала письмо, переданное ей секретарем. Лишь прекрасное воспитание не позволило ей даже в отсутствие свидетелей показать, что она чувствует.

Мысленно она снова была в Бэклоу. Старинный замок, в котором родились и умерли многочисленные поколения ее предков, замок, помнивший ее родителей, маленькую Эстер, играющую в ротонде у пруда, достался Ричарду. Так было заведено и происходило всегда. Старший мужчина в роду владел поместьем. Однако среди Бэклоу не было еще менее достойного мужчины, она всегда знала это. И вот, к собственному ужасу, оказалась права.

Письмо священника прихода Бэклоу содержало просто ужасные вещи. Огромное состояние ее брата, весьма недурное приданое матери – все растрчено и проиграно! Она давно подозревала что-то в этом роде и поэтому написала приходскому священнику, прося его сообщить, как обстоят дела в родовом поместье.

Справки, наведенные секретарем по ее поручению, говорили о том же. Информация верна. Фостер лишь подтвердил и уточнил то, что было написано в письме.

Старинный замок, предмет нежной любви и поклонения леди Эстер, располагался в живописном месте на берегу реки Толы. Построенный в одиннадцатом веке, он был предназначен для защиты от врагов, и переделки последующих веков не слишком изменили его облик. Прекрасные в своей простоте стены и башни смотрели на беспокойные воды реки с высокого берега, резко обрывающегося к воде. В прежние времена такое расположение позволяло хозяевам не ждать нападения с этой стороны.

Парк раскинулся выше, на склоне горы. Тенистые аллеи и розарий, искусственный пруд и множество живописных укромных уголков полудикой природы, где прошли юные годы леди Эстер, изменились без надлежащего ухода, заросли сорной травой.

Подумать только! Дубовая аллея, помнившая основателя замка, пошла под топор! Пруд с золотыми рыбами, гордость ее отца, пересох, так как прохудились трубы, по которым подавалась вода. Нет больше цветников и даже беседки, где маленькая Эстер часами просиживала с книгой, мечтая о взрослой жизни. Даже конюшни, в которой держали пони Малютку, больше нет. В столь же плачевном состоянии и сам замок Бэклоу, что уж говорить про дома арендаторов! Столь дорогие сердцу памятные места пришли в запустение, а всему виной расточительство и безрассудство племянника. Еще немного, и поместье будет не спасти.

И вот теперь письмо от самого Ричарда. Этот негодяй смеет просить у нее денег!

– Благодарю вас, Фостер. Ступайте.

Молодой человек почтительно поклонился и вышел. Он хорошо знал свою госпожу и ни за что не осмелился бы переречь ей в тот момент, когда у нее так побелели костяшки пальцев. Надо дать ей остыть. Да и не хотелось бы, чтобы графиня спросила его совета. Откровенно говоря, он бы совершенно не знал, что ей ответить.

Ричард надеялся, что она возьмет на себя заботы, а также

расходы по содержанию замка. С милой непосредственностью он сообщал тетке о своем плане уехать на континент. Конечно, для этого тоже нужны средства, так не могла бы милая тетушка...

Глаза леди Эстер наполнились слезами. Хорошо, что свежий ветер с моря сушит кожу! Никто не увидит, как изменилось ее лицо, никто не поймет, что она чувствует сейчас!

Родители леди Эстер были очень богаты, но воспитывали детей в строгости. Им сумели привить умеренность и трудолюбие, которые так пригодились Эстер Бэклоу, когда она стала супругой сэра Джорджа Мортимера.

Когда лорд Генри Бэклоу решил, что поместье Мортимеров полезно присоединить к его собственному, дочь безропотно пошла под венец. Конечно, тогда Джордж Мортимер был гораздо привлекательнее. Брюшко еще не отросло, а волосы не поредели. Веселый и остроумный, он пришелся Эстер по душе. Да и годы уже поджимали.

Леди стояла у окна, глядя на вечно изменяющуюся и неизменную морскую даль, и вспоминала, как молоденькой девушкой впервые вошла в этот замок хозяйкой. Поместье Бэклоу, соседствовавшее с замком Мортимеров, было куда богаче и комфортабельнее.

Леди Эстер улыбнулась, вспомнив, как растерялась, когда увидела свое новое жилище. Как холодно и неудобно было в Олдоаксе!

К сожалению, муж оказался начисто лишен практично-

сти. Поместье приходило в запустенье, долги росли, а молодой лорд продолжал развлекаться и искать все новые удовольствия. Сразу после свадьбы Эстер, унаследовавшая немалые деньги от бабушки по материнской линии, принялась за дело.

За пятнадцать лет их супружества старый продуваемый всеми ветрами замок Мортимеров и лежащие вокруг брошенные земли превратились в процветающее поместье. Сэр Джордж, женившийся на Эстер ради ее приданого, получил настоящее сокровище.

Девушка в двадцать лет в то время уже не могла надеяться на хорошую партию. Молодая жена, так долго оставшаяся девицей, была очарована красавцем-мужем. Ее благодарность и нежность не знали границ. Стараясь жить скромно, как учили ее родители, она, тем не менее, обнаружила великолепные способности к управлению поместьем.

Первым делом она отремонтировала дома арендаторов, приказала вспахать прилегающее к дороге поле, предварительно убрав огромные камни, разбросанные по земле тут и там. Пришлось приводить в порядок и собственные покои. Отказываться от привычных уюта и комфорта молодой леди не хотелось.

Всегда спокойная и рассудительная, но строгая, она выгнала старого управляющего, без зазрения совести обкрадывавшего Мортимеров, и возложила его обязанности на Фостера. Четвертый сын викария, не имевший никаких надежд

на получение хорошего образования и продвижение в обществе, был всем обязан своей госпоже. И знал, что ей нельзя перечить.

Подумать только, пока она заботилась о поместье мужа, ее собственный дом, до сих пор грезившийся ей во сне, почти погиб!

Мортимер жене не помогал, но, надо отдать ему должное, и не мешал. Его благодущие и подчеркнутое внимание были приятны леди Эстер, хотя она и не обольщалась на его счет. Джордж постоянно увлекался женщинами, не мог пропустить ни одной миловидной девушки, будь то знатная дама или служанка.

Похождения мужа леди Эстер не задевали. Она никогда не была влюблена в него, хотя с годами возникла привязанность. Добрый, веселый, непрактичный, он никуда не мог от нее деться. Следовало лишь следить, чтобы он не слишком сорил деньгами да приглядывать за фамильными драгоценностями.

Куда больше неприятностей доставлял Ричард, сын ее покойного брата. Бабушка разделила свое состояние на две части. Одну завещала Эстер, а вторую брату и его потомкам. Но предусмотрительно вверила и эти средства не по годам рассудительной Эстер. Пока брат был жив, она выплачивала ему солидное содержание из бабушкиного наследства. Теперь следовало заботиться о Ричарде.

Этот безрассудный и неуправляемый юнец успел растра-

тить все, что получил в наследство. Впрочем, начал разорять имение еще его отец. Не даром бабушка побоялась давать внуку в руки свои средства. Однако брат был человеком спокойным и хорошо воспитанным. Он отличался удивительной непрактичностью, но никогда не забывал, что он Бэклоу. А Ричард то и дело оказывался замешанным в сомнительные предприятия и авантюры. Из унаследованных им денег, находящихся на ее попечении, леди Эстер выплачивала ему содержание. Это позволяло хоть отчасти держать молодого человека в узде.

От размышлений леди отвлек удар гонга. Наступило время обеда. Досадно, что кухарка больна. Придется довольствоваться стряпней Эммы. Пожалуй, хорошо, что нет гостей, не придется краснеть.

После обеда леди Эстер направилась вниз, в свой кабинет. Следовало принять срочные меры, чтобы прекратить разорение фамильного поместья и сохранить хотя бы то, что еще цело. Содержание Ричарду придется уменьшить, а освобожденные средства использовать для уплаты долгов.

Чтобы обеспечить будущее племянника, леди Эстер считала необходимым Ричарда женить. Спокойная, воспитанная в строгих правилах девушка, подобная ей самой, могла бы устроить его судьбу и не дать разориться. Но выбор невесты разбивался о нежелание Ричарда обременять себя семейными узами. Да и девушек, желающих связать свою судьбу с этим шалопаем, пока не находилось.

Заветной мечтой леди Эстер было подобрать ему подходящую невесту. Тогда, если у пары родится мальчик, он сможет наследовать поместье Беклоу и ее деньги. Своих детей у них с Джорджем не было, а оставлять деньги Ричарду казалось неразумным. Леди Эстер перебирала в уме всех соседей, имевших подходящих по возрасту дочерей.

Отчего, отчего в самых лучших семействах рождаются такие, как ее племянник? Все в роду Бэклоу помнили, что рождены повелевать и давать пример достойного поведения простолюдинам. И ее отец, и мать, и многие поколения до них отличались сдержанностью, практичностью, великолепным здравым смыслом. Пожалуй, единственной паршивой овцой могла стать сестра ее прадеда, высокородная Энн Бэклоу. Но она пропала в девичестве и не смогла нанести чести семьи серьезный урон.

Легенда о таинственном проклятье фамильного кольца не вызывала у леди Эстер сомнений в своей правдивости. Многие старинные фамилии несли на себе печать совершенных предками грехов. Почему же Бэклоу должны быть исключением? А кольцо что-то поблекло, будто утратило внутренний свет, особенно заметный в темноте и уединении ее спальни.

Еще большей проблемой станет наследование Олдоакса. У мужа есть какой-то дальний и более молодой кузен Карл. Он не получил в наследство ни поместья, ни денег. Возможно, есть и еще какие-нибудь Мортимеры.

Не вызывая секретаря, леди устроилась за письменным

столом и взяла остро отточенное перо. Письмо мистеру Поттсу, поверенному, она решила написать лично. Фостер и так знает слишком много о делах семьи. Посвящать его в свои планы нужды нет.

«Милостивый государь...» – начала она. Эстер хотела, чтобы поверенный принял меры к розыску всех родственников мужа, даже самых дальних. Она хотела узнать, кому в наследство достанется Олдоакс, когда умрут они с сэром Джорджем. Бросать на произвол судьбы поместье, стоившее ей стольких трудов и забот, она не собиралась. Жаль, что у них с Джорджем нет детей, но тут уж ничего не поделаешь. Возраст леди Эстер приближался к тридцати пяти, и после пятнадцати лет брака она уже не надеялась родить наследника.

Поттсу предписывалось произвести розыск и как можно скорее. Кроме того, он должен предоставить ей список подходящих невест для Ричарда. Такая могла найтись и среди соседей. Пожалуй, стоит поговорить с викарием. Он может рекомендовать семью строгих правил, в которой есть подходящая по возрасту дочь. Нужно также проследить, чтобы девушка была хозяйственной и могла лично принимать решения, чтобы противостоять расхлябанности мужа. Как хорошо, что бабушка передала все деньги в руки Эстер! С их помощью она устроит все наилучшим образом.

Леди Эстер плохо спала ночью. Дождь, не переставая, лил с самого вечера, стучал по крыше, бил каплями в окно. Она

могла бы заткнуть уши ватой, но заснуть ей не давали мысли, а не только шум. Заботы о судьбе Ричарда она возложила на Поттса и теперь думала о камне Бэклоу.

Вряд ли что-то изменится, когда Джордж опустит камень в королевское виски. Чтобы он засверкал как раньше, над ним должен поработать специалист. Если отвезти его в ломбард к Исааку, он с большей вероятностью поможет делу. Все же он раньше держал ювелирную лавку.

Исаак – такой пройдоха! Когда его уличили в махинациях с драгоценными камнями, он не только не сел в тюрьму, но и вскоре открыл ломбард. И он ей обязан, ведь именно леди Мортимер похлопотала за него перед судьей. Старый Джексон очень уважает семьи Мортимер и Бэклоу, поэтому согласился ограничиться штрафом и запретом на ювелирную деятельность.

Леди Эстер посмотрела на часы. Уже раннее утро, а она так и не заснула. Графиня позвонила в колокольчик. Через пять минут в спальню вбежала заспанная Эмма.

– Доброе утро, ваша светлость.

– Здравствуй, Эмма. У меня к тебе дело. Ты поедешь в город и сходишь в ломбард. Скажи Джеку, чтобы запряг коней в коляску. Я тебе дам очень ценную вещь – кольцо Бэклоу. Вернее, сама возьми. Оно у сэра Джорджа. Ты передашь его Исааку и попросишь почистить так, чтобы камень снова засверкал.

– Прямо сейчас?

– Конечно.

– А кто поможет вам одеться и причесаться?

– Позовешь Лили. Она справится.

– А может, пусть она едет в город, а я вам помогу?

– А ей можно доверить драгоценность?

– Конечно, она очень честная. Когда разбила чашку из сервиза, не стала ни на кого сваливать, а сразу призналась.

– Из моего фламандского сервиза?!

– Что вы, ваша светлость! Из кухонного, который для слуг куплен.

– А, это ерунда. Ну что же, пусть она едет, а Джек за ней присмотрит. Распорядись и возвращайся меня одевать.

Леди Эстер немного успокоилась и задремала. Когда Эмма вернулась в спальню, она не стала будить госпожу, и ушла в комнату к сэру Джорджу. Из-под двери раздавался храп. Горничная осторожно открыла дверь.

Сэр Джордж, забывший о просьбе жены, спохватился лишь через неделю. Королевское виски для камня не оставило его равнодушным. Сейчас он дремал в кресле и не слышал прихода горничной. От него пахло выпитым вчера спиртным.

На столе стоял бокал, в котором лежало кольцо Бэклоу. Возможно, поначалу оно было залито королевским виски, но теперь напиток хозяин выпил, а перстень лежал в грязном бокале. Эмма тихонько вынула драгоценность и положила себе в карман фартука. Граф крепко спал.

Эмма отнесла кольцо в свою спальню, которую теперь она делила с Лилей. Лиля сонно потерла глаза.

– Вставай, соня! – сказала ей Эмма.

Она передала девушке поручение хозяйки. Младшая горничная села в кровати и с интересом выслушала распоряжение леди Мортимер. Она тут же проснулась. Это же было целое приключение!

С тех пор, как Лиля попала в эту страну и в это время, она далеко от поместья не отходила – только в деревню на почту или в лавку. А ломбард находился в городе! Потом, она никогда не каталась на коляске, которую везли лошади. То есть, в прошлой жизни, в детстве, родители катали ее на пони, шагая рядом и придерживая ее за плечи, но это было так давно...

Лиля вскочила с кровати и стала быстро одеваться.

– Не спеши, дуручка, – сказала Эмма, – пойди на кухню и поешь. Возьми в буфете хлеб и джем, а чайник я уже поставила. Заварка на столе.

И Эмма передала девушке кольцо. Лиля положила его в карман и побежала на кухню. Там она быстро перекусила, затем вышла в холл и надела теплые ботинки, которые ей подарила Эмма и ношенный плащ – подарок графини. Горничная сказала, что хозяйка свои прошлогодние вещи отдает слугам, а у Эммы есть еще обувь от позапрошлого года.

Джек на облучке коляски уже ждал Лилю у ворот. Девушка забралась внутрь и стала смотреть по сторонам. Коляска

двинулась в путь. Мимо Лили проплывали чудесные сельские картины. Оказывается, и в старину деревенские домики грели душу своим безмятежным видом. Кричали петухи, лаяли собаки, пахло полевыми цветами.

Когда коляска въехала в лес, там тоже оказалось просто чудесно: вокруг росли дубы, подлеска не было, и солнце проникало своими лучами внутрь, блестело капельками росы на траве. Пели еще не улетевшие зимовать птицы.

Девушка не заметила, как коляска достигла города. Городок казался игрушечным. Домики все одноэтажные, булыжная мостовая. Правда, грязища кругом. Людей на улицах не оказалось в связи с ранним часом. В отличие от сельских жителей, горожане поднимались позже.

Вот они подъехали к зеленой двери ломбарда. Лиля выбралась из коляски и постучала в дверь. Никто не открывал. Она постучала еще раз.

– Ну, кого там принесло? – раздался недовольный хриплый голос.

Дверь открылась, а за ней девушка увидела растрепанного и заспанного старика в серых панталонах и зеленой жилетке поверх не первой свежести белой рубашки.

– Здравствуйте. Я по поручению леди Мортимер, – испуганно сказала Лиля.

– Видать, вашей госпоже не спится.

– Она прислала меня для того, чтобы вы почистили фамильную драгоценность – кольцо Бэклоу. Там что-то с кам-

нем – он не блесит.

– Чего бы блеснуть обычной стекляшке... То есть, я хочу сказать, что я почищу, конечно, но за результат не ручаюсь.

– Госпожа велела передать, чтобы вы вспомнили про судью Джексона и про приговор.

– Да помню я. Придется мне нарушить слово. Скажи госпоже, что камень подменен, а настоящий камень Бэклоу у меня в закладе.

– Кто же его заложил?

– А это уж не твоего ума дело.

– Так мне оставить вам кольцо?

– Ну, оставляй. Все равно со дня на день леди явится, чтобы я камень обратно вставил.

Лиля отдала Исааку перстень и двинулась вместе с Джеком в обратный путь.

Дома девушка рассказала все Эмме, которая уже одела и причесала хозяйку, и прибирала в гостиной:

– Ты представляешь, Эмма, кто-то подменил камень Бэклоу, а оригинал отдал в заклад.

– Какой ужас! Это же волшебный камень! Я тебе рассказывала – когда он сверкает, то исчезают люди.

– Ну, может и хорошо, что теперь он не у нас?

– Да что ж хорошего? Это же фамильная драгоценность. И потом, хозяйка знает, как с ней обращаться.

Эмма тут же сходила к хозяйке и в ее кабинете без свидетелей рассказала о заложенном камне. Графиня перед лен-

чем писала письма. Она не могла поверить:

– Неужели этот мерзавец заложил мой камень?! Деньги понадобились на своих вертихвосток! Вот до чего дошло!

– Госпожа, вряд ли старый Исаак врет. Он же вам всем обязан и помнит об этом.

– Эмма, вели Джеку подготовить мою карету. Я еду в город.

– Госпожа, вы же еще не завтракали.

– У меня пропал аппетит. Я еду немедленно!

Во время дороги в город леди Эстер немного успокоилась и хорошенько подумала. Стоит ли поднимать шум? Она выкупит свой камень, Исаак вставит его в перстень. А что сказать Джорджу? Она просто поставит его в известность, тихо и без скандала. Но он будет знать, что попрекать его камнем Бэклоу она будет не один год.

Хозяин ломбарда без каких-либо возражений за небольшую плату поменял стекляшку в кольце на камень Бэклоу и уверил госпожу, что он помнит об оказанной ему услуге и всегда готов ей служить.

В этот момент в ломбард вбежал месье Гутс в надетом наизнанку камзоле и в разного цвета чулках. Было понятно, что он очень спешил. Не обратив внимания на леди Эстер, он закричал:

– Где камень Бэклоу? Я его покупаю!

– Опоздали, господин хороший, – спокойно произнес Исаак, – леди его уже выкупила.

– О, леди Мортимер, я вас не заметил. Прошу вас, графиня, продайте мне кольцо!

– Не могу, месье Гутс. Кольцо – семейная реликвия, оно принадлежит мне и перейдет по наследству моей родне.

– Но я готов заплатить любые деньги!

– Не все продается за деньги, месье.

– Зачем оно вам? Оно же приносит несчастье, из-за него пропадают люди!

– Если кому-то суждено пропасть, то ничего не поделаешь. И закончим на этом разговор. Камень я не продам.

Понуриив голову, Гутс вышел на улицу и сел в свою коляску. Когда леди Мортимер, поговорив еще с Исааком о его жене и взрослой дочери и попрощавшись с ним, вышла из ломбарда, он уже отъехал довольно далеко.

Который день стояла чудная осенняя погода, которую в России издавна называли «бабьим летом». Лиле очень хотелось прогуляться, но дел было невпроворот. Перед зимой следовало перемыть все окна в замке, а трехэтажное здание с уймой комнат на каждом этаже имело немало окон.

Лиля с Эммой мыли окна на первом этаже в зале для приемов, когда Эмма вдруг сказала:

– Лили, ты не хотела бы пройтись?

– Конечно, – ответила девушка, – но ведь еще очень много работы.

– Послушай, – с заговорщицким видом сказала Эмма, – я завтра иду на свадьбу к кузине в деревню. Хозяйка меня от-

пустила. Но к моему зеленому платью нужна подходящая в тон шляпка. Она есть у Жаннет – служанки леди Лонгфильд. Сходи к ней и попроси от моего имени шляпку на один день. Если тебя хватятся, я что-нибудь придумаю. Хотя, скорее всего, и не хватятся.

– Я с удовольствием, но как же работа? – изумилась Лиля.

– Ничего, я сама домою окна в зале. На втором этаже уже все перемыто, а на третий хозяйева не ходят, – успокоила ее Эмма.

– Спасибо тебе, Эмма! – воскликнула Лиля и с чувством чмокнула горничную в щеку.

Она положила свою тряпку около таза с грязноватой водой и побежала умываться. Через пять минут девушка в старом плаще и в коричневой шляпке Эммы уже выходила из замка через двери для слуг. Не помня себя, она побежала по узкой дорожке к калитке. Снаружи Лиля замедлила шаг – до имения леди Лонгфильд идти примерно час, и всю дорогу она вряд ли пробежит.

Лиля пошла от замка через поле, чтобы ее не увидели из окна, дошла до леса и только тут свернула к берегу моря. Несмотря на хорошую погоду море сияло холодным серым цветом, пара чаек носилась над водой и выкрикивала свои птичьи жалобы. Лиля вынула из кармана плаща кусок хлеба и кинула его в море. Чайки тут же приблизились к воде и стали бороться друг с другом за угощение. Лиля кинула еще один кусочек хлеба, и битва птиц закончилась.

Потом девушка сошла с прибрежного песка и пошла дальше по дороге. Как назло, в нужную ей сторону не ехала ни одна повозка.

«Это ничего, что меня никто не подвезет, – думала младшая горничная, – пешком ходить полезно, а морской воздух вообще незаменим для здоровья».

Дорога привела путницу прямо к ограде имения Лонгфильдов. Она успела немного устать от длительной ходьбы, но настроения это не испортило. Лиля не пошла к главным воротам, а вошла на территорию поместья через калитку, которая нашлась неподалеку от морского берега. Она обошла главное здание и увидела вход для слуг. Девушка уже хотела войти и кликнуть Жаннет, как вдруг увидела ее в саду. Служанка срезала розы.

– Жаннет, здравствуй, – крикнула Лиля.

– Ой, подруга, это ты?! А я тут срезаю розы хозяйке в кабинет. Она требует, чтобы каждый день в вазу ставили свежие цветы. Здравствуй, – ответила горничная леди Джулии.

– Жаннет, мне надо с тобой поговорить.

– Конечно, Лили. Мне тоже надо тебе многое сказать. Иди сюда.

Лиля подошла поближе.

– О чем ты хотела мне сказать? – спросила она у Жаннет

– О драгоценностях, – ответила та, – я их ужасно люблю. Ты знаешь, у леди Джулии столько разных украшений. У нее есть и жемчужная брошь в виде цветка, и бриллиантовая

брошь в виде ящерицы, и коралловые бусы, и бриллиантовые серьги, и еще много всего. Как мне все это нравится!

– Но это же у нее есть, а не у тебя...

– Ты ничего не понимаешь! Когда хозяйка просит меня принести ей какую-нибудь драгоценность, я всегда сначала примеряю ее на себя. Ах, если бы я могла, я бы каждый день по три раза меняла бы на себе украшения...

– А у тебя нет никаких своих драгоценностей?

– Ну есть серебряный браслетик, мне один человек подарил, и цепочка, на которой крестик.

– А если бы ты могла, какое бы украшение купила? – вежливо поддержала разговор Лиля.

– Ой, госпожа вчера купила такое красивое ожерелье: в золотой оправе красные рубины. Они так сверкают, когда в доме зажигают свечи!

Лилию пронзила догадка – точно такое же ожерелье было у леди Эстер.

– А у кого она его купила? – спросила она.

– По-моему, ей его продал сэр Ричард Бэклоу. Он сказал, что это ожерелье его матери, – ответила Жаннет.

– Ты знаешь, леди Мортимер жутко хотела иметь такое ожерелье. Она его не купила, поскольку они с сэром Бэклоу не сошлись в цене. Теперь она обзавидуется, если увидит его на прекрасной шее леди Лонгфильд.

Лилия сказала это не просто так. Ее психологический расчет заключался в том, что Жаннет расскажет все хозяйке, а

леди Джулия не выдержит и поедет к соседке показаться в новом ожерелье. То, что леди Эстер будет завидовать, только подтолкнет ее соседку поехать и похвастаться обновкой.

Лиля уже собиралась домой, как вдруг вспомнила о поручении Эммы. Жаннет без лишних слов дала ей свою зеленую шляпку, завернув ее во вчерашнюю газету, и младшая горничная отправилась в обратный путь.

Глава 8. В Заливном Осетре

Это случилось десять лет назад, но помнилось, будто было вчера. Все поплыло перед глазами, голова закружилась. Что это? Что случилось?!

На щеку упала капля. Капля? Откуда? Неужели потекла крыша старого замка? Но это невозможно, ведь над ней еще целый этаж и чердак. Что происходит?

Леди Эстер подняла голову и огляделась. Она лежала на мокрой дороге, лил дождь, ветер гнул придорожные кусты, гнал перед собой тугие струи. Дождь? Секунду назад она была в своем кабинете. Привычное тепло от горящих в камине дров расходилось по комнате. Бардовые бархатные шторы с кистями плотно закрывали окно. Был поздний вечер, а она не любила темноту за окном. Отблески огня плясали на стенах, выхватывали из темноты недовольные лица предков сэра Мортимера. Портреты в тяжелых рамах выглядели живыми, они принимали непосредственное участие в происходящих в замке событиях. Кольцо! Этот несносный месье Гутс вывел ее из себя. Камень в ее руках сиял как никогда, и вдруг свет от огня упал на одну из его граней...

Что было дальше? Неужели сбылось проклятие древнего кольца?

Леди Эстер крепко зажмурила глаза, помедлила немного и снова открыла. Ничего не изменилось! Она так и осталась

мокнуть под дождем в каком-то совершенно незнакомом месте.

Надо покориться судьбе. Раз проклятью Бэклоу суждено сбыться на ней, она бессильна. Леди Эстер снова опустила голову на руки и закрыла глаза.

Громкий звук, похожий на рев неведомого зверя, заставил ее подскочить. Перед ней стоял... стояла... Неведомая сила воздвигла перед ней странный предмет. Он блестел в свете луны, а некоторые выступающие части сверкали, как начищенный серебряный кофейник. Не зная, чего ждать, леди Эстер сжалась в комок.

Но вдруг из-за странного предмета, а может, и из него вышел мужчина. Леди Мортимер взглянула на него и впервые в жизни не смогла понять, кто перед ней, слуга или господин. Его костюм не походил ни на что, виденное ей до этого. Мужчина склонился над ней, протянул руки и что-то произнес на незнакомом языке.

Только сейчас леди Эстер осознала, в каком неловком положении оказалась. Она, графиня Мортимер, лежит на дороге, как пьяная девка! Ее же могут увидеть! Какие тогда пойдут разговоры!

Стараясь не смотреть на мужчину, леди Эстер с трудом поднялась. Ее платье совершенно промокло под дождем, волосы растрепались. Как холодно!

Мужчина продолжал что-то участливо говорить, но Эстер не понимала ни слова. В конце концов он взял ее за руку и

осторожно потянул в сторону блестящего предмета.

Вскоре выяснилось, что это повозка. Правда, она как-то двигалась без лошадей, но леди Эстер было не до того. Замок пропал! Не было ни парка, ни замка, ничто вокруг не напоминало те места, что окружали поместье Мортимеров.

В повозке было тепло, она защищала и от холода, и от дождя. Правил повозкой все тот же мужчина. Возможно, он конюх? Или кэбмен?

Эстер так потрясло происшедшее, что она впала в забытие. Глаза закрылись сами собой, в голове проносились обрывки мыслей. Все вокруг достойно было удивления, но удивляться не осталось сил. Позже она не могла бы сказать, как долго продолжалась поездка.

Повозка остановилась перед многоквартирным доходным домом. Очевидно, она права, и подобравший ее человек служит возчиком. Принимать его помощь было недостойно титулованной леди, но Эстер несколько растерялась. Как выяснить, где она?

Меж тем мужчина открыл перед ней дверь, ведущую внутрь дома. Эстер вошла. Перед ней была простая лестница без ковра и даже без дешевой дорожки. На удивление, она очень хорошо освещалась странными светильниками, в которых совершенно скрывались свечи.

Мужчина подвел ее еще к одной двери, которая сама распахнулась им навстречу. За ней находилось крошечное помещение без мебели, некуда даже сесть. Как только они во-

шли, двери сами закрылись, а стены и пол затряслись, как в повозке.

Леди Эстер до сих пор не доводилось видеть подъемных механизмов в домах, однако она о них слышала. Как устроен именно этот, она не поняла, но догадалась, что комната поднимается. Очень быстро движение прекратилось, и двери раскрылись. Леди Мортимер с сопровождавшим ее мужчиной вышли и оказались перед другой дверью, совершенно обычной. Очевидно, человек привел ее в свое жилище.

Эстер никогда не доводилось заходить в многоквартирные дома. Она, конечно, видела их в Лонгридже, когда посещала город. Но предназначенные для бедных строения не вызывали у нее никакого интереса, так что все здесь ей было в диковинку.

Квартира ее спутника показалась ей довольно просторной. Широкий коридор, удобная комната, куда провел ее спутник, говорили о том, что человек не так уж беден. Удивили ее стены коридора и комнаты, сплошь состоявшие из шкафов с книгами. Эстер никак не ожидала, что человек из простых может иметь такое богатство.

Она не села в предложенное ей кресло, а предпочла подойти к шкафам и изучить, что за сокровища хранило странное жилище. Все книги были на незнакомом леди Мортимер языке. С интересом разглядывая непривычные переплеты, она добралась до окна, и вдруг увидела книгу на франглийском языке!

Эстер вздрогнула. Знакомые буквы будто прорвали пелену, окутавшую мозг. Она протянула руку и достала книгу. Книга была ей знакома! Модный рыцарский роман, один из тех, что не одобрял приходской священник. Но леди Эстер считала, что сама может решить, какие книги читать. Вряд ли модный роман повредит ее добродетели.

Эстер раскрыла книгу и с удовольствием узнала одну из любимых иллюстраций. Эта книга была как спасательный круг для упавшего в море, как привет из дома.

Приведший ее мужчина с интересом смотрел на Эстер.

– Вы читаете по франглийски? – осторожно спросил он.

– Да, конечно, да, – ответила леди Мортимер.

– Но вы ничего не отвечали, когда я спрашивал вас о самочувствии, – удивился он.

– Я не знаю языка, – скромно призналась Эстер.

– Не знаете русского языка? – изумился мужчина. – Как вас зовут? Вы помните?

Леди Эстер помнила все превосходно, но в эту минуту ее посетила мысль, что не стоит ни в чем признаваться. В конце концов, она даже не знает, куда попала. Она молча смотрела на хозяина дома и прижимала к груди книгу.

– Ваше странное платье, моя дорогая, и место, где я вас нашел... Как вы оказались на дороге? Это я сбил вас машиной? Но мне казалось, что вы уже лежали там, когда я подъехал, – мужчина явно был взволнован.

Эстер поспешила успокоить его:

– Нет, нет. Вы вовсе меня не сбили. Я упала сама.

– Если вы не помните своего имени, бесполезно спрашивать, откуда такое платье. Полагаю, вас необходимо показать врачу, – заключил мужчина. – Лида! Лида! – закричал он.

На его зов явилась женщина с седыми волосами, почему-то одетая в мужское платье.

– Лида, я подобрал эту женщину на улице. Ее необходимо переодеть и отвезти в больницу. Посмотри, что ты можешь ей предложить.

– Ты сбил ее?

– Нет, просто нашел. По-моему, она упала и получила сотрясение мозга. И знаешь, она может говорить только по франглийски.

– Я посмотрю, что ей предложить.

Содержание этого диалога осталось для леди Эстер неизвестным, но пожилая женщина обратилась к ней на понятном ей языке, хоть и несколько странно выговаривала слова:

– Вам надо сменить одежду. Пойдемте попробуем что-нибудь подобрать.

Эстер пошла вслед за женщиной, гадая, служанка это или хозяйка дома. Они вошли в большую комнату, очевидно, спальню, и ее провожатая открыла массивный деревянный гардероб. В нем аккуратно висели и женские платья, и мужская одежда. Служанка или хозяйка достала несколько простых вещей, подходящих скорее кухарке, чем титулованной леди. Вдобавок все они имели такую длину, что совершенно

не годились для порядочной женщины. Но в глубине шкафа леди Эстер увидела юбку приличной длины. Она сама достала ее и приложила к себе. Ее провожатая кивнула и протянула ей светлую блузку с отделкой из кружева.

Переодеться самой леди Эстер не удалось. Прежде всего следовало снять совершенно промокший корсет. Пришлось воспользоваться услугами приведшей ее женщины. Леди Мортимер переделалась и взглянула на себя в зеркало, прикрепленное к дверце шкафа с внутренней стороны. На нее через стекло смотрела незнакомка. В таком виде Эстер не рискнула бы показаться даже собственному мужу, но одежда была сухой и не сковывала движений. Пришлось удовольствоваться этим.

– Как вас зовут, дорогая? – спросила женщина, и леди Эстер чуть не проговорила.

– Э-э-э, – протянула она.

– Элла? Вот видите, все не так уж плохо. Я думаю, у вас сотрясение мозга. Иногда оно сопровождается частичной потерей памяти. Не волнуйтесь, это обратимо.

– Георгий! Мы готовы! – вдруг крикнула она.

В комнату вошел привезший ее мужчина.

– Очаровательно! Вам эта блузка к лицу, – галантно заметил он. – Но не будем терять времени. Я отвезу вас в больницу, надо проверить, все ли с вами благополучно.

Леди Эстер не поняла, почему надо куда-то ехать. Ее спаситель считал, что необходим лекарь, но почему не пригласить

сидеть его сюда? Впрочем, спорить она не стала.

Все втроем они спустились вниз и уселись все в ту же повозку. Немного пришедшая в себя графиня с интересом рассматривала место, в которое попала. Многое казалось ей странным: гладкая дорога, повозки без лошадей, костюмы людей. Но спрашивать она ни о чем не стала. Лучше подождать.

Через несколько минут они остановились у обширного одноэтажного здания. Мужчина помог ей выйти и повел через белую дверь в совершенно белый коридор. Навстречу им попала женщина в белой же одежде. Этот цвет пугал леди Эстер, но она старалась не подавать вида.

– Ольга Афанасьевна! Как я рад вас видеть! Мне совершенно необходима ваша помощь, – вскричал мужчина.

– Что случилось, Георгий Владимирович? – спросила женщина в белом.

«Георгий... Почему не Георг?» – подумала леди Эстер.

Георгий Владимирович рассказал, что случилось с графиней. Он волновался, а Ольга Афанасьевна старалась его успокоить.

– Не волнуйтесь, сейчас все устроим.

Следующие несколько часов запомнились леди Эстер смутно. Ее водили по каким-то комнатам, просили встать или лечь. Прикладывали к ней какие-то трубки, стучали молотком по коленям.

В результате они снова отправились на повозке в уже зна-

КОМЫЙ ДОМ.

– Не волнуйтесь, моя дорогая. У вас нет никаких повреждений, – заявил ей ее спаситель. – Придется несколько дней полежать, а за это время мы выясним, как вы оказались на дороге. А может быть, вы и сами вспомните. Я уговорил не класть вас в больницу. Пока вы не вспомнили язык, для вас это было бы затруднительно.

Несколько дней вылились в месяц. Все это время Лида, как оказалось, хозяйка дома, заботилась о ней, так что леди Эстер даже было неудобно. У нее не было денег, чтобы оплатить расходы этих добрых людей, и она даже не могла понять, тяготит ли хозяев дома ее присутствие.

В отличие от них, она знала, как оказалась в этом странном мире. Надежды вернуться домой легенда не обещала, но леди Эстер не привыкла унывать. Все время, проведенное в гостях, она посвятила изучению языка страны. Лида помогала ей, как могла. То, что оба супруга владели франглийским, очень упростило дело.

Выяснить, как она оказалась на дороге, Георгию Владимировичу, конечно, не удалось. Поэтому он задумался об установлении ее личности другим путем. Полиция, в которую он обратился, причин происшествия не установила, но зато леди Эстер оформили документы. Теперь ее звали Эллой Георгиевной Беловой. Георгий Владимирович, оказавшийся директором музея, устроил ее к себе на работу, пленившись ее знаниями о Франглии восемнадцатого века.

Время шло. Эстер теперь работала в музее. Водить экскурсии школьников профессор Гуляковский ей не доверял, поскольку она все еще плохо говорила по-русски. У Георгия Владимировича иногда появлялись странные фантазии. Он думал, что все происшедшее с Эллой Георгиевной легко было бы объяснить переносом женщины во времени, из Франглии восемнадцатого века в наши дни. Но профессор и сам понимал, что такое случается только в фантастике.

Однако знания новой сотрудницы в области быта франглийской знати поражали. В запаснике хранилось множество вещей, купленных еще помещиком Финиковым. Назначение некоторых из них современным людям неизвестно, а Элла Георгиевна живо нашла им применение. Например, крючок для затягивания корсета или щипцы для надевания перчаток. Самое главное, она умела ловко пользоваться разными такими штуками. По настоянию Георгия Владимировича она написала несколько статей, хорошо встреченных специалистами.

Одной из важнейших задач директора музея Гуляковский считал пополнение коллекций. И здесь помощь спасенной им женщины оказалась неоценимой. Она хорошо разбиралась в украшениях, знала их примерные цены. У нее самой тоже открылась страсть к собирательству. Элла Георгиевна искала старинные кольца и перстни. Особенно интересовали ее те, что не стоили больших денег, зато отличались оригинальностью работы и использованных материалов.

Попытка добыть перстень с огненным янтаринном сделалась просто манией. Гуляковский относился к этим изысканиям с сочувствием. Он считал, что новая сотрудница до болезни была крупным специалистом – историком. Несчастный случай лишил ее памяти, но не смог совладать со страстью к науке.

В качестве временного жилища директор предложил Элле Георгиевне небольшое помещение, практически квартирку в верхнем этаже музея, и оформил это как служебное жилье. Бедняжке приходилось трудно. Денег на покупку даже небольшой комнаты взять ей было неоткуда, а получить хоть что-то официально нечего было и думать.

Вдобавок она совершенно не умела вести хозяйство. Приготовление пищи ставило ее в тупик, она не знала, как пользоваться стиральной машиной, а за покупками в магазин ходить не решалась. Огромную помощь оказала ей экскурсовод Зиночка. Женщина за сорок, жившая со старенькой матерью, она все время проводила на работе.

Обязанности экскурсовода не занимали много времени. Лишь школьники и нечастые визиты туристов, путешествовавших по малым городам России, требовали ее профессиональных услуг. Поэтому Зиночка взяла шефство над Эллой Георгиевной. Постепенно потерявшая память женщина заново освоила нехитрые кулинарные приемы, разобралась в ценах на продукты.

Зиночку удивляло, что Элла Георгиевна совершенно не

знакома с косметическими средствами. Профессор объяснял это тем, что в прошлой жизни до болезни она была слишком занята наукой, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Но сейчас бедняжка с интересом постигала возможности кремов и масок, свойства шампуней и начала делать зарядку. Гуляковский считал все это признаками выздоровления.

Однако были в ее поведении и тревожащие моменты. Она с интересом изучала старинные рукописи, легко читала написанные от руки неразборчивые тексты. Особенно полюбились ей документы дома Мортимеров. Однажды Георгий Владимирович увидел, как она рыдает над дневником графини Эстер Мортимер, урожденной Бэклоу. Что так расстроило бедную женщину, он выяснить не смог, но решил, что болезнь еще не совсем отступила.

Время шло. Через два года профессор собрался на пенсию. Очевидным кандидатом на должность директора стала Элла Георгиевна. Ее знания давали ей такое право.

В тот знаменательный день новый директор музея спустилась из своей служебной квартирки за час до начала рабочего дня. Элле Георгиевне хотелось проверить, все ли в порядке в залах и запаснике. Сегодня ожидался в гости профессор Гуляковский, и ей хотелось показать ему, что он не ошибся в выборе преемника.

Пройдя по музею, она уединилась в своем кабинете, чтобы заняться бумагами. На столе она обнаружила конверт, ад-

ресованный директору. Обратный адрес отсутствовал, но это не смутило Эллу Георгиевну.

Неизвестный адресат писал, что волею случая стал владельцем кольца со странным камнем. Продать его ему не удалось, так как никто не предлагал ему суммы, способной его заинтересовать. Он готов был отдать кольцо за пять тысяч рублей, так как уже понял, что оно не представляет ни художественной, ни исторической ценности. Даже камень оказался не драгоценным.

Элла Георгиевна схватилась за сердце. Ей вдруг показалось, что сама судьба постучала в ее двери. Она взяла бумагу и быстро написала ответ, приглашая таинственного адресата посетить музей. Найдя конверт и запечатав письмо, она почти бегом отправилась к почтовому ящику.

Следующие несколько дней прошли в ожидании. Директор не могла найти себе места, что не укрылось от заботливой Зины. И вот день встречи настал.

В кабинет вошел помятый мужичок с хитрыми глазками. Он без приглашения уселся в кресло для посетителей.

– Ну что, голубушка, надумала? Заплатишь мне пятерку? Я, грешным делом, надеялся получить раз в десять больше, но что поделаешь? Давай деньги и не задавай вопросов.

Элла Георгиевна задохнулась. Ей казалось, что сейчас случится что-то очень важное.

– Покажите сначала кольцо, – сказала она, доставая кошелек.

Мужичок вынул из кармана что-то, завернутое в мятую газету. Развернул – и в руках Эллы Георгиевны оказалось фамильное кольцо рода Бэклоу!

Хорошо, что Настя была на месте, она печатала что-то длинное. Лицо у нее было скучное, и Генке она явно обрадовалась.

– Привет, Копейников. Ты к декану? Опять неприятности?

– Нет, Настя, я к тебе. Ты ведь знаток древней Франглии. Слушай, там случайно не жили такие – Мортимеры? Богатые и даже, может быть, знатные?

– Мортимеры – фамилия известная. Древний род, богатый. А чего это ты вдруг заинтересовался? – удивилась Настя.

– Тут такая история... Мы вчера с Кириллом Сергеевичем прибор один изучали. И видели этих самых Мортимеров, там у них еще девчонка одна, горничная. Как две капли воды на мою соседку похожа. Вот я и хотел узнать, что про них известно. Вдруг это ее какая-нибудь прабабушка? – Генка не то, чтобы врал, но о своих опасениях говорить стеснялся.

– Видишь ли, дорогой, о Мортимерах, конечно, много что известно. А вот про их горничных, представь, история умалчивает. Так что узнать про прислугу ничего не удастся.

На положительный ответ Генка и не рассчитывал, спросил на всякий случай.

– Насть, я еще знаешь, что хотел... Можно с твоим отцом поговорить? Понимаешь, Кирилл уже раз видел эту Франглию во сне, а потом мы вместе видели, причем одно и то же. Узнать бы, как такие приборы действуют. В смысле, накапливают эмоциональную энергию. Ты узнай, а? Вдруг он согласится?

– Спрошу, конечно. Вот что, Копейников, мне работать надо. Сейчас Лисицын придет, орать будет. Я вечером папу спрошу, если он согласится, тебе позвоню. Только ты мне телефон свой запиши вот тут, на листочке.

Генка написал телефон и сразу удрал. Встречаться с деканом в его планы не входило. Мало ли что?

Прямо от Насти Генка отправился к Кириллу. Он решил сразу предупредить Воробьева, что договорился о консультации. Если Настя позвонит, Кирилл уже привыкнет к мысли, что надо идти, и не откажется.

Кирилл сидел над философией и слушать Генку не хотел, но Копейников не привык отступать. Он просочился в квартиру под предлогом, что должен передать важную новость.

– Вот вы тут над учебником паритесь, а я с Настей обо всем договорился. Она позвонит, если ее отец согласится нас проконсультировать.

– Как договорился? Когда договорился?

– Зашел к ней после лекций. Между прочим, про Мортимеров она сказала, что это известная фамилия... – его объ-

яснения прервал звонок.

Генка нажал кнопку, надеясь, что это Лиля со своей математикой. Но звонила Настя. Отец согласился поговорить, даже заинтересовался. Так что следовало быстро отправляться к ней домой, пока у отца есть время.

Настя жила в самом центре в красивом старинном особняке. Их семье принадлежала большая квартира из пяти комнат с высоченными потолками и лепниной.

Настин отец, Анатолий Аркадьевич, был одним из ведущих физиков в стране, но по странной прихоти жил в Заливном Осетре. Ему нравился город, Политех, а в последнее время он сотрудничал с НПО «Логарифм», занимавшимся измерительной аппаратурой. Преподавание и научная работа оставляли мало времени для отдыха, но активный не старый еще профессор интересовался всеми новыми разработками. Прибор, позволявший аккумулировать эмоциональную энергию, оказался для него новостью, он о таком даже не слышал.

Когда Кирилл с Генкой наконец добрались до Настиного дома, Анатолий Аркадьевич встретил их с нескрываемым интересом.

– Заходите, молодые люди. Я жду вас с нетерпением. Если моя дочь ничего не напутала, вы обладаете потрясающим устройством.

– Мы, собственно, потому и пришли, – промямлил Кирилл.

Он никак не ожидал такого энтузиазма.

– Проходите вот сюда, в кабинет, присаживайтесь и расскажите, что за приборчик. Очень хотелось бы на него посмотреть.

Кирилл достал из кармана розовую коробочку и протянул профессору. Пока Анатолий Аркадьевич изучал похожий на пудреницу концентратор, Воробьев рассказывал, как стал его обладателем.

Несмотря на явную заинтересованность прибором, Настин отец слушал очень внимательно.

– Говорите, вашего нового знакомого зовут Альфред Эдуардович? Странно, что я с ним незнаком. В нашем городке не так уж много народа занимается наукой. Но ни в институте, ни в «Логарифме» я о таком не слышал. А что известно о принципе действия прибора?

Кирилл рассказал, как ему стало плохо после двух часов хождения с концентратором, и о том, как Альфред снял заряд и понизил коэффициент поглощения. Анатолий Аркадьевич, вооружившись лупой, изучал прорези и светящиеся огоньки. Кирилл подумал, что концентратор всю заряжается благодаря любопытству Настиного отца, оттого и лампочки мигают.

– Вот что, молодые люди, – сказал наконец профессор, – прибор этот занятный. Я никогда не слышал даже о принципиальной возможности накопления эмоциональной энергии. Придется мне навести справочки, позвонить кое-кому. Вы

наберитесь терпения и будьте поаккуратнее. Не хочется читать морали, но вещь незнакомая. Я, как что-то узнаю, сам вас приглашу. Очень вы меня заинтересовали.

Кирилл с Генкой вышли из квартиры в некоторой растерянности. Конечно, Настин отец не может знать всего, но открытые исследования попались бы ему на глаза. А секретную разработку не могли доверить испытывать случайному человеку вроде Кирилла. Воробьев думал об этом всю дорогу домой, а Генка прикидывал, как там Лиля. Хорошо бы убедиться, что с ней все в порядке.

Мысли в Генкиной голове бились, как птицы в клетке. Лилька, балда такая, подсунулась под излучение от камня, и что теперь делать? Камень из музея забрать не удастся, значит, рассчитывать можно только на прибор. Хватит ли у него мощности, чтобы вытащить Лилию? Прежде всего надо зарядить его под завязку.

У Генки созрел план: надо с концентратором пойти на футбол. Там всегда кипят страсти, болельщики орут, готовы бросаться друг на друга. Самое простое – купить билет и посидеть на стадионе во время какой-нибудь ответственной игры. Конечно, билет стоит денег, но как раз на днях он опять собирался на разгрузку в магазин, а там платят сразу. Значит, можно взять денег из отложенных матери на хозяйство, а потом вернуть.

Билет стоило купить заранее, откладывать зарядку концентратора Генка не хотел. Мало ли что там творится, в этой

Франглии! Лилька там одна. Что случись – никто и не узнает.

Кирилл в успехе предприятия сомневался, но возражать не стал, молча отдал Генке концентратор и обещал оторвать голову, если он его потеряет. Но Генка даже возмущаться не стал, не до шуток.

Играть должны были две местные команды, объявления уже неделю висели по всему городу. Мебельщики с деревообрабатывающей фабрики собирались сражаться с речниками. Победившая команда имела шанс попасть на первенство России.

Гена надеялся, что за своих болеть придет много народа. Да и матч ответственный, должны же болельщики пережить! К его удивлению, билет в кассе он купил свободно. Девушка, продававшая билеты, неохотно обслуживала редких посетителей, то и дело бросая взгляды на книжку в яркой обложке. На ней мускулистый черноволосый мачо обнимал фигуристую блондинку. Кассирша явно не могла дожждаться начала матча, чтобы углубиться в любовные коллизии.

С собой у Генки были бутылка воды и концентратор. Сидеть до конца матча он не собирался. Теперь, когда выяснилось, где отражается зарядка прибора, можно было дожждаться, чтобы концентратор наполнился, и идти домой.

Городской стадион явно нуждался в ремонте. Во многих рядах от кресел остались одни спинки, ступени стерлись и почернели. Реклама, некогда украшавшая бортик, сменилась разнообразными надписями, самые выразительные из кото-

рых были покрашены синей краской.

Место оказалось в самой середине восточной трибуны, поле отсюда просматривалось во всех деталях. Генка устроился, достал прибор и посмотрел в прорезь-индикатор. Заряд был совсем небольшим. Оставалось ждать.

С утра собирался дождик, немножко даже покапало, пока Генка приобретал билет. Но тяжелая туча, так и не разразившаяся дождем, ушла. Голубое небо и отсутствие тени обещали проверить болельщиков на выносливость.

Минут через пять рядом с Генкой устроился еще один болельщик. Дяденька лет пятидесяти принес с собой целую сетку пива и пакет с воблой. Он уже приступил к отдыху и настроился поговорить.

– Ну что, парень, за кого болеешь? За наших, мебельщиков, или за речников?

Генка решил, что, пожалуй, за речников, и сказал об этом соседу. Дядечку это не смутило. Он ловко почистил воблу и протянул парню хребет.

– На, погрызи. Пока они еще начнут. Вишь, народу пока мало. Да много и не будет. Я-то пришел, потому что Васек, сосед мой, сегодня играет. А сам понимаешь, кому охота за просто так играть, когда никто и не смотрит даже. Вот я и пришел.

– Вы думаете, народу не будет? Матч ведь ответственный, – спросил Генка.

– Э, милай, ты видал, как наши играют? Часто на фут-

бол-то ходишь?

Пришлось признаться, что соблазнился рекламой и пришел в первый раз.

– То-то и оно. Вот сам посмотришь, скоро уже.

Через несколько минут на вытертый газон футбольного поля вышли обе команды. Речники были в зеленых майках, а мебельщики – в рыжих. К началу игры трибуны заполнились едва на треть. Правда, Генке повезло. Больше всего народа было именно на восточной трибуне.

Через проход от Генки сидела немолодая женщина в панаме с широкими полями. Спустив на кончик носа очки, она вязала что-то полосатенькое.

Генка и сам любил погонять мяч с ребятами, особенно после занятий. Правда, времени на это никогда не хватало, но побегать, когда насидишься в аудитории, было очень приятно. А вот смотреть, как взрослые мужики гоняют мяч по полю, он не любил, хоть и никому в этом не признавался.

Прозвучал свисток, игра началась. Сосед чистил уже вторую воблу и на поле не смотрел. Вязавшая женщина вытащила из объемной тряпочной сумки бинокль и навела его на поле. Убедившись, что тот, ради кого она пришла, играет, она снова принялась за вязанье. Генка, наоборот, смотрел и понимал, что пришел сюда зря. Футболисты, как сонные мухи, медленно перемещались по траве.

– Возьми еще рыбки, пожуй. Я бы тебе и пивка дал, да молод ты еще. Мамка заругает, – сказал сосед.

Генка машинально взял ребрышки и принялся обгрызать. Вдруг сосед оживился.

– Вон он, Васек-то! Справа заходит. Или не он? Что-то я не очень вижу!

Разглядеть Васька было нелегко, да Генка и не пытался. Он уже понял, что зря теряет время. Никакого накала страстей на стадионе не ожидалось. Поблагодарив соседа за воблу, он поднялся и пошел домой, жалея, что потратил деньги на билет.

К вечеру Генка подустал, но впереди была еще работа – в супермаркет «Облака» по вечерам доставляли продукты. На улице господствовали сумерки. Фонари еще не зажглись, но нормальные люди в такое время уже ужинали перед телевизором, смотря футбол или передачу «Ни за что не поверишь», в соответствии со вкусами.

Генка зашел к Воробьевым и отдал прибор, а теперь медленно брел по бульвару. Народу почти не было – видно, какой-нибудь детективный сериал показывали по телеку. Генке, например, нравился фильм «Седьмое небо» по книге Татьяны Устиновой. Ну, и не только он.

Как здорово было бы поваляться на диване с чипсами, а если матери нет дома, то и с пивом. Хорошо тем, кому не надо на три работы ходить, чтобы на пропитание заработать! А тут еще Кирилл со своими претензиями – почему, мол, Генка прогуливает. А как тут не прогулять? До двенадцати ночи он будет макароны и минеральную воду разгружать, домой

придет только к часу. Пока поест, помоемся – два ночи. А утром на учебу бежать? А спать когда?

Супермаркет встретил работника ярким светом и шумом покупателей. Он работал до полуночи, и в девять вечера там был самый разгар работы.

– Привет студентам! – крикнула Генке дородная продавщица Лариса, приехавшая на заработки из Васильково, когда он вошел внутрь. Она постоянно к нему клеилась, но его мысли были заняты Лилькой.

– Привет трудовому народу! – откликнулся он и пошел к двери, на которой было написано «Посторонним не входить!» В магазине по вечернему времени почему-то работали всего две кассы, и очередь выстроилась огромная. Какая-то тетка в болоньевом плаще прошлого века кричала, чтобы открыли еще одну кассу. Бабулька перед ней мощным торсом отодвигала забулдыгу, который лез без очереди с единственной бутылкой водки.

Среди стеллажей с продуктами людей почти не было. Видно, все они уже стояли в очередях. Генка открыл заветную дверь и пошел по лестнице вниз. Продуктовые машины подъезжали к двери в подвал, где стояли холодильные установки. Дядя Ваня стоял около машины с хлебом и покурил сигаретку.

– Привет, дядь Вань, – поздоровался Генка, – ты что куришь? Сейчас тебе завскладом выдаст по первое число!

– Да она чай пить пошла. Давай, включайся в работу. Я

только тебя жду.

Ждать его было совершенно незачем. Ящики с хлебом они таскали по одному. Видно, дяде Ване не хотелось перетаскать больше ящиков, чем Генка, и он поджидал напарника, чтобы вместе начать работу.

С хлебом они справились за час. Потом подошла машина с молочкой, а за ней с вином. К полуночи Генка еле ноги передвигал. Хорошо, что завскладом Снежана Матвеевна жила неподалеку от Генки. Она не раз забрасывала его домой. В эту ночь Генка не помнил, как залез к ней в машину и как выгрузился возле дома, вошел в подъезд и вызвал лифт.

Очнулся он в прихожей, где мама нашла его спящим на танкетке, прислонившимся головой к маминой новой китайской куртке, купленной на пригородном рынке в сентябре. Опираясь на родное плечо, Копейников дополз до дивана и рухнул. Мать стащила с него ботинки и прикрыла покрывалом. Душ принимать пришлось только утром.

Как там Лилька? Эта мысль крутилась в голове днем и ночью. Даже устав до умопомрачения, во сне Генка спасал девчонку. Но то во сне! Единственное, что приходило в голову наяву – попробовать еще раз поэкспериментировать с концентратором.

В качестве предлога для посещения Воробьева Генка снова взял лекции. Всегда можно попросить объяснить какую-нибудь формулу или график, до зачетов-то осталась всего неделя. Генка давно отсканировал весь материал, взятый

у Кирилла перед коллоквиумом, на всякий случай.

Зажав под мышкой сверток со скрепленной степлером распечаткой, Копейников отправился в соседний подъезд и поднялся на нужный этаж. По его подсчетам, Кирилл уже должен был вернуться домой после занятий. Да и вообще, у него послезавтра экзамен по философии. Когда-нибудь он же готовится?

Кирилл, действительно, оказался дома. Он жевал бутерброд с колбасой, чтобы не заснуть над учебником философии. Генкин приход вызывал двойкие чувства. С одной стороны, времени и так мало осталось, но с другой – появился естественный повод сделать перерыв.

– Входи, Копейников. Что на этот раз? – с набитым ртом промычал Кирилл.

– Я по поводу лекций по темпорологии. Там график один непонятный. А скоро зачеты, – лихо соврал Генка.

– Проходи, – вздохнул Воробьев. – Надеюсь, ты и вправду что-то усвоил.

– Я только хотел попросить, – решился Генка. – Давайте еще раз на ваш приборчик посмотрим. Лиля-то там одна. Вдруг с ней что-нибудь случилось? Хоть посмотрим, как она там.

– Так вот ты зачем пришел! А график?

– И график тоже. Только давайте с концентратора начнем, – вид у Генки был очень жалостный.

Кирилл провел парня в свою комнату, сгреб со стола все

книги и торжественно достал из ящика прибор. Видно, Генка и правда очень волновался, потому что лампочки в прорези сразу замигали и побежали.

– Я его утром с собой не брал, очень сложная лекция была. Хотелось, чтобы студенты все поняли. Эх, когда уже Романович выйдет! Ничего не успеваю, – пояснил Кирилл.

– Это ничего, он же не мог сам собой разрядиться, – Генка подошел к прибору поближе.

От его движения или волнений уже знакомый шар искаженной действительности появился и поплыл по комнате. Генка рухнул на стул, Кирилл стал рядом.

В шаре проявилась большая комната с незадернутыми шторами, за окном шел дождь и черные ветки стучали в стекло. У противоположной от окна стены на фоне камина виднелась тонкая девичья фигурка. Светлые волосы покрывал белый чепец, но из-под него в стороны все равно торчали непокорные завитки.

– Это Лилька! – закричал Копейников и вскочил с места.

Девушка аккуратно снимала с каминной полки кубки и ставила на низкий столик. При этом ее лицо то и дело поворачивалось к застывшим от напряжения экспериментаторам. Когда все кубки оказались на столе, она смазала чем-то полированный камень полки и стала энергично растирать тряпкой.

– Все-таки это точно Лилька, а никакая не прабабушка, – заявил Гена. – Вон у нее на щеке тонкая полосочка, види-

те? Это шрам. Она в детстве с лестницы упала, всю морда-ху свезла. Потом зажило, конечно, осталась только эта поло-сочка.

Генка тяжело вздохнул и отвернулся, но тут же справился с чувствами и снова стал наблюдать за пропавшей подружкой. Она уже закончила чистить полку и теперь осторожно стави-ла на место кубки.

Вдруг в комнату, не замеченный Лилей, вошел мужчина. Был он полноват и лысоват.

– Как ты стараешься, моя умница! – произнес он и ухватил девушку за талию.

Она слабо задержалась, стараясь осторожно высвободить-ся, но мужчина приподнял ее и повернул к себе лицом. Он сказал что-то про награду и попытался поцеловать девушку. Кирилл заметил беззащитный взгляд, молящий о помощи.

И вдруг в воздухе, парящая сама по себе, появилась рука. Сжатый кулак с силой двинул мужчину по скуле, и рука ис-чезла.

– Ну, ты даешь, Копейников! Мог ведь без руки остаться! – рявкнул перепугавшийся Воробьев на раскрасневшего-ся Генку.

– Старый козел! – прошипел тот. – В папаши ей годится, а туда же.

Но Кирилл уже пришел в себя.

– Быстро пиши ей записку. Ну!

– Что? – не понял Генка.

– Пиши: «Держись. Мы постараемся тебе помочь». Все, давай сюда.

Мужчина в пузыре смотрел на Лилины руки, сжимавшие тряпку, и потирал ушибленную скулу. Потом он резко повернулся и вышел из комнаты. В этот момент Кирилл сунул руку в шар и положил записку девушке в карман передника.

– Меня ругаете, а сами что делаете? – возбужденно спросил Генка.

– Ш-ш-ш... Посмотри, кто это там?

Теперь шар показывал лестницу, на которую выскочил Лилин обидчик. Ничего не видя перед собой, он врезался в другого мужчину, поднимавшегося по лестнице и на мгновение остановившегося от неожиданности. Шар четко показал его лицо, и Кирилл ахнул.

Но тут, видимо, заряд концентратора иссяк, и видение пропало.

– Что это вы ахали? – подозрительно спросил Генка.

– Видел, в кого врезался этот мужик? – вопросом на вопрос ответил Воробьев. – Это тот самый Альфред Эдуардович, который дал мне испытывать концентратор.

– Ничего себе, – воскликнул Генка.

– Ты хоть понял, каких мы добились результатов? – спросил Кирилл.

– Каких? Я понял, что Лилька там. Только неизвестно, как ее оттуда вытягивать.

– Ты не понял ничего! – возмутился Кирилл, – смотри:

во-первых, мы можем передавать Лиле записки. Она полезет в карман за носовым платком и выудит листок.

– Это хорошо, но она там...

– Мы ей еще напишем.

– О чем?

– Подумай сам: как она пропала?

– Ну в музее, там скандал был. Директриса мне сказала, что есть легенда рода Бэкклоу про камень. Типа он заряжается и переносит человека неизвестно куда – он пропадает.

– Вот видишь! А в зале, откуда пропала Лиля, лежал этот камень.

– Что вы хотите сказать?

– Хочу до тебя донести, что этот камень действует, как сильный концентратор – накапливает эмоциональную энергию и в качестве побочного эффекта переносит человека в другое время. А концентратор только показывает нам прошлое.

– То есть Лильку можно вернуть?! Ведь она попала к Мортимерам, а перстень с камнем хранится у них, мне Настя рассказывала. Только как мы можем повлиять на камень в прошлом?

– Через Лилю.

– Это если камень заряжен. А директриса в музее говорила, что если камень разрядится после переноса человека, он потом может заряжаться лет десять, – Генка опять повесил голову.

– Нужно спросить Лилию, заряжен он или разряжен, – сделал вывод Кирилл.

– Но как она нам ответит?

– Да куча способов. Палочкой на земле напишет, а мы прочтем.

– А может, концентратор использовать для ее возвращения? – предложил Генка.

– Но концентратор не переносит в другое время, он только показывает картины из прошлого, – возразил Кирилл, – вот что, нужно подождать, пока Настин отец соберет для нас сведения. Правда, он наводит справки о концентраторе, а не о камне. А нам нужно бы узнать, что это за камень и встречается ли он в природе.

– Да пока мы тут будем справки наводить, Лилька там загнется! – крикнул Генка.

– Не горячись. Мы сегодня добились очень многого. Нам стало понятно, что предпринимать. И это ведь не все... – успокоил его Кирилл.

– А что еще?

– Ты видел там мужика, который мне концентратор сосватал? Надо спросить про него Лилию. Мне он представился, как Альфред Эдуардович Гутс. Если он с легкостью путешествует из настоящего в прошлое, то и Лилию может вернуть обратно.

– А зачем ему это?

– Ну, мы попытаемся его заинтересовать. Надо подумать,

как.

– Пока он там, давайте концентратором займемся. Может, его все-таки можно зарядить настолько, чтобы он перенес Лильку обратно. Вот только проблема, что прибор здесь, а Лилька там. Ну пусть тогда меня к ней перебросит. А вось, вдвоем не пропадем.

– Ты не спеши, – охладил Генкин пыл Кирилл, – этот Альфред должен появиться, чтобы забрать у меня концентратор, и тогда я с ним поговорю относительно Лили.

– Да, вы считаете, что он – хороший человек. А если нет? Нельзя на него надеяться.

– Ген, тогда нам один путь – идти еще раз к Настиному отцу и советоваться с ним конкретно по возникшей ситуации.

– То есть, рассказать все про Лилу?

– Да, почему бы нет? Может, с его помощью мы научимся достаточно для переброса заряжать концентратор. Тогда кто-то из нас сможет оказаться в прошлом, зарядить концентратор там и вместе с Лилей вернуться домой. Хотя это проблематично. На переброс двоих людей наверняка нужно потратить больше энергии, чем на одного.

– Я легче вас. Лучше меня послать в прошлое, – предложил Генка.

– Тут не все ясно, дружище. Камень Бэклоу, видимо, настроен на определенный отрезок времени и определенные точки в пространстве, а про концентратор ничего непонятно. Если бы мы камень в музее могли зарядить...

– Нужно идти в музей и скандалить там, пока камень не зарядится.

– Боюсь, Геннадий, что нас тогда в полицию упекут, и Лилия останется без помощи. Давай, что ты хотел про лекции спросить?

Генка пошарил по столу, но отсканированных лекций нигде не было. Кирилл смотрел на него и ждал вопроса.

– Нету. Не знаю, куда они подевались. Вы, наверное, их уже сами убрали, – растерянно ответил Гена.

– Не брал я лекции. Ладно, найдутся. К счастью, они у меня на компьютере есть, – сказал Кирилл.

Усталые от долгого спора, преподаватель и студент замолчали. Кирилл пошел на кухню, чтобы вскипятить чаю и сообразить бутербродов – подкрепиться им обоим перед тем, как продолжить разговор. Он понимал, что Генка волнуется за подругу и готов наделать глупостей, лишь бы вернуть ее домой. Воробьев же думал, что к делу нужно подойти ответственно, перебрать все пути решения проблемы и выбрать наилучший. Его также вдохновляла встреча с Настей, которая неизбежна, если обращаться к ее отцу еще раз.

Генка, оставшись один в комнате, оглянулся и сунул концентратор себе в карман толстовки. Он решил, что пока Кирилл будет прорабатывать способы разрешения ситуации, он попробует зарядить концентратор до предела и попасть с его помощью к Лиле.

Глава 9. Над сэром Джорджем сгущаются тучи

Леди Джулия Лонгфильд отпустила Жаннет навестить родителей в деревне, поэтому ей пришлось доверить свое одевание и причесывание младшей горничной. Она же не могла появиться перед Джорджем Мортимером неприбранной! Вроде бы служанка справилась неплохо. С закладыванием коляски тоже возникли проблемы. Служанка не знала, где найти кучера. Пришлось вызвать кухарку, которая все про всех знала и лично велела кучеру запрягать коней. Отсутствии Жаннет отозвалось кучей непредвиденных проблем.

Дорога в Олдоакс пролегла по берегу моря. Леди Джулия не предупреждала Джорджа о своем приезде, она решила сделать ему сюрприз. Жаннет во вчерашнем разговоре обмолвилась, что графиня Мортимер собиралась сегодня в город, и ее не будет целый день – кто-то из слуг Мортимеров сказал ее горничной об этом. Это так удачно! Никто не помешает им с Джорджем провести чудесный день! Леди Лонгфильд пошлет кучера к сэру Мортимеру доложить, что она ждет Джорджа в их беседке, и у них состоится незапланированное свидание.

В прекрасном настроении Джулия остановила кучера около неприметной калитки в ограде замка, дала ему поручение

и пошла к беседке. Не дойдя до цели несколько шагов, она услышала в беседке голоса. Леди Лонгфильд на цыпочках подошла поближе и спряталась за раскидистым кустом акации, чтобы послушать, кто разговаривает в их с Джорджем беседке.

– Малышка, ну что ты сопротивляешься? Разве ты меня не любишь? – послышался голос графа Мортимера.

– Ах, ваша милость, девушку каждый может обидеть. Я должна сама за себя постоять, – сказала его спутница голосом Жаннет.

– Ну хотя бы поцелуй меня.

– А вы принесли мне подарок?

– Конечно, душа моя. Вот тебе серебряный браслет.

– Но я хочу колечко с камушком. У вашей жены есть такое – золотое с топазом.

– А ты, оказывается, разбираешься в камушках, – недовольно молвил сэр Джордж, – но колечко дарят в ознаменование помолвки. А я женат, и не могу на тебе жениться.

– Ну тогда золотые серьги с топазами.

– Хорошо, душа моя. В следующий раз я принесу тебе что-то получше.

– А мне? – спросила Джулия, выходя из-за куста и еле скрывая бешенство.

– О, Джулия! – воскликнул Джордж, – ты неправильно все поняла!

– Простите, госпожа, – залепетала Жаннет, – я уже соби-

ралась домой. Зашла сюда просто по дороге.

– С каких это пор дорога в деревню проходит мимо Олдоакса?!

– Джулия, я тебе все объясню, – сказал Мортимер, – Жаннет просто репетировала со мной разговор со своим женихом. Я по доброте душевной взялся ей помочь.

– Да, госпожа. Я же собираюсь замуж за привратника Бена. Но сначала он должен подарить мне колечко, – вдохновенно врала Жаннет.

– Ну вот что, немедленно иди домой! – велела леди Лонгфильд своей служанке, – я дома с тобой поговорю.

– Джулия, я так рад тебя видеть! – запоздало воскликнул сэр Джордж.

– А я вовсе не к тебе приехала.

– Но если ты к Эстер, то ее нет дома.

– Это замечательно. Вели проводить меня к ее секретарю.

– Да я и сам тебя провожу, – облегченно воскликнул Джордж.

Граф предложил своей соседке руку и повел ее к дому. Он прижимался к леди Лонгфильд, многозначительно теребил ее пальчики, но Джулия не реагировала.

– Я пройду в гостиную, а ты позови мне Фостера, – сказала обманутая женщина.

– Зачем он тебе?

– Ну уж это мое дело.

Джордж послушно позвонил в колокольчик на двери и ве-

лел пришедшей служанке вызвать секретаря леди Эстер.

– Ты сам, Джордж, можешь уйти. У меня к Фостеру секретный разговор.

– Как скажешь, милая.

Сэр Джордж расстроился. Конечно, Жаннет мила и уже почти уступила ему, но он вовсе не хотел прекращать интрижку с Джулией. Она так изящна и аристократична, с ней всегда есть о чем поговорить. Она, в отличие от служанки, не выпрашивает у него подарки. Нужно как-то вымолить у нее прощение.

Леди Лонгфильд в это время строила свои планы.

– Вы звали меня, ваша милость? – спросил входящий в гостиную Фостер.

– Ну зачем вы называете меня так официально, – кокетливо улыбнулась ему Джулия, – зовите меня по имени.

– Не смею, ваша милость, – с удивлением ответил секретарь.

– Вот что, дорогой Энтони, я слышала, вы знаете латынь?

– Да, госпожа.

– Я очень хочу овладеть этим языком. Вы взяли бы меня в ученицы?

– Конечно, ваша милость.

– Джулия...

– Леди Джулия.

– Ну хотя бы так. Ваша хозяйка не будет возражать?

– Думаю, нет. Ее часто не бывает дома.

– Замечательно. Тогда так – как только она надолго уезжает, я жду вас у себя.

– Но я не успею прийти пешком и вернуться, пока хозяйки нет.

– Я пришлю за вами коляску.

– Тогда, конечно...

– Хорошо, а пока ступайте.

Фостер вышел из комнаты совершенно пораженный: если бы это была не высокородная дворянка, он подумал бы, что ему назначают свидание. Но зачем это ей? От перспектив у него закружилась голова. Мало того, что хозяйка его ревнует, еще и леди Лонгфильд назначает свидание. На чем же ему остановиться: форсировать развитие романа с леди Эстер или клюнуть на крючок, заброшенный леди Джулией? И то, и другое заманчиво. Наверно, нужно не отказываться ни от чего и положиться на судьбу.

Как не скучала Лиля по дому, как не мечтала вернуться, жизнь в замке шла своим чередом. Графиня, довольная усердием и скромностью девушки, разрешила допустить ее в господские покои.

На следующий день утром, после завтрака прислуги, она должна была самостоятельно прибраться в гостиной. Эта комната считалась очень ответственной, так как Мортимеры любили проводить в ней вечера. Бывало, что и днем, особенно в скверную погоду, сэр Джордж приказывал растопить камин и устраивался у огня с газетой.

Лиле трепет прислуги был непонятен, но комната оказалась интересной. Квадратный ковер закрывал весь пол обширной, но уютной гостиной. В центре потолка висела тяжелая бронзовая люстра, в которую в торжественных случаях вставлялось до сотни свечей. В обычные дни для освещения использовали канделябры на пять свечей, которые удобно было поставить в нужном хозяевам месте.

Накануне вечером граф задремал в кресле и переместился в спальню только после того, как леди Эстер послала за ним Эмму. Кресла хозяев казались Лиле самыми удивительными предметами в комнате. Ни столик, инкрустированный перламутром, ни огромный шкаф с резными фигурками на дверцах не вызывали у нее такого интереса.

Кресла явно составляли гарнитур, их покрывала одинаковая блестящая ткань с пышными, как у пальмы листьями. Но то, что предназначалось для сэра Джорджа, было выше и уже. Эмма объяснила девушке, что кресло хозяина подчеркивает его положение главы семьи. Кресло леди Эстер, всего лишь жены графа, сделали пониже. Зато оно казалось очень широким, ведь дама могла сесть в него в кринолине. Обширные юбки на каркасе не позволили бы воспользоваться креслом, предназначенным для мужчины.

Лилия прошлась щеткой по сиденьям и спинкам, вытерла мягкой тканью пыль со шкафа и столика и тут увидела на полу газету. Отправляясь вчера спать, граф просто бросил ее и ушел. Девушка схватила газету, как спасательный круг.

Уже давно поняв, что она перенеслась в прошлое, Лиля так и не смогла узнать, какой на дворе год. Спрашивать об этом она не решалась, чтобы ее не сочли сумасшедшей, а больше выяснить это было негде. А тут газета! В них всегда на первом листе есть дата.

Девушка развернула желтоватый лист и обнаружила, что на нем проставлено двадцать восьмое сентября тысяча семьсот пятьдесят третьего года. На мгновение у нее закружилась голова. Пытаясь взять себя в руки, Лиля начала читать статью о выступлении в парламенте премьер-министра и так увлеклась этим занятием, что даже не заметила леди Мортимер, заглянувшую в гостиную в поисках мужа.

Леди Эстер оторопела, но одергивать служанку не стала. Видимо, ее догадка, что девушка не из простой семьи, оказалась правильной. Пожалуй, для них с Джорджем это даже хорошо. С этими мыслями графиня удалилась.

Лиля опомнилась и сложила газету. Следовало еще протереть каминную полку и расставить по высоте винные кубки, украшавшие камин. За этим занятием ее застал сэр Джордж, решивший отдохнуть до обеда у огня. Он уже собрался позвонить, чтобы потребовать себе вина, но тут увидел молоденькую горничную, протееже супруги.

Милая девчушка казалась очень аппетитной. Конечно, ничего серьезного в замке, на глазах у Эстер, быть не может, но потрепать малышку по щечке он, как хозяин, имеет право.

Правда, ограничиваться щечкой он не стал. Девушка сто-

яла на цыпочках, с трудом доставая до коллекции кубков. Граф подошел сзади, обхватил малышку за талию и крепко прижал к себе.

– Как ты стараешься, моя умница! – умильным голосом произнес он. – Такое усердие достойно награды.

Сэр Джордж повернул девушку лицом к себе и уже приготовился запечатлеть у нее на губах поцелуй, как вдруг сильный удар в челюсть заставил его разжать руки. Испуганная служанка смотрела на него круглыми глазами, сжимая в руках тряпку. Граф был уверен, что полученный им удар нанесла не она. Но кто?! В комнате никого больше не было.

Оставив в покое девушку, он выскочил из комнаты. Ужасная мысль не давала ему покоя. Вдруг свидетельницей его маленькой шалости стала жена и именно она нанесла ему удар, а потом скрылась?

Выйдя в коридор, Мортимер налетел на чинно поднимавшегося по лестнице человека. Остановившись и извинившись, он узнал в нем Гутса, соседа, купившего у них с Эстер старый дом у дороги. Ходили слухи, что он так отремонтировал и надстроил дом, что тот стал богаче и красивее Олдоакса. Но в гости сосед не звал, предпочитал сам наведываться к новым знакомым. Вежливый Гутс обвинил в столкновении себя.

– Простите, дорогой граф, лишь моя невнимательность виновата в этой маленькой неприятности. Я с таким нетерпением ожидаю встречи с леди Эстер, что позволил себе

несколько задуматься. Графиня обещала оказать мне содействие. Я собираюсь разбить возле дома сад, и ее опыт был бы неоценим.

– Так вы к Эстер? – с облегчением воскликнул сэр Джордж. – Она рада будет вам помочь, Эстер обожает давать советы.

Значит, это не жена помешала его невинной забаве. Тогда кто? Мортимер уже почти убедил себя, что просто ударился о дверцу шкафа, но в глубине души был уверен, что полученную оплеуху нанесла мужская рука.

Растерянная Лиля стояла у камина и не знала, что теперь делать. Можно ли посоветоваться с Эммой или это опасно? В задумчивости она сунула тряпку в карман фартука и обнаружила, что там лежит какая-то бумажка. Достав ее и развернув, Лилия поняла, что это записка. Записка была адресована ей и написана Генкиной рукой. Там было написано: «Держись. Мы постараемся тебе помочь».

Мортимер был рад, что жена не видела, как он шалил со служанкой, но недоумевал, что же с ним случилось. В задумчивости он прошел в свой кабинет, достал из потайного отделения шкафа бутылку коньяка и бокал и успокоил расходившиеся нервы. Убрав бутылку, он тяжело опустился в кресло.

Как много хлопот от этих женщин! Когда он женился на Эстер, Джордж понимал, что нежной и покорной она не будет. Но деньги! Олдоакс лежал почти в руинах, а собствен-

ных средств у него не было.

В этом смысле брак оказался удачным. Жена не только принесла с собой капитал, но и наладила хозяйство. Однако любоваться целыми днями на ее постную физиономию Джордж решительно не мог. Вот и приходилось оказывать знаки внимания милым созданиям, попадавшимися под руку.

Что-то уперлось ему в бок, и Джордж заерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Это не помогло, и пришлось обследовать карманы, чтобы понять, что там такое твердое. Во внутреннем кармане нашлись какие-то бумаги, но Джордж не мог вспомнить, зачем их туда положил.

Поднеся находку поближе к камину, он с удивлением обнаружил, что текст написан на незнакомом языке. Он уже видел что-то в этом роде в архиве жены. Какой-то старинный текст, невесть как оказавшийся в Бэклоу и привезенный Эстер с собой. Может быть, это он и есть?

Давно ли эти бумаги пребывают в его кармане? Может быть, с того момента, как он потерял записку? С другой стороны, старые бумаги Бэклоу его совершенно не интересовали, и положить их в карман сам он не мог.

Потирая ушибленную челюсть, Джордж с ужасом подумал, что знает, откуда взялась рукопись. А заодно и кто его ударил. Но как он посмел?!

Не иначе, это дело рук Фостера! По приказу дорогой женошки он вполне мог шпионить за собственным хозяином, украсть у него записку и подложить взамен странную руко-

пись. Это само по себе возмутительно.

Но поднять руку на графа?! Это выходит за всякие рамки. Пожалуй, надо выяснить, правильны ли его догадки. И если да, Эстер придется выгнать своего секретаря, выгнать с позором.

В конце концов, он хозяин дома и муж, и здесь он не отступит. Подозрительность графини не знает границ, слежка за мужем в собственном доме возмутительна. Но допустить, чтобы слуга поднимал руку на своего господина, не сможет даже она. Эстер придется покориться.

Приняв такое решение, Мортимер позвонил в колокольчик. На пороге кабинета тотчас появилась младшая горничная. Она вошла осторожно, стараясь не смотреть сэру Джорджу в лицо. Бедняжка! Должно быть, он ее напугал.

– Дитя мое, не видела ли ты кого-нибудь в гостиной, когда мы с тобой были там? В смысле, кого-то еще? Может быть, секретарь моей супруги заглядывал в комнату?

– Нет, сэр. Я убиралась там одна, больше никого не было, а потом зашли вы, – Лиле хотелось поскорее покинуть кабинет, пока хозяину не пришла мысль снова начать к ней приставать.

– Ну и хорошо, ну и ладно, – пробормотал Джордж. Действительно, девчонка стояла лицом к камину и не могла видеть, кто входит в комнату. Не заметила же она его самого! – Возьми вот эти бумаги и отнеси на чердак. Там стоит большой сундук, положи их туда. Это все из Бэклоу и дорогого мо-

ей жене.

– Слушаюсь, сэра, – сказала обрадованная Лиля, схватила бумаги и поспешила вон.

Поднявшись на этаж, она заглянула в сверток. К ее удивлению, это оказались лекции по темпорологии. Надо же! Значит, Генка может передавать сюда разные предметы. Вот было бы здорово, если бы он вытащил ее отсюда! Интересно, как он это делает?

Вряд ли стоило относить эти бумаги в сундук леди Эстер. Генкины лекции она оставит себе. Можно спрятать их в шкафу с постельным бельем для прислуги. Господа туда не заглядывают, а Эмма близорука и в темноте ничего не заметит, особенно если засунуть их под застилающую полку бумагу.

В воскресенье утром сэра Джордж обычно оставался в замке один. Леди Эстер со слугами уходила спозаранку на утреннюю службу в деревенскую церковь. Он не знал, что в этот раз она никуда не пошла.

Леди Эстер не спала всю ночь. Ее посетила великолепная идея, но она сомневалась... Новая служанка Лили ничего не помнит о своем прошлом. Она может оказаться как дворянкой, так и простолюдинкой. Так ли уж это важно? Девочка, безусловно, хорошо образована. Ее следует лишь немного подучить танцам и этикету, может быть, живописи. У Мортимеров нет своих детей, а поместье нужно кому-то оставить. Если удочерить девушку, никто не будет возражать – родственников у нее нет. Прошение королю об удочерении

может передать Виктория – двоюродная тетушка Эстер.

У леди Эстер закружилась голова от смелости своих планов. Она, конечно, всегда быстро решалась на важные поступки, но тут дело слишком необычное: среди ее знакомых никто не усыновлял детей. Но она же не виновата, что Бог не послал им с Джорджем потомства. Что ж... У нее на девочку большие планы. Вряд ли Лили будет возражать, а Джорджа она уломяет.

Затем Лили следует выдать замуж за того Мортимера, который наследует поместье, в браке родятся дети, и Олдоакс отойдет сначала мужу Лили, а затем ее детям. Таким образом линия Мортимеров, заканчивающаяся на Джордже, не будет прервана, и замок останется в их семье. Только бы убедить в этом мужа.

Мортимер лениво потянулся и встал с кровати. Накинув теплый бархатный халат, он побрел в библиотеку. Кроме книг там располагался шкаф со спиртными напитками, чтобы он мог потягивать виски, сидя в кресле и листая философские трактаты. Эстер не приветствовала употребление виски с утра. Алкоголь в их общем доме подавали только к ужину, в семь вечера. Но это так нескоро!

Джордж уже открывал ключом заветный шкаф, когда в библиотеку влетела энергичная жена. Ее всегдашнее серое платье было безукоризненным, но из прически вылез непослушный локон, который при быстрой ходьбе падал ей на лицо, закрывая один глаз. Мортимер быстро захлопнул створ-

ку шкафа и повернулся к ней.

– Дорогая, ты разве не на службе?

– Нет, как видишь. У меня к тебе важное дело.

– Я весь внимание, – с готовностью ответил сэръ Джордж, радуясь, что жена не заметила его намерения выпить виски.

– Сядь, Джордж, разговор будет непростой.

– Ты меня пугаешь. Что-нибудь случилось?

– Что ты думаешь о Лили?

– О новой служанке? Она мила, но не слишком приветлива.

– То есть отказывает тебе в твоих приставаниях.

– Ну что ты, дорогая. Она же совсем ребенок.

– Вот об этом я и хочу поговорить. Понимаешь, у нее никого нет из родни. И она ничего не помнит о своем прошлом.

– Это хорошо или плохо?

– Нам это на руку. У нас же с тобой нет детей.

– Да, дорогая, я сожалею об этом.

– И встает вопрос, кому достанется Олдоакс, когда нас не станет.

– Милая, ну зачем думать о таких грустных вещах...

– Потому, что мне не безразлично, что станет со всеми моими трудами.

– Но я не понимаю, причем тут служанка?

– При том, что нам надо ее удочерить.

– Но она всего лишь служанка...

– Подожди. Подумай сам – у нее никого нет. Она не пом-

нит своего прошлого. Никаких помех не будет. Мы пойдем к викарию, и он запишет ее, как нашу дочь.

– Зачем? Не лучше ли оставить все как есть?

– Затем, что мы выдадим ее замуж за твоего кузена, и они получат после нашей смерти Олдоакс.

– А если кто-то узнает, что наша дочь даже не дворянка?

– Я скажу викарию, что она моя дальняя родственница из обедневшей ветви Бэклогу.

– Это слишком смело, Эстер.

– Я все продумала. Лучше подумай, как уговорить Карла. Ему всего тридцать. Они родят здорового мальчика, и род будет продолжен.

– А если он не согласится?

– Можно обещать ему хорошее приданое. У него, кажется, нет денег. Если он женится на нашей дочери, то получит постоянное содержание для их семьи. При рождении сына оно будет увеличено.

– Да, Эстер, ты умеешь убеждать. Прекрасное решение проблемы! Давай выпьем по этому поводу.

Леди Мортимер вынула у него из пальцев ключ от шкафа со спиртным и положила себе в карман.

– Выпить тебе дадут на ужин. Немного грога по случаю прохладной погоды.

Как всегда после ланча, леди Эстер сидела у себя в кабинете и работала. На сей раз она подсчитывала доходы от собранного крестьянами урожая и от арендной платы за зем-

ли поместья Мортимеров. Вопрос с удочерением Лили ее волновал, но каждодневная работа должна быть выполнена, невзирая на грандиозные долгосрочные планы. Графиня была одета в то же серое платье, которое принесла ей Эмма с утра, лишь позволила себе слегка ослабить корсет с помощью горничной. Так гораздо удобнее сидеть за секретером с работой. Графиня задумалась, не превысила ли она расходы на содержание замка и выплату жалования слугам. В этот момент в дверь постучали.

– Войдите, – громко сказала леди Мортимер.

– Ваша милость, прошу простить за беспокойство, – испуганно произнесла Лили, – но там к вам приехала леди Лонгфильд. Я ее провела в гостиную.

– Хорошо, девочка, ступай.

Леди Эстер удивилась до крайности. С Джулией Лонгфильд у нее сложились довольно натянутые отношения после того, как графиня узнала, что та флиртует с сэром Джорджем. Приезжать без приглашения – с ее стороны поразительный шаг. Ее могли привести к леди Мортимер только чрезвычайные обстоятельства. Но что могло случиться? Джордж дома, с ним все в порядке. Может, что-то с Ричардом? Хоть он и никудышный человек, но все же – Бэклоу.

Леди Эстер вызвала колокольчиком Эмму, чтобы та помогла ей затянуть корсет, и, приведя себя в порядок, спустилась в гостиную.

Джулия сидела в кресле в своем розовом платье, как

обычно, с глубоким декольте, демонстрирующем ее белую кожу. Волосы она забрала наверх. Но это не главное, основным было то, что на шее соперницы красовалось рубиновое ожерелье, точно такое же, как у леди Эстер. Хозяйка дома, напротив, была одета в серое платье с глухим воротом, которое украшала только жемчужная брошь. Зато ее русые волосы были тщательно уложены, а светло-карие глаза излучали гостеприимство.

– Рада вас видеть, душенька, – поздоровалась графиня Мортимер.

– Здравствуйте, дорогая Эстер. Мне так захотелось навесить вас! Мне же абсолютно не с кем поговорить в поместье.

– С удовольствием с вами поговорю, но прошу подождать еще минуту. Я должна сделать кое-какие распоряжения.

Леди Эстер позвонила в колокольчик около двери и вышла в холл. Подошедшей к ней Эмме графиня тихо велела найти в ее шкатулке рубиновое ожерелье и доложить о результатах поисков. Затем леди Мортимер вернулась к госте. Она непринужденно заговорила с Джулией о погоде и о начале театрального сезона в столице.

Через пять минут в гостиную вошла Эмма, извинилась и зашептала на ухо графине: «В вашей шкатулке нет рубинового ожерелья».

Глаза леди Эстер потемнели от гнева: значит, кто-то из ее домашних украл у нее драгоценность и продал или подарил Джулии Лонгфильд. Скорее всего, это сделал Джордж

– украл драгоценность и подарил своей любовнице. Слуги на такое крупное воровство не пойдут, побоятся. Они могут украсть серебряную ложку или солонку, поскольку хозяйка не проверяет наличие посуды, но дорогое ожерелье – вряд ли. Эмме она верит, как самой себе. Лучшая кандидатура для кражи, конечно, Ричард, но она его не принимает. Как он мог бы попасть в ее спальню?

– Милая Джулия, какое у вас чудесное ожерелье! – взяв себя в руки, сказала графиня, – где вы его купили?

– Это такая невероятная история! Я вчера была в городе и зашла в ювелирную лавку, а там лежит эта чудная вещица. Я просто не смогла пройти мимо, хотя вещь и дорогая.

– Надо же, я там была совсем недавно, но не видела ничего подобного, – фальшиво удивилась леди Эстер.

– Его там и не было. К хозяину лавки только что пришли товары из Персии, и я успела первой, – зеленые глаза леди Джулии победно засверкали. Она добилась своего: леди Мортимер страшно ей завидует! Это так приятно сознавать.

Леди Лонгфильд поговорила с хозяйкой дома еще с полчаса, отказалась от чая и поехала домой. А графиня напряженно думала, как ей выяснить все про ожерелье. Она решила созвать слуг и выпытать у них правду. Возможно, кто-то знает, как ее рубиновое украшение попало в руки соперницы.

Слуги собрались в холле сразу после отъезда леди Джулии, по первому требованию госпожи. Некоторые дрожали,

ли от страха, поскольку всех вместе их собирали только по неприятным поводам. Билл держал в руках крупные ножницы, которыми подрезал кусты в парке, штаны Джека были испачканы в конском навозе, лицо кухарки покраснелось – видно, она пекла пироги. Хорошо выглядели только Эмма и Лиля, всегда готовые к вызову хозяйки.

– А где Генри и мальчишка Том? – спросила леди Эстер.

– Я сейчас их позову, – предложила Эмма.

– Ладно, не стоит, – сказала леди Эстер, – они, скорее всего, ничего не знают. Вот что, у меня к вам всего один вопрос: кто хоть что-то знает про мое рубиновое ожерелье?

Все хором заголосили, что ничего не знают, но в этом хоре графиня услышала тонкий голосок Лили: «Я знаю».

– Все свободны, кроме Лили, – сказала хозяйка.

– Говори, что тебе известно, – велела она девушке, когда остальные слуги разошлись.

Лили послушно рассказала, как убиралась в кабинете, и видела, что сэр Ричард вошел в спальню госпожи и взял из шкапулки драгоценность. Ей пришлось сознаться, что она специально подглядела за Ричардом и при свете его фонаря увидела, что именно он взял.

«А эта девчонка совсем не глупа, – подумала леди Мортимер, – если бы она сразу рассказала мне про воровство, я бы ей не поверила. А она дождалась, пока Джулия приедет ко мне в ворованном ожерелье. Это хорошо, но как теперь поступить?»

Ричард переходил уже границы дозволенного. Необходимо срочно подавить его дурные наклонности.

Глава 10. Как зарядить концентратор?

Неудача на футбольном матче заставила Генку продумать, как действовать дальше. Концентратор наверняка можно будет зарядить на более массовом мероприятии. Беда в том, что в Заливном Осетре таких не ожидалось. Копейников бродил по наизусть выученным маршрутам родного городка и напряженно думал.

Почти машинально он сел в подошедший к остановке, мимо которой он проходил, автобус. Оказалось, машина шла до вокзала. Студент доехал до конечной станции. Тот же автобус отправлялся обратно лишь через полчаса. За это время в привокзальном буфете можно было купить сосиску в тесте и стаканчик кофе, что он и сделал.

Подкрепившись, он заглянул на перрон. Там стояла электричка, следующая маршрутом Заливной Осетр – Новоморск. На окошках рекламные надписи гласили, что сегодня на открытой сцене центрального парка Новоморска состоится концерт столичной рок-группы «Зубная боль».

– Это то, что мне надо, – подумал Генка и ринулся к автомату, продающему билеты.

До отправления поезда оставалось несколько минут. Ближайший вагон был полон молодежью, жаждущей попасть на

концерт. Девушки и парни болтали, громко смеялись, дурачились. Лишь в углу на первом сидении испуганно жалась к стенке старушка с пекинесом на руках, да пьяный дядька сидел, привалившись к оконному стеклу, посреди салона.

Сидячих мест не осталось, и Генка встал около старушки с собакой. Через три остановки она вышла, и Генка сел. Всю дорогу до Новоморска он мечтал, как вызволит Лильку из прошлого, и как она кинется ему на шею с возгласом: «Спасибо, Геночка!»

От вокзала до центрального парка Копейников без приключений доехал на нижней ступеньке троллейбуса, поскольку пробраться дальше он не смог из-за большого количества пассажиров. Зато в парке ему повезло: в очереди за билетами он увидел Максима Ракитина, полицейского, который помогал его матери восстановить потерянный в транспорте паспорт. Она тогда отдыхала в Новоморске.

– Эй, Геннадий, давай сюда, – крикнул Максим.

– Здорово, – ответил Копейников и встал в очередь впереди Максима. Такой удачи он не ожидал. Еще в электричке Генка отгонял от себя мысль, что народу слишком много, билет на концерт надо было покупать заранее, и он, скорее всего, на действо не попадет. Он уже планировал, как залезет на дерево и будет заряжать концентратор незаконным методом, а тут такая удача!

Максим стал спрашивать, как поживает Галина Степановна. Потом они купили билеты на концерт, после чего тол-

па разъединила их, и найти Максима уже не представлялось возможным.

Время начала концерта приближалось, толпа на открытых рядах перед сценой шумела. Артисты приехали в десять минут восьмого, когда публика уже начала свистеть и орать. С опозданием к микрофонам вышли две девицы в нижнем белье – кружевных трусиках и лифчиках, поясе для чулок и собственно в чулках в сеточку. Потом появились музыканты в драных джинсах и растянутых футболках, с растрепанными волосами до плеч. Шум в открытом театре усилился.

И, наконец, на сцену выбежал Георг Дентал, в миру Жорик Пузанов. Он был одет в полосатую майку, защитного цвета шаровары и солдатские ботинки. Публика неистовствовала, Жорик подошел к микрофону и рявкнул: «Я с вами, друзья!».

Бас-гитара, ритм-гитара и соло-гитара грянули рок, им вторили барабаны. Дентал истошно завопил: «Ты меня не любишь, ты меня погубишь, а-а-а, о как страдаю я». В середине песни, все строчки которой содержали примерно одно и то же, Жорик упал на колени и стал рвать на себе майку, из его глаз катились слезы. Ему подвывали девушки в кружевных трусиках.

Девчонки из публики в коротких юбочках и кожаных курточках по пояс зарыдали вместе с певцом. Генка тут же направил в публику концентратор. Прибор мгновенно замигал красной лампочкой.

– Вот это сила! – восхитился Генка.

И вдруг на его глазах Дентал пропал со сцены. Через несколько секунд он материализовался посреди восьмого ряда в публике.

– Что же это такое, – подумал Копейников, – концентратор перенес его на десять метров? Жаль, выходит, что сохранить энергию внутри прибора нельзя. Он тут же пускает ее в дело. Надо бы попробовать направить концентратор на себя самого.

Но происходящее отвлекло Генку от накопления эмоциональной энергии. Дело в том, что радостная публика начала рвать на память одежду на Жорике Пузанове. Вскоре он остался в симпатичных трусиках с розочками на синем фоне и в ботинках. Остальное прибрали к рукам его фанаты.

Копейников опять направил прибор на публику, но та, довольная добычей, уже не выплескивала нужного количества эмоций. Концентратор не хотел заново заряжаться.

Генка немного расстроился, но потом стал сам себя успокаивать. Все-таки поездка не прошла даром. Он узнал, какие эмоции заряжают концентратор и как он выплескивает излишки энергии. Этого, правда, было мало. Нужно еще понять, как настроить прибор на нужное время и место. Почему-то во время эксперимента они с Кириллом увидели Лилю в прошлом, а на концерте Дентала только перенесло в другое место. Видимо, настройки сбились. Или на параметры влияло количество накопленной энергии?

Кирилл набирал прибором нужное количество эмоций на занятиях. Значит, нужно отдать концентратор ему и попросить, чтобы он опять взял его на лекцию. Как перенести Лильку обратно в наше время, пока непонятно, но хотя бы писать ей записки очень важно.

Дентал убежал за кулисы переодеваться. Вышел распорядитель и сообщил, что в связи с недостойным поведением публики артист отказывается выступать дальше. Все огорченно заревели, но тут девушки в белье запели, как им в постели мужчина говорил про любовь, и эмоции немного утихли.

Генка выбрался из открытого театра и пошел на остановку троллейбуса. Группа «Зубная боль» не особенно его интересовала, а отсутствие на сцене Дентала исключало накопление концентратором дополнительного количества энергии. Теперь нужно было рассказать обо всем Кириллу и выработать дальнейший план действий.

Кирилл в задумчивости бродил по комнате. Он то брался за учебник философии, то хватал лекции, но заниматься не мог. Его волновало, куда он дел концентратор. Если для Генки это был шанс вытащить из прошлого подружку, то для Кирилла прибор оказался прекрасным поводом встретиться с Настей. Конечно, научная ценность концентратора, открывающиеся перспективы, таинственная личность Альфреда Эдуардовича будоражили воображение, заставляли с энтузиазмом заниматься исследованиями. Но приближающаяся

встреча с секретаршей Лисицына волновала Воробьева куда больше. Он отдавал себе отчет в эгоистичности своих стремлений, однако, к его стыду, возможность увидеть Настю значила для него даже больше, чем злоключения школьницы Лили во Франглии.

И тут грянул звонок. Кирилл подошел к телефону.

– Добрый день, Кирилл Сергеевич, – произнес смутно знакомый голос. – Это Анатолий Аркадьевич вас беспокоит. У меня для вас и вашего молодого друга есть интересная информация. Если вы не заняты, прошу приехать сегодня часов в семь вечера.

– Конечно, конечно, – выпалил Кирилл, с ужасом думая об утерянном концентраторе. – Мы непременно будем.

Анатолий Аркадьевич повесил трубку, а Кирилл с удвоенной энергией принялся искать прибор. Куда он мог его засунуть? Он перерыл весь стол, для гарантии вывернув на пол содержимое ящичков. Среди бумаг и мелкого хлама прибора не оказалось. Кое-как запихав все обратно, он отправился в прихожую и обыскал все карманы, и свои, и мамины. Вдруг он по рассеянности опустил дурацкую пудреницу в ее карман? Но и тут ничего не нашлось. Оставались лишь рюкзак и спортивная сумка.

Последний раз он видел прибор, когда Генка убеждал отправить его в прошлое. На улицу с концентратором он не выходил, значит, искать надо дома.

Звонок в дверь прервал бесплодные поиски. На лестнич-

ной площадке стоял Копейников, скроивший заранее умильную рожу, выражавшую раскаяние. Воробьев сразу все понял.

– Входи, жулик. Это ты концентратор тиснул? – спросил преподаватель своего студента.

– Вы не сердитесь, Кирилл Сергеевич. Я его брал, чтобы подзарядить. Честное слово. Просто я не сказал, чтобы вы не запретили.

– Дать бы тебе по шее! Я из-за тебя весь дом перерыл. Между прочим, Светлов звонил. Звал нас к семи. Может, не брать тебя с собой, одному сходить? – будто в задумчивости произнес Кирилл. – Надо же наказывать домушников.

– Ну что вы, Кирилл Сергеевич! – понимая, что это игра, заныл Генка. – Я зато узнал, что концентратор, когда сильно зарядится, сбрасывает излишки энергии. Я вам по дороге расскажу.

Проведя воспитательную работу, Кирилл переключился на другое. Что надеть, чтобы выглядело естественно, но солидно? Он вытащил свой единственный костюм и критически оглядел его со всех сторон.

Генка, с интересом наблюдавший за процессом, сказал:

– Вы лучше наденьте джинсы и белый свитер. Скромненько и со вкусом.

Кирилл покраснел, но последовал совету. Генка размышлял о том, что вот взрослый человек, аспирант, а при одной мысли о приглянувшейся девушке глупеет и смущается.

У них с Лилькой все не так. Пожалуй, он относится к ней, как к домашнему заданию. Несмотря на глазки и кудряшки в первую очередь Лилька требует заботы. Где там смущаться, когда ее совершенно нельзя оставить без присмотра! Взять хоть музей. Из всего класса во Франглию просочилась, между прочим, одна Лилька! Остальные преспокойно вернулись себе домой, и никакое кольцо на них не подействовало.

Время поджимало, Кирилл собрался быстро, и они пешком направились в центр. На машине Кирилл решил не ехать – до центра близко, а Настя, чего доброго, еще подумает, что он хочет похвастаться.

Анатолий Аркадьевич встретил их в самом прекрасном расположении духа. Мрачный вид посетителей его даже несколько удивил.

– Заходите, друзья мои. У меня есть для вас новости, несколько странные. Прошу, проходите, присаживайтесь. Настя, организуй нам чаю.

Кирилл с Генкой прошли в кабинет и устроились на тех же местах, что и в прошлую встречу. Настя принесла чай и тут же ушла. Кирилл так расстроился, что не сразу сосредоточился на словах профессора.

– На этих днях я был на конференции в Москве, – продолжал Анатолий Аркадьевич, – и встретился там со старым приятелем. Он работает в лаборатории у самого Огородникова, между прочим, нашего земляка, и в курсе всех последних открытий в области физики. Так вот, друзья, ни о каких

концентраторах эмоциональной энергии он не слышал.

Должен вам сказать, что его мой вопрос очень заинтересовал. Мы с ним после заседания встретились за рюмкой чая, то да се. Человек расслабился и рассказал интересные вещи. Подозрение, что в природе имеется неизвестный вид энергии, генерируемый живыми существами, возникло давно. Одно время считалось, что это электрическое поле. Но после открытия Огородниковым эффекта просачивания от этой мысли отказались. Вроде что-то есть, но что – наука пока не в курсе дела. Под влиянием выпитого мой знакомый рассказал, что однажды в нашем городе в Франглийском музее видел рукопись. В основной экспозиции она не выставляется, уж больно спорный материал. Рукопись на бумаге семнадцатого века, это установлено точно. Но написана современным русским языком. Некто Леонид Виноградов будто бы попал во Франглию семнадцатого века, перенесенный огненным янтаринном.

– Прямо как Лиля! – не выдержал Копейников.

– Что вы говорите? Какая Лиля? – удивился Анатолий Аркадьевич.

Пришлось рассказать ему всю историю с начала, и про исчезновение Лили, и про видения, показывающие Франглию и дом Мортимеров. Подготовленный полученной от приятеля информацией, профессор Светлов не счел все это глупой выдумкой, а отнесся к делу серьезно.

– Возможность накопления энергии физическим телом

хорошо известна. Что такое огненный янтарин, знакомый мне тоже рассказал. Оказывается, это какой-то простой минерал, я не запомнил, какой, он встречается повсеместно. В собственно огненный янтарин он превращается под действием сильного электрического разряда. В природе это случается после удара молнии. Конечно, не каждый раз этот минерал меняет свою структуру, должны сойтись определенные условия. Известно даже, что этот камень находили во Фраггии. Там было небольшое месторождение. Но тут за достоверность информации поручиться нельзя. Камень не драгоценный и даже не поделочный. Возможно, и еще где-то можно его найти.

Так вот, мой приятель полагал, что если рукопись – не подделка, то, возможно, между заряженными частицами янтарина возникает связь сквозь время. То есть передача материи, как в случае этого самого Виноградова, возможна только из одной точки пространства-времени в другую, обе из которых содержат этот минерал в заряженном состоянии. Но все это выдумки не слишком трезвого человека. Мой друг также считает, что василиски, широко известные из мифов, окаменяли взглядом при помощи той же энергии, что заряжает янтарин. Но тут уж не знаю.

Анатолий Аркадьевич отхлебнул чаю и рассеянно заметил:

– Кстати, никого из физиков по имени Альфред Эдуардович он тоже не знает. Таинственная личность. Дайте-ка еще

разок взглянуть на вашу коробочку.

Кирилл молча достал из кармана концентратор и подал профессору. Анатолий Аркадьевич достал лупу и принялся всматриваться в мигающие огоньки.

– Знаете что, друзья мои, этот ваш приборчик сортирует эмоции. Мне это пришло в голову на конференции. Янтарин накапливает все подряд, а эта штучка складывает положительные и отрицательные отдельно. Вот, смотрите. Я вас огорчил, особенно Геннадия. И вот, пожалуйста! Взгляните сюда. Здесь мигает голубая лампочка или что там у него светится. А теперь вспомните, когда вы приходили прошлый раз и были полны надежд, светилось с другой стороны, белым светом. То есть концентратор представляет собой две емкости, накапливающие разнополярные потенциалы. Но их можно сложить, чтобы увеличить суммарный заряд. Боюсь только, что без соответствующего заряженного концентратора или янтарина в прошлом этот путь никуда не ведет. Однако не надо расстраиваться. Попробуем что-нибудь придумать. Вы не думаете, молодые люди, что приборчик-то многофункциональный? Если мне не изменяет память, этот ваш Альфред Эдуардович уже забирал накопленный заряд.

Вполне возможно, что он его контролирует, а значит, и вас. Вероятно, с его помощью можно слушать или даже видеть его носителя. Вряд ли он отдал бы вам редкий прибор, если бы не мог за ним следить. Так что от этого Альфреда Эдуардовича у вас, скорее всего, секретов быть не может, –

с этими словами Анатолий Аркадьевич отдал Кириллу прибор.

У Генки вытянулось лицо. Кирилл тоже не казался довольным.

– Не унывайте, друзья. Главное – не сдаваться. Помните. «Бороться и искать, найти и не сдаваться»? Впрочем, современная молодежь не читает Каверина. Но вы уж поверьте мне, опытному старому человеку, выход находится только тогда, когда его ищут.

Генка улыбнулся. Настин отец вовсе не походил на старого человека. Ни по возрасту, ни по всему остальному. Спортивный, подтянутый, энергичный Анатолий Аркадьевич казался моложе их самих.

– Вот так-то лучше! Мы с вами обязательно что-нибудь придумаем!

Ребята поднялись и стали прощаться. И хоть Генку огорчило сообщение о направленности передачи, а Кирилл переживал из-за Насти, синяя лампочка погасла, а белая светилась все ярче.

Настя Светлова, пользуясь тем, что декан Лисицин уехал на совещание в Горсовет, сидела на своем месте в приемной и подкрашивала ресницы. Затем она припудрила заблестевшие от целого дня работы щеки и наложила на губы блеск.

Туда, куда она собиралась, можно было прийти и ненакрашенной, в архиве музея Франглии в Заливном Осетре работали только женщины, но Настя привыкла везде выглядеть

достойно.

Девушку очень заинтересовали события, о которых ее отцу рассказали Кирилл Воробьев и его студент Генка. Настя интересовалась историей, недаром она училась на заочном отделении исторического факультета МГУ. К тому же, ей очень хотелось чем-то помочь Кириллу. Он ей давно нравился, хоть ее и сместили его робость и нерешительность. Удивительно несовременный человек!

Да и девочку, попавшую во Франглию в восемнадцатый век, было жаль. Каково ей там без единого близкого человека, без электричества, без нормального транспорта, без Интернета и мобильного телефона?

Настя скинула под столом шлепанцы, надела туфли на высоком каблуке, взяла сумочку, накинула плащ и выбежала из приемной. Собственно, в шлепанцах ее никто не видел – она надевала их только во время сидения за столом и меняла на туфли, когда приходилось куда-то идти. Новые туфли слегка натирали пятку, но ради красоты женщины и не такое терпят.

До конца рабочего дня оставалось еще полчаса, но поскольку Лисицын после совещания возвращаться на работу не собирался, Настя решила уйти пораньше. В случае чего скажет, что по учебным вопросам должна была в архив съездить. Декан ей верит и проверять не станет.

На улице всюду светило весеннее солнце. Южный май благоухал цветами, слепил глаза яркими красками. Настя

очень любила это время. Майский воздух пьянил, вселяя надежду на что-то хорошее, что случится совсем скоро. Она любила первые тюльпаны и всегда сама высаживала их на загородном участке.

Автобус подошел к остановке под завязку наполненный людьми, возвращающимися с работы, и Настя не стала в него садиться. В конце концов, архив находится в километре от Политехнического института, а прогуляться по такой погоде – одно удовольствие.

Архив представлял собой одноэтажное кирпичное здание без архитектурных излишеств. Отдел восемнадцатого века находился в семнадцатой комнате. Там работала Дашенька – похожая на мышку девушка лет девятнадцати. Косметикой она не пользовалась и носила старомодную одежду из гардероба своей мамы. Ее жиденькие волосы были собраны на макушке в жалкий хвостик, но ясные серые глаза с длинными ресницами и очаровательная улыбка располагали к ней всех посетителей архива.

– Ой, Настенька, как я рада! Сто лет тебя не видела! – воскликнула она при виде Светловой.

– Дашенька, прости, дорогая, работы много и сессия на носу. Вот как сдам экзамены, тут же приглашу тебя в кафе-мороженое.

– Ты, наверно, для учебы пришла? – спросила Даша.

– Ну да, – соврала Настя, – мне надо про Франглию кое-что посмотреть. Меня интересует восемнадцатый век.

– Конечно, Настюша. Проходи и ищи, что тебе нужно.

Настя чмокнула подругу в щеку и пошла к шкафу с каталогом. Информацию по Мортимерам она нашла на букву «М». Там хранились официальные документы, карта поместья и неизвестно зачем переданные из музея дневники леди Эстер Мортимер. Настя достала увесистую папку, развязала тесемки и вынула старинную тетрадь. Твердая обложка, обшитая бархатной тканью, скреплялась металлическими застежками. Похоже, Мортимерам экономить не приходилось. Бумага внутри пожелтела, чернила выцвели, и теперь нельзя было сказать, какой цвет они имели сначала. Но знатная дама, как школьница, каждый день записывала все, что происходило в доме.

За июнь тысяча семьсот пятьдесят второго года она записала, что домик арендатора месье Николса после его кончины находится в запущенном состоянии. Леди Мортимер думала, стоит ли его ремонтировать или лучше снести.

Дальше шли несколько ничем не примечательных дней, а потом дама записала, что в городок около поместья Олдоакс, принадлежащего Мортимерам, приехал месье Гутс. Он узнал, что у хозяев поместья есть свободный домик и выразил желание купить его в том состоянии, в каком он находился.

«Наверное, это тот самый человек, которым интересовались ребята», – подумала Настя.

Девушку охватил охотничий азарт. Слушая Кирилла и Ге-

ну, она и представить себе не могла, что их фантастической истории найдется подтверждение в исторических документах. В архив она пошла для очистки совести, в успех поисков не верила. И тут такое!

Леди Мортимер писала, что совершила очень выгодную сделку, хотя и подчеркивала, что откуда родом месье Гутс и кто он такой, ей неизвестно.

Листая дневник дальше, Настя узнала, что постепенно отношения хозяев с новым владельцем дома Николса стали более близкими. Месье Гутс часто навещал Мортимеров, оставался у них на обед или на ужин.

Графиня писала, что месье Гутс пытался выкупить у нее фамильную драгоценность – кольцо с огненным янтаринном, но она не согласилась его продать. По разговорам слуг леди Мортимер узнала, что месье Гутс постоянно рыщет по окрестностям и ищет непонятно что.

Спустя два месяца в дневнике появилась запись, что новый владелец домика Николса снес старый дом и выстроил на его месте совершенно другое здание. Это было сделано в кратчайшие сроки и непонятно, какими силами. Леди Мортимер удивило, что никто не видел, чтобы к домику подъезжали телеги со строительными материалами и с рабочими. Графиня предполагала, что работников месье Гутс нанимал в соседней деревне. Но отсутствие стройматериалов и удивительную быстроту возведения нового строения она объяснить не могла.

Настя в нетерпении перелистнула несколько страниц. Часть дневника, написанная рукой леди Мортимер, закончилась. Графиня Мортимер так и не пролила свет на вопрос, кто такой месье Гутс и откуда он приехал в городок близ Олдоакса.

Дальше начиналось странное. Следующие несколько страниц были написаны другим почерком. Как поняла Настя, их писал сэр Джордж Мортимер. Неужели графиня умерла? Но вместо описания ее кончины сэр Мортимер приводил совершенно не имеющие отношения к делу семейные обстоятельства. Девушка внимательно прочла сообщение графа, что его жена скупила долговые расписки племянника. Из-за долгов Ричарда в имении случился настоящий скандал. К леди Мортимер пришел мосье Гутс и заявил, что ее племянник, сэр Бэклоу, должен выплатить ему карточный долг. Графиня рассердилась и ответила, что не намерена потакать пагубным пристрастиям своего племянника и не будет платить его долги, как карточные, так и те, что он сумел сделать на ипподроме. То, что описывалось сэром Джорджем дальше, поразило Настю в самое сердце.

Теперь девушка поняла, почему дневник графини дописывал ее муж! Неужели все правда, и легенда рода Бэклоу не врет? И главное, это уже было не раз, а история пропускает такие случаи без объяснений!

Настя подумала и решила сфотографировать записи леди Мортимер и ее мужа и показать их Кириллу. Они не под-

тверждали факта, что Гутс восемнадцатого века – это Гутс, который дал Воробьеву концентратор, но и не опровергали его. По крайней мере, таинственность появления Гутса во Франглии в восемнадцатом веке наводила на мысль, что у того может быть во владении машина времени. Это ничуть не более фантастическая теория, чем перемещение с помощью кольца, а значит, он может вернуть девочку Лилию домой.

Интересно, что стало с графиней? По крайней мере, теперь понятно, что сила огненного янтарина может творить чудеса. Отец и Кирилл Воробьев не ошиблись.

Девушка тепло попрощалась с Дашенькой и поехала к себе. Она решила первым делом рассказать все отцу.

Разговор с Настиным отцом не то, чтобы вселил надежду, но поднял настроение. Теперь Генке казалось, что все возможно. Почему бы и не раздобыть камень, не зарядить концентратор, не вытащить Лилию домой?

Но первое, что пришло ему в голову – янтарин нужен Лиле. Иначе все их усилия приведут к тому, что в Заливном Осетре появится новый житель, уроженец Франглии, поскольку камень перенесет не Лилию, а того, кто ближе к нему стоял.

– Знаете что, Кирилл Сергеевич, давайте пойдём к вам. Надо Лильке записку подбросить.

– Это какую же? Что ты еще задумал?

– Очень просто все, – пояснил Генка. – Чтобы ее вернуть, ей камень нужен. Конечно, камень ей никто не даст, но дер-

жаться поближе к этой тетке, которая перстень носит, она может. Да еще и если она обрадуется, то камень подзарядится.

– Надо подумать, – задумчиво произнес Кирилл. – Раз там ошивается Альфред, значит, он и Лилю твою может сюда перебросить.

– Это давно понятно. Но даже если бы он и захотел помочь, он там, а мы тут, – уныло констатировал Гена.

– Помолчи немного, – потребовал Кирилл.

До дома Воробьева они шли в молчании, но прогонять Генку Кирилл не собирался. Они поднялись по лестнице и все также молча вошли в квартиру.

– Вот что, студент. Давай, пиши своей Лиле две записки. Сначала напиши, чтобы она была внимательна. Мол, сейчас передадим ей еще одну записку. Ее надо не потерять и как бы случайно уронить так, чтобы ее поднял Гутс.

– Это зачем? – заинтересовался Генка.

– Во второй напишешь: мы выяснили, что в ее переброске виноват янтарин, вернее, энергетическая дуга между двумя янтаринами. Ей надо держаться поближе к хозяйке, а вернее, к ее кольцу, чтобы, когда камень сработает, она вернулась домой. Обязательно упомяни, что такой же камень есть и здесь, – вслух размышлял Кирилл.

– И чего мы добьемся? – спросил Генка.

– Выясним, может ли Гутс перемещаться во времени по своему желанию, или его тоже туда случайно выбросило. Ес-

ли может, живо вернется, чтобы камень заполнить.

– Ну, вы голова! – восхитился Генка. – Сейчас напишу.

– Постарайся разборчиво, чтобы и Гутс понял, о чем речь, – велел Кирилл.

Достав концентратор, он положил его на середину стола. Генка царапал ручкой по бумаге, изо всех сил стараясь писать аккуратно. Для записок он вырвал листки из блокнота, в который мать Кирилла записывала расходы.

Кирилл видел, как он волнуется. Огоньки бежали в прорези концентратора, как сумасшедшие. Наконец Генка протянул Кириллу обе записки.

– Сойдет, – внимательно изучив их, сказал Кирилл.

Знакомый прозрачный шар уже висел над прибором.

Глава 11. Леди Эстер действует

Леди Эстер уже не сомневалась, что записка с назначенным свиданием предназначалась ее мужу. Гербовая бумага Лонгфильдов не оставляла сомнений в авторстве. Раз служанка – не мастерица писать, то записку отправила сама леди Джулия. Графиня не отличалась злопамятностью и не слишком страдала от того, что Джордж кокетничает с каждой смазливой девицей или женщиной, но Джулия Лонгфильд вывела ее из себя. Мало того, что эта развратница соблазняет ее мужа, она еще купила украденное у леди Мортимер ожерелье! Нужно было наказать негодницу.

Для начала графиня решила узнать, где проходят свидания мужа с его любовницей. Вряд ли они ездят в деревню или близлежащий город. В окрестностях не так много знатных людей, сэра Джорджа и леди Лонгфильд все знают. До Лонгриджа долго ехать – граф не успевал бы на свидания, которые случались лишь когда леди Эстер уезжала и не могла контролировать мужа, а надолго она ездила слишком редко. Но ведь кто-то наверняка видел распутную парочку.

Напряженно думая, леди Мортимер пошла по направлению к конюшне. Она прогуливалась после ужина, и ей было все равно, куда идти. Кучер Джек как раз носил в помещение сено для жеребцов. Увидев госпожу, он растерялся.

– Добрый вечер, Джек, – поздоровалась графиня.

– Здравствуйте, ваше сиятельство. Здоровья вам, – ответил кучер.

– Я хотела поговорить с тобой.

– Зачем же вы утруждались, ваше сиятельство. Я бы и сам к вам пришел.

– Мне так удобнее. Скажи, Джек, как чувствуют себя кони?

– Быстрый немного подустал, я его сегодня погонял, а то он ленивый и не любит бегать, а так и растолстеть недолго. А Черный в порядке, уже поправился.

– А что с ним было?

– Да что-то съел плохое. Если я не услежу, он жует все, что видит.

– Может, его лекарю показать?

– Не беспокойтесь, ваше сиятельство, он уже здоров.

– Расскажи мне, Джек, как часто вы с Генри запрягаете коней и куда ездите?

– Так в коляску запрягаем, когда вы, ваше сиятельство, или господин граф в деревню ездить изволите или в наш городок. А так, только господин граф верхом на Черном прогуливается.

– И часто он прогуливается?

– По воскресеньям, пока вы в церковь ходите. Еще пару раз, когда вы в город уезжали.

– Ты смотри, чтобы Черный не переутомился. Пусть граф и на Быстром катается.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

Леди Эстер попрощалась со слугой и побрела к замку. Значит, граф ездит на свидания верхом. Если деревня и город исключаются, куда он может привести Джулию? Единственная гостиница есть только в городе, но туда они побоятся ехать.

Леди Эстер на минуту задумалась. Есть такое место – это домик нянюшки Джорджа, которая умерла пять лет назад. Он достаточно комфортабельный и расположен в уединенном уголке поместья. По крайней мере, если бы леди Эстер пришлось в голову посещать тайные свидания, она выбрала бы именно этот домик.

Сообразив, где бывает в ее отсутствие неверный супруг, леди Эстер начала действовать. Она вошла в главный вход, отдала плащ привратнику, сняла ботинки, надела туфли и поднялась в библиотеку. Джордж, развалившись на кресле, курил сигару и смотрел в окно, за которым полыхал красным и желтым цветами осенний парк.

– Друг мой, у меня к вам просьба, – обратилась к нему жена, – посмотрите, не нужно ли показать лекарю Быстрого. Джек говорит, что конь утомлен и не хочет двигаться.

– Что вы говорите, дорогая?! Я сейчас же схожу на конюшню.

Мортимер погасил сигару и резво вскочил на ноги.

«Надо же, – подумала графиня, – скачет, как молодой. Видно, любовные свидания придают ему сил».

– Еще я хотела сообщить вам, что завтра собираюсь в город. Мне необходимо купить ленты к новому платью.

Джордж повернулся лицом к двери, чтобы жена не заметила, как полыхнули его глаза. Раз она уезжает, можно будет встретиться с Джулией.

Как только муж вышел из комнаты, леди Эстер сходилла в спальню, взяла из аптечки лекарство и вернулась в библиотеку. Там она открыла бар сэра Джорджа, взяла его любимый бренди и высыпала в бутылку порошок.

Она точно все рассчитала: сэр Джордж не пьет этот напиток, когда она дома, поскольку знает, что ей не нравится запах именно этого бренди. Но как только она отлучится, он тут же выпьет стаканчик любимого спиртного вместе с растворенным в нем снотворным.

На следующее утро леди Эстер велела заложить коляску, она села в нее вместе с Фостером. Графиня велела кучеру проехать немного по направлению к воротам, затем повернуть и довести ее до домика нянюшки Джорджа. Там она сошла и сказала секретарю:

– Фостер, вы поедете к Лонгфильдам и попросите его сиятельство приехать ко мне. Скажете, что я хочу продать домик старой нянюшки, и мне нужен его совет, какую цену назначить. Он любит давать советы и наверняка согласится.

– А вы, ваше сиятельство?

– Я побуду здесь, а вы, выполнив поручение, вернетесь сюда. Не тревожьтесь обо мне, Фостер. Я могу на вас поло-

житься?

– Конечно, ваше сиятельство, я все исполню.

Фостер поехал выполнять поручение, а графиня прошла мимо домика нянюшки в стоящий рядом флигель для прислуги, где когда-то жили горничная няни и ее повариха, и закрыла за собой дверь.

Леди Эстер рассчитала все верно. Через полчаса в домик прискакал Джордж, а вскоре на своей коляске прикатила леди Джулия.

– Моя радость, – ворковал Джордж, – как давно я вас не видел. Я так скучал.

– Ах, если бы вы любили меня, вы нашли бы способ со мной повидаться, – капризно произнесла Джулия.

– Ну не ругайте меня, я испущу свою вину, – Мортимер вынул из кармана коробочку и преподнес Джулии. Онахватила оттуда золотые серьги с топазами.

– Ах, какая прелесть, – любовница кинулась в объятия Джорджа, а он взял ее на руки и понес внутрь домика.

«Вот на что он тратит наши деньги», – подумала леди Эстер, наблюдая всю картину в щель двери флигеля.

Вслед за любовниками она не пошла, а присела на диван, на котором спала когда-то одна из служанок. Графиня приготавлилась к долгому ожиданию. Она сидела и думала, что особенного ее муж мог найти в Джулии Лонгфильд. Та была не моложе и не красивее ее самой. Видимо, Джорджа привлекал риск, острота переживаний. Конечно, она сама не бы-

ла влюблена в мужа, но все равно обидно, что он ищет удовольствия на стороне. А коварная Джулия притворяется по-другой, а сама соблазняет ее мужа. Ну ничего, скоро они оба получат сполна.

Так за размышлениями прошли час и другой. Леди Эстер услышала конский топот и поняла, что приехал Дэниэл Лонгфильд.

Леди Мортимер вышла из своего укрытия. Это действительно был он.

– Рада видеть вас, сэр Лонгфильд. Спасибо, что откликнулись на мою просьбу, – сказала она.

– Крепкого вам здоровья, леди Мортимер. Я всегда готов помочь добрым соседям. Показывайте ваш домик, – с энтузиазмом произнес Лонгфильд.

– Проходите, милости прошу, – пригласила сэра Дэниэла графиня и решительно отворила дверь в домик нянюшки.

– Ой, кто там, – заголосила Джулия, – Джордж, вставай.

Леди Эстер и сэр Дэниэл вошли в комнату и увидели, как леди Джулия в корсаже и панталонах трясет за плечо сэра Джорджа, который, удобно расположившись на кровати, сладко спал.

– Вот как вы проводите свободное время, сударыня, – грозно произнес муж Джулии, – соблаговолите одеться, выйти отсюда и сесть в коляску.

Дрожащая Джулия молча стала одеваться.

– Я полагаю, мне не придется возвращаться верхом. Моя

жена приехала на коляске, – усмехнувшись, сэр Дэниэл обратился к леди Эстер.

– Я даже не знаю, как реагировать на эту ситуацию, – ответила графиня Мортимер, – нас с вами обоих обманули. Не знаю, как вы, а я этого так не оставлю.

– И я, разумеется, тоже. Леди Джулии будет запрещено выезжать из поместья и принимать гостей. Разумеется, для вас я сделаю исключение.

Леди Лонгфильд выслушала приговор мужа и со слезами покинула домик.

– Вряд ли леди Джулия захочет меня видеть, даже если я приеду, – возразила леди Мортимер, – да и я не жажду с ней встречаться.

– Я понимаю вас, леди Эстер, и могу заверить, что прослежу, чтобы подобный инцидент больше не повторился.

Когда Лонгфильды уехали, леди Эстер приказала Фостеру рассказать об инциденте сэру Джорджу, когда он проснется, и, сев в коляску, велела Джеку везти ее домой.

Графиня была довольна тем, что Джулия Лонгфильд получила хороший урок и не станет больше крутить роман с сэром Джорджем, но оставалось еще одно обстоятельство – Джулия завладела ее рубиновым ожерельем.

Леди Мортимер долго думала, как ей получить ожерелье назад, и вскоре поняла, что после его кражи она не захочет снова носить эту драгоценность, даже если получится отобрать ее у Джулии. Но и леди Лонгфильд не должна но-

свить фамильное украшение, переданное леди Эстер ее матери.

Тут в голову графини пришла замечательная мысль – скоро поверенный приедет получить деньги, собранные у арендаторов, чтобы положить их в банк на имя леди Эстер, оставив лишь некоторую сумму на содержание Олдоакса. Она воспользуется его приездом и попросит об услуге.

Поттс добрался до имения Мортимеров только на следующий вечер. Он предстал перед хозяевами замка замерзшим и промокшим. В пути его настиг сильный дождь, а он легкомысленно поехал в открытой коляске, да еще на полпути в повозке отлетело колесо, и кучеру пришлось под дождем его ставить.

Графиня велела Эмме подобрать для Поттса что-то из старой одежды мужа, потом его угостили горячим грогом. Кучер тоже переделся в шаровары и рубашку садовника, а на кухне получил стакан горячительного.

Кутаясь в шерстяной плед и слегка покашливая, Поттс сидел около камина в гостиной, который затопили по случаю холодной погоды, и слушал графиню. Она расхаживала по комнате и пересказывала ему свой план.

На ночь поверенного устроили в гостевой комнате, а утром он уехал, захватив с собой деньги, которые должен был позже положить в банк. С утра погода установилась прохладная, но сухая. Поттсу в дорогу дали тот шерстяной плед, которым он пользовался вечером, и ему было тепло. Его

одежду Эмма просушила и почистила, так что ему не пришлось одалживать другую у сэра Джорджа.

В городе он исполнил указания графини. Через три дня утром почтальон привез в Олдоакс газету «Лонгридж ньюс», в которой на второй странице содержалась заметка, сообщавшая, что у месье Поттса украдено рубиновое ожерелье. К заметке прилагалось подробное описание украшения, в нем каждый мог бы узнать именно то, которое купила незадачливая Джулия Лонгфильд. Газета обращалась к читателям с просьбой за вознаграждение сообщить в редакцию, если кто-нибудь увидит это ожерелье в продаже или на шее какой-нибудь красотки.

Графине не пришлось ждать слишком долго. Джулия Лонгфильд, непостижимым образом убежавшая от бдительного супруга, после обеда приехала в Олдоакс. Кучер довез ее до самого входа в замок, где она вышла из коляски и с опаской постучала в дверь. Привратник принял ее плащ и шляпку, а Эмма проводила гостью в гостиную, где леди Эстер вышивала салфетку. Вышитая материя на обеденном столе недавно вошла в моду.

– Дорогая, я так виновата перед вами, – начала свою речь леди Лонгфильд.

– Не будем вспоминать об этом, – остановила ее леди Мортимер, – вы поплатились за свое легкомыслие.

– Да, вы не представляете, как сурово! – вздохнула Джулия, – муж совершенно не понимает, что мой легкий флирт

ничего не значит. Я же не собиралась изменять ему и огорчать вас.

– Забудем об этом, – повторила леди Эстер. Она не стала напоминать гостю, в каком пикантном виде Джулию застали в нянюшкином доме.

– Я хочу помириться с вами и загладить свою вину. В знак нашей дружбы хочу предложить вам купить у меня ожерелье вдвое дешевле, чем я его приобрела.

– Что за ожерелье? – спросила леди Мортимер, пытаясь казаться удивленной.

– Это недавнее мое приобретение – рубиновое ожерелье в золотой оправе. Я бы ни за что не рассталась с ним, но наша с вами дружба мне дороже украшений.

– Покажите, пожалуйста, – леди Эстер сделала заинтересованное лицо.

– Вот, смотрите, – и Джулия вынула из ридикиюля фамильную драгоценность Бэклоу.

Леди Мортимер начала внимательно разглядывать свое ожерелье.

– Подумать только, – сказала она, – я только что читала про это ожерелье в газете.

– Этого не может быть, – упавшим голосом произнесла леди Джулия.

– Нет, отчего же, – возразила графиня, – это точно оно. Его украли в Лонгридже у месье Поттса. Я его случайно знаю – он мой поверенный. Кто же вам его продал?

– Ах, я уже не помню, но я не знала, что украшение украдено.

– Извините, леди Джулия, я не могу купить у вас ворованное ожерелье. В нем теперь никуда нельзя выйти, иначе в меня начнут тыкать пальцами прохожие.

– Надо же, а я и не подумала, что в газетной заметке речь идет именно про это ожерелье, – фальшивым голосом сказала леди Лонгфильд, – но все же я хочу помириться с вами.

– Ну что же, я не держу на вас зла. Джордж сам виноват во всем. А что касается ожерелья, я бы на вашем месте отдала его Поттсу, ведь за него обещана награда. Вы хоть какую-то часть потраченных денег вернете.

– Благодарю вас, дорогая леди Эстер, – ответила Джулия, – сейчас мне, к сожалению, нужно ехать домой. Скоро вернется из деловой поездки мой супруг, а он любит, чтобы я встречала его дома.

Леди Лонгфильд положила ожерелье обратно в сумочку и поднялась с кресла.

– До свидания, дорогая соседка, – попрощалась с ней леди Мортимер, вставая и целуя Джулию в щеку.

Та тоже поцеловала графиню и вышла в сопровождении Эммы, которую графиня вызвала колокольчиком.

Теперь ожерелье леди Мортимер попадет к ее поверенному, который положит его в ее банковскую ячейку и где оно будет храниться до рождения у Ричарда или у Лили дочери, к которой драгоценность перейдет по наследству.

После ланча леди Эстер гуляла в саду. Накрапывал небольшой дождик, но это ее не остановило. Она надела просторный плащ с капюшоном и наслаждалась запахами осени. Она почти дошла до беседки в парке, когда ее догнал Фостер. Голова его была непокрыта, он неловко защищал лицо от дождя ладонью правой руки.

– Фостер, с каких пор вы стали любителем осенних прогулок? – насмешливо спросила леди Мортимер.

– Ваше сиятельство, к вам посетитель.

– Почему же я не видела его, когда проходила мимо ворот?

– Это не знатный господин. Он прошел через калитку для слуг и торговцев.

– Хорошо, я приму его. Пусть подождет в холле, – леди Эстер решила, что простолюдина необязательно приглашать в гостиную.

Фостер откланялся и, пятясь спиной, ушел. Леди Мортимер неторопливо побрела к дому. Когда привратник открыл ей двери, она увидела плотного пожилого мужчину с красным лицом и сизым носом картошкой. Он был одет в поношенный сюртук, линялые бриджи и стоптанные ботинки. Сюртук заметно намок от дождя. При виде графини человек низко поклонился, а она слегка кивнула незнакомцу.

– Добрый день, – сказала она, – пройдемте со мной в гостиную.

– Здравствуйте, ваше сиятельство, спасибо вам, что не го-

ните меня, – ответил гость.

Леди Эстер первой вошла в гостиную, незнакомец шагнул за ней, слегка наклонив голову.

– Кто вы и чего от меня хотите? – с ходу приступила к делу графиня, усаживаясь в кресло около окна.

– Я мясник, ваше сиятельство. Пришел к вам за помощью, простите великодушно. На вас последняя надежда.

– Сядьте и расскажите, в чем дело.

Мясник присел на кончик стула, чуть не сломав его весом дородного тела.

– Ваша милость, не знаю, как и сказать. Все дело в вашем племяннике, сэре Ричарде Бэклоу. Он задолжал мне крупную сумму, и у меня нет надежды ее вернуть. Мне пришлось отказать ему в кредите. Я знаю, что нехорошо так поступать со знатными господами, но иначе он просто разорит меня.

– Сколько он вам задолжал?

– Двести крон.

– Видно, он очень любит мясо.

– Нет, просто он не платит за него уже третий год.

– Так, вот что. Я покупаю у вас его долговые расписки.

– Вы готовы заплатить мне всю сумму?!

– Мой секретарь даст вам деньги, а вы передайте ему долговые обязательства Ричарда. Фостер!

– Да, ваше сиятельство, – сказал вошедший в комнату секретарь.

– Судя по тому, как быстро вы вошли, вы все слышали.

– Я невольно стал свидетелем последних ваших слов, – смутился Фостер.

– Ну так выполняйте. Все свободны.

– Благодарю вас, ваше сиятельство, здоровья вам, – подобоострастно кланяясь, мясник вышел вслед за секретарем.

Леди Эстер задумалась. Ей пришел в голову великолепный способ заставить Ричарда делать все, что она решит. Если у племянника долги в мясной лавке, то, скорее всего, та же картина наблюдается и в других местах. Конечно, такой способ заставит ее израсходовать какое-то количество денег, зато сэкономит средства, которые Ричард мог бы потратить на карты, вино, женщин и скачки. Ей нужно только умело взяться за дело.

– Фостер, – крикнула она, приоткрыв дверь в холл.

– Иду, ваше сиятельство, – откликнулся секретарь. Через минуту он был в гостиной.

– Вы проводили мясника?

– Да, леди Мортимер. Я выполнил ваши указания.

– Вам придется еще поработать. Вы поедете в город и зайдете к бакалейщику Ричарда. Я думаю, его лавка находится вблизи клуба «Приют одинокого рыцаря». Вряд ли племянник покупает продукты слишком далеко. Вы выкупите у бакалейщика долговые расписки Ричарда. Кроме того, вы найдете его портного, сапожника, парикмахера, и повторите с ними всю процедуру. Я хочу иметь все долговые расписки этого негодяя. Если он задолжал еще кому-то, я хочу об этом

знать и скупить все его долги.

– Хорошо, ваше сиятельство. Если вы выделите мне тысячу крон, думаю, я смогу все сделать наилучшим образом, – Фостер подумал, что если долги сэра Бэклоу не превышают названную сумму, что-то перепадет и ему.

В течение следующих суток Фостер побывал у большинства кредиторов Ричарда и скупил его долговые расписки. Ему пришло в голову съездить на ипподром, где он нашел букмекера сэра Бэклоу, которому тот тоже задолжал определенную сумму. У него Фостер не стал покупать расписки Ричарда, но решил рассказать про них госпоже.

Леди Эстер отказалась давать деньги букмекеру. Она также не собиралась выплачивать карточные долги племянника, но остальные бумаги положила в недавно купленный сейф и собственноручно заперла его ключиком, который положила в вырез своего платья.

Теперь Ричард у нее в руках. Он женится на том, на ком ему скажет тетушка, и будет вести себя хорошо.

Выезд леди Эстер всегда сопровождался переполохом в доме. Следовало тщательно подготовить платье, уложить госпоже волосы, а конюх запрягал лошадей точно в указанное время. И если хозяйка обнаруживала непорядок, виновному грозило серьезное наказание.

В этот день графиня Мортимер собиралась в Лонгридж. Лиля с Эммой пересмотрели платья, которые она могла выбрать для поездки, Лиле доверили также пройтись бархот-

кой по любимым украшениям хозяйки.

Леди Эстер, против обыкновения, приказала подать завтрак в постель, а после него призвала Лилию и занялась выбором туалета. Первым Лилия принесла зеленое бархатное платье. Девушка считала, что оно замечательно подходит для важного визита, ведь его цвет так чудесно оттеняет глаза хозяйки!

– Нет, Лили. Это платье слишком открытое и слишком нарядное. Оно не годится для поездки, – заметила леди Эстер и велела принести другое.

Следующее из принесенных Лилей платьев было серо-голубым, из тяжелого шелка. Леди Эстер внимательно посмотрела на служанку.

– Это платье тоже не подходит. Видишь, на нем кружева. Это дорогие кружева из Пеллара, после поездки по пыльной дороге они запылятся и их невозможно будет отбелить, – леди Эстер все больше убеждалась, что девочка никогда не была в услужении.

Малышка ничего не помнит, кроме своего имени, но нужно вовсе не иметь ума, чтобы не заметить полное неумение девушки управляться с хозяйством. Такое возможно лишь в том случае, если она из богатой семьи.

– Принеси шерстяное цвета нильской воды. Оно лучше всего подходит для дороги. И еще я хочу шкатулку с драгоценностями. Мне предстоит важный разговор с мистером Поттсом.

Лиля выполнила приказание. Практичное и теплое платье полностью закрывало руки и горло, а оживить его графиня решила жемчужной брошью в виде цветка на золотой ножке с зелеными листочками из изумрудов.

Усевшись в коляску, леди Эстер продолжала размышлять. Если девчушка из знатной семьи, родные уже должны были хватиться ее. Если же никто не интересуется пропавшей, это может означать, что Лили потерялась не случайно. Почему она лишилась памяти? Возможно, ее сильно ударили по голове, а это значит, что домой ей лучше не возвращаться.

Такая милая девочка! Джордж согласился ее удочерить, но на всякий случай надо будет поручить поверенному навести справки, не пропадала ли в окрестностях молодая девушка.

Дорога пролетела быстро, так как леди Мортимер погрузилась в свои мысли. Жаль, что Джордж не способен понять ее беспокойства. Старый Джордж! Он так занят своими развлечениями, молоденькими девушками, дорогими винами и картами! Надо сознаться, что порой это раздражает... Деликатный и внимательный, он, в сущности, совершенно не способен заниматься серьезными делами. Впрочем, возможно, это и к лучшему. По крайней мере, он не мешает ей делать все так, как она считает нужным.

Коляска остановилась возле небольшого красного дома с белой дверью. Перед домиком расположился крошечный садик, любимое место старого Поттса. Леди Эстер улыбнулась.

Она помнила семейного поверенного с детства. Приезжая в Бэклоу, Поттс всегда привозил Эстер гостинец. Это могло быть румяное яблоко, маленькая куколка или даже шоколадка.

Детство скрылось в туманной дали, но теплые чувства к старику леди Эстер питала и сегодня. Она была совершенно уверена, что поверенный скорее позволит разрезать себя на куски, чем предаст ее интересы.

Конюх распахнул дверцу и опустил ступеньку, чтобы графине было легче сойти. Он проводил госпожу до самых дверей и постучал молотком в виде львиной головы. Дверь тотчас распахнулась. Пожилая полная экономка в идеально белом переднике пригласила леди Эстер войти.

Графиня отпустила конюха и проследовала в гостиную. В комнате, как в детстве, пахло сухими апельсиновыми корками и мятой. Тяжелые синие портьеры, не покидавшие своего места много лет, немного потерлись на сгибах. Огромный, хоть и вытертый голубой ковер закрывал почти весь пол. Ковер служил не столько для красоты, сколько для утепления пола.

Растопленный камин был данью любви Поттса к теплу. На старости лет он часто мерз, движения сделались скованными, но голова, как и прежде, работала прекрасно.

Леди Эстер устроилась в кресле у заваленного бумагами стола. Книжные шкафы с затейливой резьбой занимали все стены комнаты, лишь окно отвлекало поверенного от повсе-

дневных забот. Оно выходило в тот самый садик, что первым открывался взгляду посетителя.

Поттс вошел торопливой походкой, на которую графине больно было смотреть.

– Не спешите, мой дорогой мистер Поттс. Как я рада вас видеть!

– Что за дела привели вас ко мне, ваша светлость? – Поттс запыхался, и ему потребовалось время, чтобы отдышаться.

– У меня большие планы, Поттс, и без вашей помощи мне не обойтись, – леди Эстер ласково взглянула на старика, но тотчас сосредоточилась на делах.

– Вы получили мое письмо? – спросила она.

– То, в котором вы осведомлялись о молодых девицах знатного происхождения? Да, миледи. Я в точности выполнил ваше поручение. Вот сейчас посмотрим, – старик порылся в разложенных на столе бумагах, достал плотный серый лист и водрузил на нос очки.

– Первым номером у нас идет...

– Мистер Поттс, присядьте, так вам будет удобнее, – перебила его леди Эстер.

– Да, да, голубушка. То есть, простите, ваша светлость. – Старик смутился и виновато посмотрел на графиню.

– Я не обижаюсь, – заметила леди Эстер. – Ваш дом и ваши гостинцы – одно из лучших воспоминаний моего детства. И все же продолжим.

– Да, да, – снова повторил Поттс. – Высокородная Эмилия

Луиза Катарина Бигфут, шестнадцать лет от роду. Имя отца расположено неподалеку от Бэклоу. У девицы имеются старшая сестра, замужем за лордом Кэтроу, и младший брат, пяти лет. Родители строгих правил, девушка тихая и послушная.

– Хорошо. Но это же не единственная девица на выданье в наших краях? – нетерпеливо спросила графиня.

– Есть еще достопочтенная Летиция Генриетта Физерлот, восемнадцать лет. Ее отец – мировой судья в Глэмбе. Семья очень богата, Летиция единственная дочь. Хороша собой, умна, но своевольна. Матушка даже опасается, что найти ей жениха будет нелегко, но это между нами. Знает три языка, прекрасно танцует, однако командирский характер мешает ей сделать партию.

– Пожалуй, эта гораздо интереснее. Есть кто-то еще? – заинтересовалась леди Мортимер.

– В интересующем вас возрасте девицы Гриндолл, три сестры. Старшей девятнадцать, но она уже помолвлена. Средней, Аннет, семнадцать и младшей, Оливии, шестнадцать. Хорошенькие, очень живые, за всеми дают неплохое приданое. Семья очень набожная, строгих правил.

– Дорогой Поттс, вы превзошли самого себя. Я отпишу их родителям. Надеюсь, одна из них вскоре станет Бэклоу. А что насчет семейства Мортимеров? Есть ли у сэра Джорджа родственники, кроме известного нам Карла?

– Извините, ваша светлость. Есть еще одна девица. Арка-

дия Марианна Стоун, дочь лорда Стоуна. Восемнадцать лет отроду, хороша собой, прекрасная наездница. Росла без матери, имеет младшего брата и сестру, двойняшек. Детям десять лет. У Аркадии имеются собственные средства, и немалые. Отец собирается жениться второй раз и готов дать за старшей дочерью солидное приданое, так как нового брака она не одобряет. Лорд Стоун был бы рад сбыть дочь с рук, чтобы спокойно сочетаться браком со своей избранницей. Девушка с твердым характером, сама ведет все дела в поместье, боюсь, даже командует отцом.

– Восхитительно! – воскликнула леди Эстер. – Ну, а теперь о Мортимерах.

– Тут дела несколько хуже, – задумчиво произнес старый поверенный. – У сэра Мортимера есть две небогатые тетушки, обе старые девы. По мужской линии – только Карл Мортимер. Боюсь, больше никого нет.

– Никого нет или вам не удалось найти? – резко спросила графиня.

– Я разыскал всех родственников вашего уважаемого мужа. У него есть родственники по материнской линии, но, насколько я понял, вас они не интересуют.

– Вы совершенно правы, дорогой Поттс. Полагаю, ваш труд следует отметить. Вы получите некоторую сумму сверх обычной платы. Но у меня есть для вас еще одно небольшое дело. Наведите справки о молодой девушке, пропавшей из зажиточной семьи. Не уверена, что она дворянка, но точно

не бедна, – сказала леди Эстер и внимательно посмотрела на поверенного.

– Полагаю, это та девочка, что появилась у вас в поместье? – заинтересовался Поттс.

– Именно она. Я уверена, что она никогда не была в услужении. В то же время на крестьянку она нисколько не похожа. Хотелось бы знать, что с ней случилось, ведь бедняжка так ничего и не помнит.

– Сделаю все, что в моих силах, тем более что это несложно, – заверил старик.

Леди Эстер поднялась и направилась к выходу. Она и так провела здесь больше времени, чем планировала. По дороге домой она перебирала в памяти названных Поттсом девиц. Самые перспективные, конечно, Летиция и Аркадия. Тихая и кроткая мышка не справится с Ричардом, а это совершенно необходимо.

Леди Эстер долго думала, где сообщить Ричарду о своем решении относительно его женитьбы – приглашать его в замок не хотелось, чтобы не создавать ложной надежды, что племянника стали принимать у Мортимеров, идти в клуб сомнительной репутации графиня не считала возможным.

Наконец она придумала воспользоваться тем же нянюшкиным домиком, где застала Джорджа с любовницей. Там было тепло, и обстановка комнат дарила хозяевам уют и удобство. Леди Эстер с утра послала мальчишку Тома к Ричарду с запиской, в которой приглашала племянника при-

ехать на встречу во второй половине дня.

После ланча графиня пошла на конюшню и велела запрячь Быстрого. Затем она без помощи прислуги вскочила в седло и не торопясь поехала на встречу.

Ричард был удивлен, но решил покориться воле тетки, хотя его и покорило приглашение в домик старой, ныне покойной нянюшки. Когда он в наемном экипаже приехал к месту встречи, тетушка уже была там.

Бэклоу вошел в комнату. Графиня сидела в кресле около камина спиной к входной двери.

– Рада видеть тебя в добром здравии, – сказала она, не поворачиваясь.

Ричард взял стул и, подвинув его к камину, сел возле тетки.

– Я тоже рад вас видеть, дорогая тетушка. Вы так хорошо выглядите, что ни у кого не может возникнуть мысль, что вы можете быть нездоровой, – ответил он.

Леди Эстер повернулась к племяннику.

– Ты прав, Ричард. Я не жалею о недомогании. Но я пригласила тебя не для того, чтобы говорить о моем здоровье.

Ричард забеспокоился, но постарался ничем не выдать своих чувств.

– О чем же? – поинтересовался он.

– О твоём будущем, – загадочно произнесла леди Мортимер, – я намерена его устроить.

– Каким образом? – вновь спросил племянник.

– Не перебивай меня. Вначале я хочу тебя известить, что скупила все твои долговые расписки за исключением карточных и ипподромных. Ты у меня в руках. И я обещаю тебе, что если ты не покоришься моей воле, я посажу тебя в долговую яму, – решительно заявила графиня.

– Я и не думал вам перечить, – испуганно воскликнул Ричард. Он прекрасно знал, что тетка обычно выполняет свои обещания.

– Я намерена тебя женить в ближайшее время, – ошеломила его леди Эстер.

– На ком? – невольно вырвалось у Ричарда.

– Я найду тебе подходящую жену. И будь уверен, что ее внешние данные будут волновать меня в последнюю очередь, – насмешливо ответила леди Эстер.

– Но я не хочу жениться на уродке! – возмутился племянник. Он смотрел на тетку с такой злобой, что она – нет, не испугалась, но почувствовала отвращение. Сколько раз она выручала этого безголового юнца, и вот вам благодарность!

– Для меня достаточно будет знать, что девушка знатна, здорова и может принести здоровое потомство, – резко сказала графиня, – я напишу знакомым мне семьям с девицами на выданье и выберу подходящую кандидатку. Тебе сообщат, когда ты должен будешь явиться в замок и познакомиться с невестой. И это не будет значить, что тебя принимают в Олдоаксе. Сразу после отъезда гостей ты тоже уедешь

и сможешь являться туда как мой родственник только после свадьбы.

– Мне не остается ничего другого, как покориться, – обреченно вздохнул Ричард.

– Я рада, что ты это понимаешь, – холодно произнесла леди Эстер, – можешь ехать. Я более тебя не задерживаю.

Поникнув плечами, Бэклоу вышел из домика, а леди Мортимер задержалась еще на полчаса, обдумывая свои дальнейшие шаги.

Глава 12. Неожиданные открытия

Хозяева отдыхали в гостиной, ужин для слуг закончился. Эмма и Лиля перетирали в кухне посуду. Господскую надо было начищать до блеска, а слуги довольствовались просто чистой. Эмма занималась серебряными приборами, которыми очень дорожила леди Эстер. Лиля быстро вытерла тарелки и расставляла их на полках. Вечер не сулил никаких развлечений.

– Сегодня к господам заходил таинственный гость, – сказала вдруг Эмма. – Я его боюсь и стараюсь уйти наверх или на кухню, когда он приходит. Ты тоже поберегись.

– Что же в нем такого таинственного и пугающего? – улыбнулась Лиля. – Я его, наверное, еще не видела.

– Это мистер Гутс. Он год назад купил дом на берегу. Когда-то там жил бакенщик. Но на отшибе не очень-то приятно, до деревни далеко. Что случись, никто не поможет. Когда бакенщик помер, никто там жить не захотел. Там и садик небольшой был, только это еще давно. Я сама не видела, мне бабушка рассказывала. А потом крыша провалилась, а в развалинах поселились привидения.

– Откуда ты знаешь? – Лиля не очень-то верила в привидения и не сомневалась, что Эмма никогда в жизни не пошла бы ночью на развалины.

– Садовник рассказывал. Он как-то выкопал там розу с

корнями, большой куст. Собирался прийти с тачкой и забрать, да днем не успел. Пошел, когда уже стемнело. Вот тогда он и видел привидений. Только они были не белые, а желтые и голубые. Они что-то там делали и на него не смотрели. А потом объявился этот Гутс.

– Ну, рассказывай. Что ты все время замолкаешь? Боишься? – Лиле было занято. А чем еще развлекаться?

– Гутс пришел к графине и сказал, что хочет купить дом вместе с прилегающим участком. Леди Эстер предупредила его, что от здания мало что осталось, но тот хотел, чтобы непременно на берегу, а за развалины много не запросили. Хозяйка согласилась. Так представляешь, он за год, даже быстрее, новый дом выстроил. Вокруг забор каменный, из валунов, так что и не заглянешь, – Эмма осуждающе покачала головой.

– Ты же сама говоришь, что место уединенное. Значит, забор обязательно нужен. Он там один живет? – спросила Лиля, чтобы поддержать разговор.

– У него даже прислуги нет, ему привидения служат, – понизив голос, произнесла Эмма. – Один раз Том шел мимо, его к леди Лонгфильд послали, а ворота были открыты. Так он такое увидел!

– Какое? – заинтересовалась девушка.

– Дом высокий и весь белый, но не как у обычных людей, а блестит. Окна очень узкие и тоже высокие, а рамы железные. И дверь – красная и вовсе без замка и без ручки. Том стоял,

разинув рот, но тут дверь начала открываться, и он бросился наутек. Говорит, даже не стыдно, что испугался. Каждый бы испугался на его месте.

– А почему ты говоришь, что этому Гутсу служат привидения?

– А кто? Рабочих он не нанимал. Не сам же дом такой построил. Сначала забор появился, каждый день все выше. А кто его клал, никто не видел. Просто каждое утро на один ряд камней больше. Вот и скажи, кто там работал, да еще по ночам? – уверенно заявила Эмма.

– Так может, он из города рабочих привез? – спросила Лиля.

– Тогда бы они в деревне жилье нанимали. Там-то жить негде было. И еду бы в лавке покупали. Только никто их не видел. Я так думаю, привидения это. Им еда не нужна, ночью они работают, а днем не видны. Не знаю уж, куда деваются, только все знают, что сила привидений – ночью. – Эмма закончила чистить вилки и принялась за ножи.

– Надо же! А дом? – Лиля слушала рассказ экономки, как сказку.

– Потом, когда забор уже стоял, стал дом расти. Сначала его видно не было, а когда первый этаж поднялся, стал над забором показываться. Только тоже ни рабочих, ни даже материалов никаких никто не возил. Да там и дороги нет, только тропинка. Ты думаешь, камни, да доски, да железо кто-то в руках туда носил, без телеги? Да и кто такую тяжесть

дотащит? Опять же, люди никого не видели.

– А чего теперь-то этот Гутс от графини хочет? – заинтересовалась девушка.

– Я слышала, он сад хочет разводить. Вроде за советом к леди Эстер пришел. Может, хочет, чтобы она к нему садовника послала, только не пойдет туда никто. Кому охота с нечистью связываться? – Эмма быстро сложила приборы в ящик и убрала в стол. Видно было, что сама уже не рада этому разговору.

Лиля задумалась. Если Эмма не выдумывает, может, это по вине Гутса она здесь оказалась? Как бы выяснить? Но ее размышления прервал звон колокольчика. Леди Мортимер требовала ее к себе. Она велела, чтобы девушка помогла ей расшнуровать корсет. Почему-то вызвала именно Лилю, а не Эмму. У младшей горничной возникло ощущение, что хозяйка к ней приглядывается. Зачем? Кто знает...

У служанки совершенно нет свободного времени. И днем, и ночью она может потребоваться хозяевам, колокольчик звенит в любое время. Лишь пол дня раз в две недели можно делать что захочешь. Но и эти выходные вечера Лиля обычно проводила в Олдоаксе – ей совершенно некуда было ходить.

Однако на сегодняшний вечер у нее появились интересные планы. Жаль только, что осуществлять их придется в длинном платье. Как пригодились бы джинсы и кроссовки! Но делать нечего...

После обеда, когда начиналось ее свободное время, она

поднялась в свою комнату и надела самое простое платье, в котором обычно мыла полы или помогала в саду. Его не страшно было испачкать, и ругать за него никто не станет. Сверху пришлось накинуть плащ. Темная коричневая ткань делает ее почти незаметной в темноте, особенно если надеть капюшон. Светлые волосы слишком бросаются в глаза.

Чмокнув Эмму в щеку, Лиля сказала, что пойдет прогуляться и выскользнула через черный ход. Выйдя на берег, она прошлась вдоль кромки моря. От замка она удалилась на приличное расстояние, так что встретить кого-нибудь из слуг уже не боялась. Тогда она поднялась по ступенькам, от которых шла дорога к деревне, и по краю леса двинулась к владениям месье Гутса. Лес окружал участок с трех сторон, а с четвертой было море.

Подходить к воротам девушка не собиралась, но заглянуть через забор очень хотела. Для этого требовалось сначала обойти владение вдоль каменной ограды. Не может быть, чтобы не нашлось способа подняться повыше и заглянуть внутрь!

В лесу было темно и страшно. Только сейчас Лиля поняла, какая великая вещь электрический фонарик. Днем в лесу гулять приятно. Упоительный запах прелой листвы и грибов уносит домой, кажется родным и знакомым. Тропинки выются среди высоких деревьев, идти легко. В темноте все иначе. Длинная юбка то и дело цеплялась за кусты. Лиля оставалась и осторожно, стараясь не порвать, освобождала

ткань. Один раз ей показалось, что кто-то идет за ней по пятам, и тут же последовал рывок. Неужели ее схватили?! Но это вновь оказался сучок.

Девушка была уже не рада, что решилась идти одна. Попробовала бы уговорить Эмму или Бетти, да и фонарь, пусть и со свечой, не помешал бы. Но неизвестно еще, что она увидит во владениях Гутса. Решив не отступать, она пошла дальше.

Довольно скоро Лиля наткнулась на старое дерево. В темноте разглядеть его было трудно, но девушка решила, что это дуб. Толстые ветки раскинулись широко и начинались совсем низко. Сбросив плащ и подоткнув юбку, Лиля уцепилась за ветку над головой и попыталась закинуть ногу на нижнюю ветку, толстую и надежную. Несмотря на неудобную одежду, это получилось легко. Теперь следовало забраться еще немного выше, и тогда все, что лежит за забором, откроется ее взору.

Юбка пока не мешала, и девушка поднялась настолько, что голова возвышалась над оградой. Внутри стоял дом. Он настолько отличался от всего, виденного ей и во Франглии, и дома, что Лиля на секунду поверила в привидения. Дом был узкий, как будто за оградой построили башню. Он блеснул в свете луны, и девушка решила, что стены изготовлены из полированного металла. Высота окон, на первый взгляд, была около метра, зато в ширину раз в пять меньше. Зачем в простом невысоком доме такие щели? Кому может быть

удобно в них смотреть?

Размышляя таким образом, Лиля не заметила, как возле дома, на территории владения месье Гутса, появилось странное создание. Оно немного отливало голубым, но это не было прозрачное призрачное существо. Плоский голубоватый ящик на суставчатых ножках навел девушку на мысль о роботе. Вот ящик прошел несколько шагов, остановился и поднял две передние «лапы» к каменной кладке. Верхний камень закачался. Тогда поднявшаяся третья лапа выпустила какую-то жидкость, блеснувшую в лунном свете, а две первые осторожно поправили расшатавшийся валун.

«Приклеил», – подумала Лиля.

От этого интересного зрелища девушку отвлек появившийся в ближайшем окне свет. Будто цветные лампочки на новогодней гирлянде, огоньки хаотично вспыхивали и гасли. Световое шоу продолжалось несколько секунд, и все погасло. После этого что-то зашуршало с другой, невидимой от Лили стороны дома, и во двор вышел сам хозяин дома, Гутс. Он не мог бы разглядеть девушку, притаившуюся в не опавшей пока листве, но Лиля затаила дыхание. Так странно было видеть все это здесь, во Франглии восемнадцатого века! И что это могло означать?!

Робот тем временем выпустил из квадратного тела гибкое щупальце, на конце которого что-то поблескивало. Щупальце принялось медленно раскачиваться из стороны в сторону. Интересно, зачем? И тут Лиля поняла, что устройство

каким-то образом обнаружило ее присутствие, а щупальце не просто так направлено на лес. Робот ищет ее!

Стараясь не дышать, девушка нащупала ногой нижнюю ветку. Быстро и почти беззвучно она соскользнула с дерева, подхватила свой плащ и бросилась бежать. Лишь бы этот Гутс не решил пустить за ней погоню!

Бежать было тяжело, юбка распустилась и упала. Подхватив ее руками, Лиля устремилась к дороге. Скорее, скорее!

Хорошенько разглядеть хозяина дома можно, когда он придет в гости к леди Эстер. Теперь главное – уйти отсюда и незамеченной вернуться домой.

Энтони Фостеру не понравилась новая горничная – уж слишком она была хороша и слишком много внимания ей уделяла графиня. Эта девчонка умудрилась попасть в замок неизвестно откуда, да еще больной. Он помнил, как госпожа лично кормила ее куриным бульоном, хотя это вполне могла сделать и Эмма.

А когда девчонка выздоровела, то сразу была допущена до покоев леди Эстер, хотя Эмме, чтобы завоевать право убираться в покоях хозяйки и помогать ей одеваться, потребовался не один год безупречной работы. Непонятно, почему горничная леди Мортимер благожелательно отнеслась к новой служанке.

Фостер не собирался потакать выскочке. Он решил поймать ее на каком-нибудь проступке и доложить о нем госпоже. До обеда, правда, он был занят работой, но и Лили до

обеда прибиралась или помогала на кухне. Зато после обеда секретарь вполне мог последить за девчонкой. К тому же, оставался выходной день раз в две недели. Он уж постарается договориться с графиней, чтобы его выходные совпадали с выходными Лили.

Случай представился скоро – в один из вечеров девчонка, отпросившись у Эммы, оделась после обеда и вышла из замка. Фостер отпустил ее метров на двести и пошел следом. Она шла, не оборачиваясь, и следить за ней было легко. Сначала она шла по побережью по направлению к деревне, но затем свернула к лесу и пошла по его краю. Секретаря это устраивало – он подошел поближе, прячась за кустами и стараясь шагать бесшумно.

Потом девчонка свернула к владениям месье Гутса. Фостер прекрасно знал это место, поскольку принимал непосредственное участие в сделке, согласно которой месье купил у леди Эстер кусок земли с развалившимся домом на нем. Первое, что сделал новый хозяин, построил высокий забор, поэтому вновь отстроенного дома, возникшего на месте развалин, секретарь не видел.

Девчонка тоже шла осторожно. «Она хочет обворовать Гутса», – с радостью подумал Фостер, прячась за деревьями. И впрямь, служанка залезла на высокий дуб и оттуда наблюдала за владениями месье. «Понятно, – подумал секретарь, – она решила сначала приглядеться, чтобы узнать, в какое время его лучше обокрасть».

Девчонка несколько долгих минут, может полчаса, посидела на ветке дерева. Затем во дворе владельца дома что-то произошло, и Лили проворно слезла с дуба, а потом почти бегом направилась в обратный путь. Фостер немного подождал и пошел к замку. Он понял, что нужно следить за новой горничной постоянно, чтобы не пропустить момент кражи.

На следующий день секретарь взял выходной. Лиля с утра была занята, а это его устраивало. Дождавшись, пока горничные спустятся на второй этаж прибирать господские покои, Фостер направился в комнату новой горничной, которую она делила с Эммой. Последняя тоже работала, и комната оказалась пустой. Дверь не запиралась на замок, поскольку в замке среди слуг не наблюдались кражи. Да и что красть у девушек, все состояние которых исчислялось недельным заработком – парой крон, и выходным платьем в ту же цену?

Фостер вошел, огляделся и подошел к шкафу. Кровати были аккуратно застелены, но под матрасами он потом посмотрит, нет ли там сюрпризов. А пока секретарь решил покопаться в шкафу. Там среди одеял и постельного белья вполне можно найти что-нибудь запретное. Он запустил руки внутрь, и в этот момент в комнату вошла Эмма.

– Месье Фостер, что вы тут делаете? – с удивлением спросила она.

– Хочу посмотреть на выходное платье Лили. Госпожа думает, не заказать ли ей новое, – нашелся тот.

– Но платья висят в другом отсеке, а тут только одеяла и

простыни.

– Да? Ну, я не специалист в этих делах. А где ее платье?

– Рядом. Хотя непонятно, почему графиня не поручила это дело мне?

– Видимо, она больше доверяет мне, – ехидно заметил секретарь, ощупывая платье Лили. Он расстроился, что не успел найти ничего стоящего, – а вы что, уже убрались на втором этаже?

– Нет, но мне понадобилась щетка для чистки мебели, а она лежит в шкафу.

– Не буду вам мешать, – сказал Фостер и вышел из комнаты.

На несколько дней он прекратил поиски компрометирующих новую служанку предметов, но продолжал следить за ее действиями в свободное время. Он не терял надежды узнать о каком-нибудь ее неблагоприятном поступке и донести на нее госпоже.

После решительного разговора с Ричардом леди Эстер погрузилась в домашние дела, ей некогда было обдумать то, что она узнала от поверенного. А ведь дело не терпит отлагательств. Пожалуй, начать лучше с Летиции Физерлот. Дочь мирового судьи должна уметь себя подать, а властность папаши наверняка оставила свой след в характере девушки. Если она привыкла стоять на своем, для Ричарда это будет находкой.

После обеда вместо того, чтобы расположиться в гости-

ной и заняться вышиванием, графиня отправилась в кабинет. Всю переписку по поводу бракосочетания Ричарда она решила вести собственноручно. Фостер, конечно, прекрасный секретарь, но тайные планы, касающиеся семьи Мортимеров, доверять ему все же не стоит.

Достав лист гербовой бумаги, леди Эстер начала:

«Глэмб. Мировому судье Физерлоту.

Досточтимый сэр!

Не имея чести быть знакомой с Вами лично, я наслышана о вашем уважаемом семействе. Физерлоты являются примером для всего общества Глэмба, о чем свидетельствуют опрошенные по моему приказу горожане. Строгое и справедливое ведение Вами семейных дел позволяет надеяться, что и Ваша уважаемая дочь, барышня Летиция Физерлот, осознает свое высокое происхождение и долг перед обществом. Указанная девица, вошедшая в брачный возраст, могла бы стать прекрасной супругой моему племяннику, сэру Ричарду Бэклоу, если бы Вы сочли такую партию удачной.

Сэр Бэклоу небогат, но имеет виды на неплохое наследство. Ему по праву майората принадлежит обширное поместье Бэклоу. Старинный род, потомком которого он является, всегда был среди первых во Франглии. Это требует от семьи внимательного отношения к его будущей невесте.

Буду рада, если Вы сочтете возможным посетить замок Олдоакс, хозяйкой которого я являюсь, чтобы обсудить условия брачного договора, познакомиться с женихом и состав-

вить собственное представление о претенденте на руку Вашей дочери. Желанными гостями в Олдоаксе станут также Ваши супруга и дочь.

С уважением, леди Мортимер, урожденная Бэклоу».

Закончив письмо, леди Эстер решила немного развеяться, и позвонила в колокольчик. Явившейся на зов Лили она заказала чашку шоколада. Писать сразу Карлу не стоило, надо было решить вопрос с удочерением малышки. А вот озаботиться получением более подробных сведений о девицах, одна из которых могла бы стать леди Бэклоу, очень полезно.

Глава 13. Приезд невесты

Леди Эстер не сомневалась, что браки заключаются на небесах. Лучшим подтверждением этому служил ее собственный брак. Когда потерявшие надежду выдать дочь замуж родители Эстер Бэклоу ответили согласием на предложение немолодого уже сэра Мортимера, никто и предположить не мог, как выгоден для обеих сторон окажется этот союз.

Судьбу Ричарда также устроит Провидение. Письмо к Физерлоту было лишь первым крючком, заброшенным в толпу потенциальных невест. Ответит судья согласием или отказом, результат будет в равной степени ожидаем.

Появление на подносе с почтой белоснежного конверта из дорогой плотной бумаги с эмблемой Физерлотов в уголке не вызвало у графини волнения, а лишь любопытство.

Судья писал:

«Миледи! Я высоко ценю Ваше доверие и рад, что Вы сочли возможным просить руки моей дочери от имени Вашего племянника. К моему глубочайшему сожалению, репутация сэра Ричарда Бэклоу такова, что заставляет меня отказаться принять это великодушное предложение. Моя дочь своевольна и горда, что не делает чести молодой девушке. И все же я смею надеяться, что судьба пошлет ей более достойного супруга, чем Ваш племянник.

С искренним уважением, судья Физерлот».

Леди Эстер усмехнулась. Судья не поленился сообщить ей, что думает о главе дома Бэклоу. Что ж, пожелаем ему удачи в поисках супруга для дочери. В ее планы входит обеспечить будущее племянника, а не незнакомой девушки с трудным характером.

Не откладывая дела в долгий ящик, она написала лорду Стоуну. Провидение само выберет ту, которая должна будет стать женой Ричарда. Сама леди Эстер просто забрасывает удочку.

Положив письмо на поднос для отправки писем, с чувством выполненного долга графиня отправилась в гостиную, чтобы провести вечер с супругом. Она не подозревала, что прочитанное письмо будет подобрано вероломной Бетти. С некоторых пор девчушка старалась во всем угодить Ричарду, не скупившемуся на небольшие подарки и в еще большей степени на обещания.

Получив из рук служанки письмо, Ричард пришел в восторг. Свадьба откладывалась за отсутствием невесты, а это давало надежду получить от тетки содержание и приятно провести время до следующих неприятностей. Загадывать далеко вперед Бэклоу не считал нужным. Все проблемы решатся сами собой, надо только подождать.

Лиля постепенно привыкала к своему новому положению. Это даже представить трудно, но куда деваться? Здесь ее называли Лили. Жила она теперь в отдельной крошечной ком-

натке на третьем, верхнем этаже. И целыми днями чистила посуду, стирала пыль с мебели, мела пол, то есть делала все то, что дома терпеть не могла.

Больше всего не хватало книг. Без телевизора и даже смартфона обходиться оказалось легче. Новых впечатлений хватало, а звонить и писать было совершенно некому. А вот книги, всегда позволявшие отвлечься от собственных проблем, то веселые, то грустные,годились бы очень. Владельцы Олдоакса собрали обширную библиотеку, но все книги, конечно, были написаны на франглийском. При этом и речи не шло о том, чтобы младшая горничная брала из нее хоть что-то.

Поэтому любое печатное слово казалось Лиле желанным, как привет из прошлой жизни. Иногда удавалось почитать газету, которую получал сэр Джордж. Если ее отправляли в лавку за покупками, Лиля читала маленькие книжечки, выставленные в отдельной витрине. Денег, чтобы купить их себе, у нее не было, но никто не запрещал листать их и делать вид, что выбираешь.

В этот день Лиле досталось убираться в гостевых спальнях на втором этаже. Леди Эстер ожидала гостей, точного числа приезжающих не знала и решила подготовить давно не открывавшиеся комнаты, заваленные ненужными вещами. Лишнее предполагалось переместить на чердак, а комнаты отмыть, натереть полы, поставить недостающую мебель.

Это оказалось даже весело. Лиля с Эммой разбирали сва-

ленное в комнатах старье, то и дело натываясь на занятные безделушки: поломанные гребни, украшенные цветными камешками, обрывки кружева, незаконченные вышивки и даже старых кукол. Девушки показывали друг другу находки, примеряли на себя, как украшения, и хихикали.

Садовник Билл помогал выносить из комнат поломанную мебель и тюки с тряпками. Он поддразнивал девушек, называл их красавицами и делал вид, что сражен красотой, когда одна из них примеряла раздавленную шляпку или обгрызенную мышами цветастую шаль.

Первая комната, с голубыми обоями, украшенными серебристыми цветами, предназначалась для мужчины. Огромная кровать с балдахином, покрытая синим стеганым одеялом, упиралась в пол толстыми львиными лапами, даже с когтями. Под ней обнаружилась закрученная спиралью бутылка зеленого стекла. Билл понюхал ее и сказал, что это ром. А еще там был ночной горшок, или, точнее, ночная ваза. Огромная, вылепленная из толстого фаянса и украшенная сценами охоты.

Во второй спальне предполагалось разместить женщину. Обои в ней были золотистые с изящными красными розочками, рассыпанными тут и там. Кровать, не такую высокую, как в голубой комнате, покрывал розовый бархат. Резной комод, придвинутый к круглому зеркалу, таил кучу занятных мелочей. Лиля нашла в верхнем ящике маленькую коробочку слоновой кости с изображенной на ней играющей на ар-

фе девушкой. В коробочке хранились остатки какой-то темно-бордовой мази. Эмма сказала, что это опиат для губ. Старинную губную помаду полагалось наносить кончиком пальца и тщательно разглаживать. Лиля нарисовала на зеркале сердце, пронзенное стрелой, но Эмма тотчас стерла его мокрой тряпкой.

Когда комнаты освободили, Эмма принялась за уборку, а Лиля с Биллом отправились на чердак. Парень приносил собранное барахло, а на долю девочки выпало искать ему место.

Таких чердаков она не видела никогда! Сводчатый потолок терялся в лишенной света высоте. Узкие окна – бойницы закрывало набранное из кусочков зеленоватое стекло. Пыль толщиной в палец покрывала все вокруг и даже не поднималась от дыхания.

Лиля храбро вымела из углов паутину вместе с пауками, с помощью Билла сдвинула к стенам сундук и старый комод и принялась пристраивать тюки и поломанную мебель. Стараясь поставить понадежнее кресло без одной ножки, она задела деревянный ящик с выдвигной крышкой. Он походил на старинный пенал. Лиля видела такой у своей бабушки. Но ящик был гораздо больше. Крышка сдвинулась, а под ней оказались какие-то книги и тетрадь. Тетрадь лежала сверху, и Лиля из любопытства открыла ее. Буквы были русскими!

В дверях появился Билл, он притащил очередной огромный тюк. Увидев, чем занята девушка, он сказал:

– Это последний. Поторопись, Эмма уже ушла. Ей пора накрывать к обеду. А это не трогай, ящик принадлежит миссис. Она о нем, конечно, и думать забыла, но если увидит, тебе попадет.

Лиля кивнула, незаметно сунула тетрадь себе под передник и задвинула крышку ящика.

– Ты поставь этот тюк возле кресла, а остальное я уже пристроила, – сказала девочка и пошла к двери.

Пока Билл возился с тюком, она поднялась к себе в комнату и сунула находку под простыню на матрас. Матрас могли поднять и проверить, а в самую постель вряд ли кто полезет.

Лиля с трудом дождалась вечера, но прочитать тетрадь в это время нечего было и думать. Если бы она зажгла свечу, это могли заметить. Пришлось ждать утра. Чтобы не пропустить рассвет, Лиля легла спать, не укрывшись. Под утро она наверняка замерзнет и проснется, и тогда, при солнечном свете, сможет изучить свой трофей.

Было очень холодно, когда первые лучи солнца проникли в выходящее на восток окно ее комнаты. Лиля живо поднялась и схватилась за тетрадь.

На первом листе тетради было написано: «Леон Винский. 15 мая 1653 года».

«Цель моих записок – не дать себе забыть родной язык. Странное дело, я здесь уже двадцать лет, а все не теряю надежды вернуться назад, в свой родной Заливной Осетр. Но начну сначала.

Зовут меня Леонид Винников, это здесь для удобства называют меня Леоном. Родился я в июне, почти через месяц после Великой Победы. Ни разрухи, ни трудностей я не помню. Я был слишком мал, а моя мать и дед, вместе меня растившие, не любили вспоминать это время.

Дед мой, прекрасный хирург, не прекращал работать несмотря на то, что вернулся с войны раньше срока, контуженный при взрыве авиабомбы. Мать рассказывала, что бомба попала в полевой госпиталь, где оперировал дед. От грохота взрыва он оглох, но операцию не прекратил. С тех пор у него дрожали руки, да и слух до конца не восстановился, но все это проходило, стоило ему взять в руки скальпель.

Мать не только любила, но и очень уважала деда и старалась во всем ему потакать. Когда мне исполнилось десять, деду взбрело в голову обучить меня латыни. Знал бы он, как выручит меня потом его наука! Но тогда, в детстве, я был возмущен. Какая латынь? Кому она может понадобиться? Но мать поддержала деда, и мне пришлось подчиниться.

«Зная этот древний язык, ты в любой стране мира сможешь договориться с врачами. Все они учили латынь, и она не хуже эсперанто может служить для связи между людьми».

Мальчишки, мои одноклассники, гоняли во дворе в футбол, а я долбил ненавистные слова, читал Гомера и даже писал сочинения. Врачом я все же не стал. Настояв на своем, я поступил в осетровский Политех и стал радиоинженером. К счастью, я не успел обзавестись семьей, когда случилась

катастрофа.

Однажды в наш город в рамках культурного обмена приехала выставка. Курировал ее один из московских музеев. На выставке можно было взглянуть на предметы роскоши прошлых веков. Царская посуда, украшения из богатых дворянских семей, китайский фарфор, статуэтки из Египта.

Я тогда работал в Политехе и там же писал диссертацию, а еще пытался устроиться на работу в Ленинграде. У меня нашлись там знакомые, да и дед обещал посодействовать. Для открытия выставки надо было наладить систему сигнализации, и директор обратился в Политех. Меня включили в штат сотрудников выставки для помощи в технических вопросах. Был там один парнишка из Москвы, на пару лет моложе меня. Такой шепутной, такой энтузиаст! Фамилия его была Гуляковский, а имени уже не помню. Вот он-то и стал причиной моих несчастий.

На выставке у него имелись любимые экспонаты, одним из которых был перстень с огненным янтаринном. Его этот парень просил хранить особо, для него даже подготовили отдельную витрину, а я должен был отладить на ней замок.

В тот день разразился скандал. Затерялся ящик с хрусталем, очень дорогим, который предоставил какой-то зарубежный музей. Обстановка складывалась угрожающая, мог произойти международный конфликт. Меня это, конечно, не касалось, я знай себе ковырялся с замком.

Воюющие и вопящие сотрудники выставки и администра-

ция музея ввалились в комнату, когда я открыл замок и рассматривал его заднюю сторону. Перстень находился от меня сантиметрах в тридцати. И вдруг он вспыхнул!

Что было дальше, я не знаю. Возможно, взрыв. Очнулся я во Франглии, в семнадцатом веке.

Занятный народ, эти франглийские аристократы! Их трудно вывести из себя и так же трудно чем-то удивить. Сэр Эдвард Бэклоу и леди Матильда совершенно спокойно восприняли появление в своих владениях человека, ни слова не знавшего по-франглийски. Они приютили меня, за что я очень им благодарен. И тут пригодилась дедушкина латынь! И сэр Эдвард, и его супруга учили ее в детстве. Каким счастьем это стало для меня! Франглийского я совсем не знал, даже в школе не учил. Меня определили в помощники при-вратника, и сначала я открывал и закрывал тяжелые ворота, расположенные на въезде в дубовую аллею. Но мои инженерные знания и навыки помогли «сделать карьеру». Меня перевели в конюшню, где я чинил карету, фонари, да и вообще все подряд. За двадцать лет я дослужился до личного слуги их милостей, но все же хотел бы снова оказаться на берегу Севрюжки.

Все эти годы я пытался понять, как меня сюда занесло. Единственное, что связывает Заливной Осетр моей молодости и замок Бэклоу – кольцо с огненным янтаринном. Здесь существует легенда, что тот, кто возьмет в руку кольцо, может пропасть навсегда. Но леди Матильде кольцо нравится,

и она с удовольствием надевает его в торжественных случаях... Пожалуй, кольцо все же имеет отношение к моей судьбе. Я прикинул, и получается, что камень накапливает энергию. Но какую? Не знаю, может быть, в моем родном двадцатом веке ученые уже все выяснили, но здесь, в семнадцатом, я догадаться не могу».

Запись кончилась. Лиля перелистала тетрадь до конца, но продолжения не было. Кто знает, возможно, в ящике леди Эстер и лежат еще какие-то бумаги этого самого Леона? При случае стоило бы посмотреть.

Как похожи их истории! Она тоже видела светящийся золотистый камень в музее. Неужели драгоценность сыграла с ней злую шутку? И как теперь вернуться домой? В любом случае, надо стараться угодить Мортимерам. Быть рядом с кольцом – вот главная надежда на возвращение!

Лорд Стоун отнесся к предложению графини куда более благосклонно, чем судья Физерлот. Скорое бракосочетание вынуждало его срочно озаботиться судьбой дочери. Лорд выразил желание познакомиться с женихом и его семьей. Приезд гостей был назначен на середину октября.

В этот день все в замке с утра были на ногах. Леди Эстер лично проследила, как одели и причесали сэра Джорджа. Сама она для встречи лорда Стоуна и его дочери облачилась в бархатное платье цвета летней ночи и надела ожерелье с сапфирами.

Лиля с Эммой и Бетти с рассвета проветривали комнаты,

чистили и без того сияющие столовые приборы, расставляли вазы с осенними цветами. Кухарка не отходила от плиты и время от времени звала кого-нибудь из девушек на помощь. Обед предполагался из семи блюд.

Мрачный Ричард бродил по Олдоаксу в новом костюме, заказанном и оплаченном специально для этого случая теткой. С тех пор, как он понял, что графиня не шутит, он вел себя осторожно и перечить ей не пытался. Одно дело – получить или нет свою долю наследства, и совсем другое – угодить в долговую тюрьму. Ведь не поленилась, старая карга, и денег не пожалела! Все векселя, все расписки теперь находились у нее. Не знала она только про Гутса, но ему Ричард собирался все отдать. Спасибо леди Лонгфильд...

Около полудня на дороге показался экипаж. Слуги высыпали на улицу, чтобы хоть одним глазком взглянуть на важную гостью, но были тотчас отправлены обратно, в последний раз все проверить и подчистить.

Экипаж промчался по подъездной аллее, и у самого крыльца кони встали, как вкопанные. Кучер соскочил с козел и бросился открывать дверь своей госпоже и ее отцу.

Первой вышла очень хорошенькая высокая девушка с вьющимися каштановыми волосами и загорелым лицом с нежным румянцем. Ее бледно-зеленое платье, выглядывающее из-под меховой пелерины, поражало роскошью, но не сковывало грациозных движений хозяйки. Она остановилась подле коляски и с нетерпением наблюдала за отцом. Лорд

Стоун, высокий и несколько грузный мужчина, не торопясь покинул коляску и направился к стоящей на ступенях леди Эстер.

– Мое почтение, леди Мортимер. Чрезвычайно рад нашей встрече, – с легким поклоном произнес он.

– Как доехали, лорд Стоун? Не утомила ли вас дорога? – любезно осведомилась графиня.

– О, поездка была превосходной! Погода стоит чудесная для франглийской осени. Позвольте представить вам мою дочь: Аркадия Марианна, последовательница амазонок. Хороша, но неукротима, – с гордостью представил отец.

– Папа! – возмущенно воскликнула Аркадия и повернулась к леди Мортимер. – У вас очаровательный дом, ваша светлость.

Гостей проводили в замок и предложили отдохнуть до обеда. Слугам было приказано переодеться в свежее платье и не показываться на глаза без вызова.

Лиля с Эммой устроились в кухне, в уголке. Здесь они никому не мешали и могли броситься на помощь кухарке по первому зову.

– Какая хорошенькая! – восклицала Эмма. – Неужели она выйдет замуж за нашего сэра Ричарда? Вот уж он точно не заслужил такой чудесной невесты.

– Неизвестно еще, захочет ли она за него замуж. Я слышала, леди Эстер говорила, что у нее много денег, а сэр Ричард в долгах, – заметила Лиля. – Я бы на ее месте остереглась.

– Ш-ш-ш, что ты говоришь! – испугалась Эмма. – Неровен час, хозяйка услышит. Она так ждала этих гостей!

– Не волнуйся, ей сейчас не до нас, – успокоила ее Лиля.

Кухарка, заметив, что служанкам нечем заняться, поручила им лепить пирожки. Ее фирменное тесто получалось всегда пышным и воздушным, но рецепт она держала в секрете. Сегодня предполагались пирожки с птицей, с грибами и с особенным джемом, который готовили летом из ягод и яблок и долго варили до густоты.

– Интересно, из чего у нее платье? Я думаю, это парча, а сверху тафта. Такая легкая, прямо летит от малейшего ветерка, – восхищалась Эмма, умелыми пальцами сворачивая затейливые пирожки.

Лиля собралась ответить, но тут раздался звон колокольчика. Девушка поднялась и бросилась на зов.

Сэр Джордж, оставленный супругой с лордом Стоуном, решил, что им пора промочить горло перед обедом. Он потребовал подогретого вина и бокалы. Лиля бросилась выполнять приказ, но не удержалась и на секунду остановилась у двери кабинета графини. Там леди Эстер беседовала с юной красавицей.

– Вы познакомьтесь с претендентом на вашу руку за обедом, дорогая, – говорила графиня. – Если он вам понравится, и ваш батюшка решит, что он достоин вашей руки, я буду очень рада. Не стану скрывать, мальчик не оправдал моих ожиданий. Вероятно, прежде чем приехать, лорд Стоун на-

вел справки о Ричарде, и ваш приезд доказывает, что полученные сведения его не испугали.

– Боюсь, ваша светлость, вы недостаточно осведомлены о положении дел в нашем семействе. Мой отец – прекрасный человек, но... С тех пор, как пять лет назад я лишилась матушки, а он жены, взамен получив близнецов, он несколько растерялся. Мама всегда была ему надежной опорой, отцу не хватает твердости. Все заботы о детях и поместье легли на меня, хоть я и была еще мала. Поэтому решение приму я сама. Я, конечно, навела справки о сэре Ричарде. Полагаю, вас заинтересовали мои средства более, чем я сама. Но я так же хочу покинуть отчий дом, как отец хочет выдать меня замуж. Он намерен вступить в новый брак, а я не готова называть матушкой постороннюю женщину и выполнять ее указания.

– К счастью, вы ошибаетесь, дорогая. У Ричарда есть средства. Правда, доставшееся ему по наследству поместье пришло в упадок, но дела еще можно поправить. Средства Ричарда находятся под моей опекой и будут переданы ему, точнее, его семье при определенных условиях. Не стану скрывать, я стремлюсь воспрепятствовать их утрате, так что для меня важнее ваш характер, а не ваши средства, – уверила невесту леди Эстер. – Сначала познакомьтесь с Ричардом, а потом я дам вам возможность оценить состояние его имущества.

– Мы рассчитывали пробыть здесь несколько дней, если наше присутствие не покажется вам обременительным.

За это время мы лучше узнаем друг друга и примем решение, – с несвойственной ее возрасту рассудительностью согласилась девушка.

Лиля услышала, как стул заскрежетал ножками по паркету, и бросилась за вином. Она и так задержалась слишком долго и слишком много узнала.

Девушка отнесла хозяину заказанные напитки и направилась вниз, на кухню. В коридоре ее остановила леди Эстер.

– Лили, я забыла тебя предупредить. Пока в доме гости, ты должна находиться в своей комнате или на кухне. Надень свое воскресное платье, передник и чепец не надевай и постарайся не попадаться на глаза ни лорду Стоуну, ни его дочери. На звонки пусть приходят Эмма или Бетти. Это очень важно, – строго сказала графиня.

– Да, ваша светлость, – удивленно ответила Лиля. – Но я уже подавала вино хозяину и лорду Стоуну.

– Он на тебя смотрел, разговаривал с тобой? – спросила леди Эстер.

– Нет, ваша светлость.

– Постарайся, девочка, выполнить все в точности. Потом ты узнаешь, зачем это нужно, – с этими словами леди Эстер вернулась в кабинет.

Обед прошел торжественно. Аркадию усадили напротив Ричарда, так что она могла спокойно изучить предполагаемого жениха, но разговаривать им было неудобно. Девушка старалась не дать Бэклоу заметить, что она его разглядыва-

ет. Зная о его репутации, она не возлагала на будущий брак счастливых надежд, лишь стремилась покинуть дом отца до прихода в него новой супруги. Детям придется привыкать к мачехе, но она ведь уже не ребенок!

Ричард также исподтишка разглядывал Аркадию. Молоденькая и свежая, она очень мило улыбалась и поддерживала разговор с сэром Джорджем, сидевшим от нее по правую руку. Единственное, чего ей недоставало – скромности. Она вела себя совершенно естественно, не стеснялась незнакомых людей, а ее звонкий голос доносился до Ричарда через стол. Фостер, сидевший с другой стороны от Аркадии, смотрел на нее, как зачарованный. Он не смел вставить в разговор ни слова, пока к нему не обратились, но наслаждался соседством с юной красавицей. Это легко читалось у него на лице.

«Надо бы с ней поговорить», – подумал Ричард. – «Мало ли что ей тетка наплела про меня. Да и про семью неплохо узнать. Есть ли у них деньги? И каков будет брачный контракт? Девчонка молоденькая, так что можно надеяться, что деньгами я буду распоряжаться сам. Не станет же этот толстяк настаивать, чтобы все осталось в руках его драгоценной доченьки?»

Помятое лицо Ричарда несколько огорчило Аркадию. Бэклоу недавно исполнилось двадцать девять, что казалось девушке возрастом солидным. К этому времени он успел уже отметить в стольких скандалах и наделать столько долгов, что Аркадия твердо решила отнестись внимательно к усло-

виям заключения брака. А внешность Ричарда показалась ей довольно привлекательной. Высокий и стройный, с черными волосами и пронзительными глазами, он мог бы понравиться какой-нибудь романтической простушке. Но после разговора с леди Эстер у девушки не осталось никаких иллюзий. Если условия контракта покажутся ей приемлемыми, этот брак избавит ее от проживания с будущей супругой отца, на большее она и не рассчитывала.

После обеда мужчины уединились в гостиной, а женщины прошли в кабинет леди Эстер. Графиня достала вышивание, а Аркадия пристроилась рядом и с интересом наблюдала за ловкими пальцами леди Мортимер.

Эстер было жалко девчушку, но в той чувствовалась сила, на которую она и рассчитывала.

– Не спешите принять решение, дорогая, – сказала она. – Ричард вряд ли станет вам образцовым супругом, но держать его в узде вы сумеете. Особенно если не выпустите из своих очаровательных ручек управление финансами. Так в свое время пришлось сделать мне самой, и наш с Джорджем брак не назовешь неудачным.

– Ричард Бэклоу хорош собой, – ответила Аркадия. – Он будет привлекать внимание женщин еще много лет. Но играть в карты и на бегах ему не придется, если дело будет зависеть от меня.

– Вот и прекрасно, – заключила леди Эстер, поняв, что девушка уже приняла решение.

Немного погодя Аркадия с извинениями удалилась в отведенную ей комнату. Ей хотелось подумать, проанализировать свои впечатления. Еще лучше было бы погулять – свежий воздух и движение всегда помогали ей мыслить четко.

Переодевшись без помощи служанки, она выскользнула из дома через боковую дверь и пошла по аллее до моря. Внизу с мягким шелестом билась в камни вода, просторное небо над морем казалось бескрайним и звало в даль. Может быть, все не так уж и плохо? Со временем она привыкнет к Ричарду. В его доме хозяйкой будет она, а не посторонняя женщина, а остальное зависит в равной степени от них обоих.

Ричард курил в беседке и сразу увидел приближающуюся по аллее девушку, поскольку наблюдал за домом. Ему хотелось перекинуться парой слов со Стоуном. Если уж тот так жаждет сбить дочь с рук, он может пойти на некоторые уступки жениху. Получив хотя бы часть приданого, легко сделать свою жизнь интересной. А жена... Ну что – жена? Она будет заниматься хозяйством. За последние годы в поместье Бэклоу накопилось столько проблем, что скучать ей не придется.

– Разрешите составить вам компанию? – произнес он, бросив сигару и спустившись в аллею навстречу девушке.

– Буду рада, – согласилась Аркадия и внимательно посмотрела на жениха.

– Вы ведь погостите у нас немного, чтобы мы познакомились получше? – спросил Ричард.

– Полагаю, что несколько дней мы здесь пробудем. Отец очень спешит домой, ведь там его ждет его несравненная Олимпия. Но и он понимает, что помолвку нельзя заключить в один день, – ответила Аркадия.

– Вы говорите об этом с такой горечью, – учтиво заметил Ричард. – Вас огорчает будущий брак отца?

– Чужая женщина собирается занять место моей матери. Разве это может обрадовать? – грустным голосом ответила Аркадия.

– Ваш отец производит впечатление серьезного и рассудительного человека. Уверен, он все продумал. Вашим брату и сестре нужна мать, они ведь еще так малы! – утешил ее Ричард.

– Не будем об этом. Лучше поговорим о нас с вами. Что заставило вас согласиться на этот брак? Мы ведь с вами никогда раньше не встречались.

– В душе я игрок, – честно ответил Ричард. – Я уповаю на то, что Фортуна будет ко мне благосклонна. Женитьба на вас для меня как ставка в азартной игре, и я верю, что мне повезет. Если знаешь невесту много лет, это не гарантирует, что она окажется хорошей женой. Я предпочитаю рискнуть.

– Вы верите, что в этой игре вам повезет? – заинтересовалась Аркадия.

– Вы так молоды и очаровательны! Это уже можно считать выигрышем. К тому же, надеюсь, ваше приданое позволит мне успешно управлять поместьем. Видите, как я с вами от-

кровенен! У меня есть и собственные средства, и довольно значительные, но по прихоти моей бабки, оставившей мне деньги, они находятся в руках тетушки. Я считаю, что средствами в семье должен распоряжаться муж, как по возрасту, так и по положению главы семьи. Тогда брак будет удачным, – Ричард хотел сразу дать понять девушке, что командовать он намерен сам.

– Законы Франглии, как вы знаете, предполагают, что каждый из супругов распоряжается своими деньгами самостоятельно. Это очень разумно и позволяет достичь гармонии в семье, – решительно возразила Аркадия. – Попасть в полную зависимость от человека, ставшего твоим супругом или супругой, значит отказаться от собственных взглядов и желаний. Такое положение никого не сделает счастливым. Леди Эстер объяснила мне, что вы женитесь на мне не ради денег. Это очень упрощает дело. Нам только надо постараться не обременять друг друга, и тогда брак станет образцовым.

Ричард понял, что девушка, несмотря на молодость, в обиду себя не даст. Чем-то она напоминала его ненавистную тетку. Наверное, за это леди Эстер и выбрала ее из прочих невест.

– Когда вы предполагаете объявить о помолвке? – спросил он, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Через неделю, перед нашим отъездом. День свадьбы назначим позже. Я думаю, двух месяцев будет достаточно. Я

хочу выйти за вас прежде, чем женится отец, – с горечью пояснила Аркадия.

Аркадию в поездке сопровождали ее горничные Берта и Дафна. Когда у господ закончился приуроченный к помолвке ужин, на кухне Олдоакса собрались слуги замка и их гости.

Берта была молоденькой белобрысой девушкой среднего роста, очень живой и жуткой хохотушкой. Ее голубые глаза в обрамлении светлых ресниц смотрели на мир с удивлением и полным доверием. Берта с детства легко сходилась с людьми. Ее в первый же день приняли в свой круг слуги Олдоакса.

Дафне уже исполнилось сорок. Она была личной горничной еще матери Аркадии, а после ее кончины приняла на себя заботу о девочке. Дафна вела себя крайне сдержанно, да и трудно было представить себя крупную полную матрону легкомысленно хихикающей. Ее начинающие редеть рыжие волосы и веснушки на лице очень нравились Эмме.

Обе горничные невесты Ричарда имели лишь одну слабость – они любили беззлобно посплетничать о хозяевах. Теперь, когда ужин у господ завершился, вся посуда была перемыта, а столовая и кухня убраны, горничным представилась такая возможность.

Из слуг Олдоакса в кухне остались экономка Мэри Талбот, горничные Эмма, Бетти и Лиля, и кухарка Кэт, которая уже выздоровела после тяжелой болезни, сопровождавшейся лихорадкой и головными болями. Мужская часть персо-

нала, быстро отужинав, удалилась на задний дворик курить и обсуждать свои мужские новости. Это оказалось к лучшему – при них женщины бы не вели себя так раскованно и не выдавали бы секретов своих хозяев.

– Интересно, что ваша госпожа нашла в сэре Ричарде? – тихо спросила Бетти, – он ведь далеко не подарок.

– У нашей леди Аркадии тоже сложный характер, – ответила Берта. – У нее сколько женихов было! Так она всех отвадила.

– Что, никто ей не нравился? – спросила Эмма.

– Да нет. Просто она любит язвить, а многие этого не терпят. Вот однажды граф Пелти приехал свататься. За обеденным столом он от волнения выпил три чашки чая, а она и говорит: «Может, вам в кастрюлю чаю налить?», – ответила Берта.

Слуги засмеялись.

– Ты бы поменьше болтала, – недовольно сказала Дафна.

– И многие к ней сватались? – спросила Бетти.

– Раньше много женихов было, а теперь поменьше. Ей же уже восемнадцать стукнуло, – ответила Дафна.

– А что ваш жених, чем он нехорош? – с любопытством спросила Берта.

– Так он игрок и кутила, – сказала Бетти, – ходят слухи, что он свое состояние в карты проиграл.

– Да что ты? И он надеется за леди Аркадией приданое взять? – удивилась Берта, – но у нее не так уж много денег.

Батюшка ее все на будущую жену тратит.

– Но ей же приданое наверняка от покойной матушки досталось? – спросила экономка.

– Да, то, что от матушки досталось, к сэру Стоуну не перешло. Это у нее не отберешь.

– А что, ваш сэр Ричард заложил поместье? – с тревогой спросила Дафна.

– Нет, он бы заложил, но не смог. Леди Эстер об этом говорила с сэром Джорджем. Поместье ему досталось по майорату – его не продашь и не заложишь.

– А наша-то леди Аркадия такой характер имеет, что батюшка не знает, как бы быстрее ее замуж отдать. Она же все в имении решает сама, никому не дает развернуться. Все по ее указке живут, – сказала Дафна.

– Очень хорошо, – ответила Мэри, – сэру Ричарду такая и нужна, чтобы он ее слушался и не делал глупостей. Прости, Господи, что я так говорю.

Слуги бы и дальше продолжали сплетничать, но тут зазвонил колокольчик, и Эмме пришлось выйти. Она пошла в кабинет леди Эстер, где графиня беседовала с мужем, открыла дверь и спросила, что господам угодно. Но леди Эстер ответила, что они ее не вызывали, и что, наверное, звонил Ричард.

Ричарду была отведена гостевая комната около столовой, выходящая окнами на дорогу. Эмма постучала и вошла. Ричард сидел около окна и изящной пилочкой подтачивал

ноготь на большом пальце левой руки.

– Что угодно, ваше сиятельство? – спросила горничная.

– Кто меня определил в эту комнату?

– Так мы с Лили ее прибрали, а остальные комнаты заняты гостями.

– Мне тут не нравится. Я не намерен смотреть из окна на дорогу. Я хочу комнату с видом на розарий.

– Но с видом на розарий только комната леди Эстер. Даже у сэра Джорджа окна выходят в парк на аллею.

– Тогда приготовь мне комнату с видом на парк.

– Но госпожа будет недовольна, если я поменяю вам комнату. Да и свободных комнат в том крыле нет, только если поменять вас местами с месье Фостером.

– Госпожа это проглотит, а Фостер – слишком мелкая сошка, чтобы жить с видом на парк. Еще скажи кухарке, что мне не понравилось мясо на ужине. Оно было почти сырое.

– Но сэр Джордж любит бифштекс с кровью, Кэт всегда так готовит.

– А мне пусть прожаривает мясо получше. А ты не перечь, не то уволю.

– Меня леди Эстер принимала на работу, а не вы, она и увольнять может. И вот что я скажу, хорошо, что вы на леди Аркадии женитесь. Она в своем доме всем распоряжается и над вами будет командиром!

– Пошла вон! – в бешенстве крикнул Ричард.

Эмма выскочила из комнаты и почти в слезах пошла ис-

кать Лилию, чтобы вместе с ней прибрать комнату Фостера. Хорошо, что Ричард носит фамилию Бэклоу и в любом случае будет проживать с женой в своем имении, а не в Олдоаксе.

Лилия, скорее всего, еще находилась в столовой для слуг на первом этаже. Эмма пошла туда. Слуги уже поели и убрали со стола. Эмма передала кухарке пожелание Ричарда есть более прожаренное мясо и в компании с Лилей пошла в спальню Фостера. Его самого там не было, и пришлось опять идти к госпоже, чтобы спросить разрешения поменять местами племянника и секретаря, поскольку больше комнат с хорошим видом из окна не осталось.

Леди Эстер была слишком занята помолвкой Ричарда, чтобы вникать, кто в какой комнате спит. Она разрешила поменять спальни и велела сказать Фостеру, что он на время по ее распоряжению переезжает в другую комнату.

Леди Аркадия с отцом и со слугами пробыла в Олдоаксе еще неделю. Хозяйева старались развлечь гостей. Утром они вместе ездили на охоту, а после обеда отдыхали, затем обсуждали детали свадебного торжества. Вечером Мортимеры приглашали гостей на торжественный ужин, который давали каждый день во время их пребывания в Олдоаксе. После ужина мужчины удалялись в библиотеку выпить бренди и выкурить сигару, а женщины с рукоделием сидели в гостиной и беседовали.

Через неделю Аркадия Стоун отбыла в имение своего от-

да чтобы готовиться к свадьбе – пошить платье для венчания, написать приглашения своим гостям и сделать еще сотню мелких дел. Графиня Мортимер тоже трудилась без устали – заказывала цветы и вина, рассылала приглашения, утверждала меню, руководила уборкой в бальном зале, куда новобрачные должны были приехать праздновать свое соединение после венчания в церкви. Нужно было подумать о разрешении жениться для Ричарда, о предварительной договоренности со священником, о составлении договора с поверенным, благодаря которому племянник не получит ни цента из личных денег Аркадии.

Сам Ричард не принимал участия в устройстве собственной свадьбы. Слова горничной не шли у него из головы – ему вовсе не нужна жена, которая будет им командовать, но решение леди Эстер он отменить не мог, иначе старая карга посадит его в долговую яму. Он думал, как избежать свадьбы, но ничего не мог придумать. Тем более, что после отъезда невесты тетка тут же выгнала его из поместья Мортимеров, и вся подготовка к торжеству проходила без его ведома.

Глава 14. Перемены в судьбе

После отъезда гостей леди Эстер не стала затягивать вопрос об удочерении Лили. Теперь, когда судьба поместья Бэклоу была решена, следовало позаботиться и об Олдоаксе. Буквально в тот же день она поднялась после ланча в кабинет и села за свой секретер. Воскресным днем она обычно не работала, но это – особый случай.

На полке лежала чистая бумага, в стаканчике стояли остро заточенные перья. Это означало, что Фостер после удачного разрешения недавнего конфликта с госпожой с примерным рвением выполнял свои обязанности.

За окном буйством красок сияла ранняя осень. В такую погоду, когда светит ласковое солнышко, а под ногами шуршат разноцветные листья, графиня любила гулять по парку. Но сначала она должна выполнить задуманное. Она решительно откинула крышку секретера, взяла чистую бумагу и перо, и принялась писать:

«Дорогая кузина Виктория,
Обращаюсь к вам с нижайшей просьбой...»

Леди Мортимер скомкала начатое письмо и бросила в корзину. Она подумала, что сначала нужно осведомиться о здоровье тетушки, а потом излагать свою просьбу.

«Дорогая кузина Виктория,
Вот уже несколько месяцев мы не имеем от вас вестей...»

Нет, не то: нельзя писать так, как будто она упрекает кухню. Смятое письмо вновь полетело в корзину, а новый чистый лист появился на откидном столике.

«Дорогая кухня Виктория,

Пишу вам с надеждой узнать, как ваше драгоценное здоровье и хорошо ли идут ваши дела. Мы с Джорджем очень скучаем и надеемся, что когда у вас появится свободное время, вы навестите нас. А пока будем с нетерпением ждать от вас весточки.

Кроме того, у меня есть к вам просьба. Вы одна можете помочь нам с Джорджем сделать доброе дело и позаботиться о будущем. Как вы знаете, Господь не дал нам детей, а хотелось бы знать, что замки Олдоакс и Бэклоу после нашей кончины останутся в семье. Видно, наши молитвы были услышаны – совершенно случайно у нас появилась девочка, которая не имеет родни и ничего про себя не помнит. Мы получили возможность убедиться, что она родилась в знатной семье, поскольку не имеет навыков простой служанки, зато грамотна и любит читать.

Мы с Джорджем посоветовались и решили ее удочерить. Затем я намереваюсь выдать ее замуж за Карла Мортимера, родственника Джорджа, и замок после того, как мы покинем этот мир, останется собственностью нашей семьи. Если в браке нашей Лили и ее мужа родится наследник, то род Мортимеров будет продолжен.

Поэтому у меня к вам нижайшая просьба – похлопотать

перед Его Величеством о разрешении на удочерение девицы Лили графом и графиней Мортимер. Просьбу о разрешении на имя Его Величества я вкладываю в это письмо.

Заранее благодарна вам и жду от вас весточки,
Эстер, Графиня Мортимер».

Затем леди Эстер принялась сочинять послание королю:

«Ваше Величество король Антуан третий,

Граф и графиня Мортимер покорнейше просят Вас дать разрешение на удочерение девицы Лили, не имеющей другой семьи.»

Графиня изложила в письме королю те же обстоятельства, о которых писала своей кузине, и подписалась: «преданные подданные Вашего Величества граф Джордж Мортимер и графиня Эстер Мортимер».

Этими письмами леди Эстер придаст удочерению девушки законный характер. Остается только ждать ответа, а пока можно поговорить со священником, который должен будет сделать соответствующую запись в церковной книге, и посоветоваться с поверенным относительно законного обеспечения девушки приданым.

Все-таки, Лили очень мила. Она ходит и двигается, как знатная девушка. Служанки смотрят в пол и стараются поменьше попадаться на глаза хозяевам, а Лили смелая и смотрит прямо в глаза. Она вполне достойна носить фамилию Мортимер, достойнее многих кровных носителей этой фамилии.

Если хорошо одеть девушку, дать ей несколько уроков этикета и ведения светской беседы, она будет выглядеть настоящей дворянкой. И Джордж перестанет приставать к бедняжке, ведь он станет ее отцом.

Леди Эстер, сама того не сознавая, уже считала Лили если не дочерью, то близкой родственницей. Хорошо бы, конечно, добиться от нее правды, кто она и откуда, но если до сих пор никто не хватился пропавшей, скорее всего, у нее никого нет.

Еще стоит как-то обезопасить девушку от Фостера. Он умеет сверкнуть глазами и улыбнуться так, что дамы тают от его взглядов. Графине это никогда не нравилось – ее слуги могут заводить романы только с целью жениться, и то по ее разрешению.

А Ричард, как он отнесется к появлению кузины? Нужно сразу оповестить его, что если он откажется от выбранной ему невесты и сам вздумает жениться на Лили, то леди Мортимер лишит ее приданого. Ричард горазд выдумывать самые коварные планы, лишь бы получить деньги на свои похождения, карты и скачки.

Как тяжело держать на плаву замок Мортимеров, когда кругом все только и думает, как бы обогатиться за ее счет! Если взять всех окружающих ее мужчин, то она более всего доверяет Фостеру, но и он вполне может предать ее, сговорившись с той же Джулией Лонгфильд. Хотя часто он бывает полезен. Он выгодно купил ей надежный сейф, куда она положила свои драгоценности, да и с расписками Ричарда не

подвел.

Приходится быть внимательной: то Джордж крадет камень Бэклоу, то Ричард – рубиновое ожерелье. Ее драгоценности – это некая страховка. Если Джордж и Ричард разорят ее, то за фамильные украшения можно выручить немалые деньги.

Ответ Его Величества не заставил себя ждать, видно, помогли хлопоты кухни. Королевская милость в одночасье превратила бедную сиротку-служанку в высокородную даму. Лиля радовала свою хозяйку, а теперь приемную мать послушанием. Конечно, девочке не хватает манер, но это легко поправить.

Другая важная задача – добиться признания приемной дочери в свете. Это сделать гораздо труднее. Даже королевский указ решает только имущественные проблемы. Чтобы девочку стали принимать в своих домах, надо настроить людей соответствующим образом. Леди Эстер долго думала, как это сделать, и решила прибегнуть к помощи священника.

Преподобный Смайлс, добрейший человек и суровый наставник своих прихожан, может сделать для девочки очень много. Следует только правильно с ним поговорить.

Не откладывая дела в долгий ящик, леди Эстер в первое же воскресенье после получения Королевского указа отправилась в церковь.

Мистер Смайлс с удовлетворением отметил, что графиня сидит на отведенном для нее месте. Он хорошо относился к

леди Мортимер, уважая ее за неустанные труды и терпение в отношении сластолюбивого мужа.

Когда все разошлись, леди Эстер подошла к преподобному.

– Мистер Смайлс, мне необходимо с вами поговорить. Не уделите ли мне четверть часа вашего драгоценного времени? – смиренно спросила она.

– Пойдемте, дочь моя. Я всегда готов выслушать вас и помочь, – ответил добрый священник.

Они покинули церковь и отправились в дом преподобного, где в уютной крошечной гостиной могли поговорить без помех. Простая, но идеально чистая комната благоприятно повлияла на настроение леди Эстер.

– Я пришла сообщить вам, святой отец, что у меня появилась дочь, – решительно сказала она.

– Вот как? – удивился священник.

– Вы знаете, что нам с супругом не было даровано счастье иметь своих детей. Но случай привел к нам мою дальнюю родственницу, совсем молоденькую девушку. Я приняла ее в дом и сделала младшей горничной. Но по здравом размышлении решила ее удочерить. Его Величество оказал нам с Джорджем огромную милость и разрешил вопрос своим указом. Прошу вас помочь мне ввести ее в общество, – приступила к делу графиня.

– Вам следовало сначала посоветоваться со мной, – недовольно возразил мистер Смайлс. – Возможно, она интриган-

ка, сумевшая втереться к вам в доверие.

– О, нет! Уверяю вас, она ничего не знает о моем решении. Я обсуждала его только с мужем, и у девочки не было никакой возможности о нем узнать, – возразила леди Эстер.

Смайлс с сомнением покачал головой.

– Слуги знают гораздо больше, чем вы думаете.

– Дело сделано, – возразила графиня. – Я приняла это решение, так как чувствую себя обязанной позаботиться об Олдоаксе и поместье Бэклоу тоже. Было бы верхом легкомыслия оставлять замок и попечение над имуществом Бэклоу родственнику Джорджа, которого мы совершенно не знаем.

– Тут вы правы, – согласился священник. – Но девочка?

– Она выйдет за Карла Мортимера и получит опеку над средствами Ричарда, если он не женится. Карл позаботится об Олдоаксе, а Лили поможет ему удержаться от недуманных шагов. Девочка очень рассудительна и с характером. Надеюсь, у нее все получится.

– Что ж, я буду молиться об этом. Я объявлю прихожанам и всем, кто будет проявлять интерес, что вы удочерили дальнюю родственницу из обедневшей ветви семьи. Полагаю, это вызовет интерес, но заставит относиться к девушке, как к потомку древнего рода, – принял решение священник.

– Я была уверена в вас, дорогой мистер Смайлс, – сказала удовлетворенная графиня. – Осталось только осчастливить девушку.

Однако радовать девочку леди Эстер не спешила. Сначала следовало обеспечить ее будущее. Вернувшись домой, графиня поднялась в кабинет. Прежде всего следовало объясниться с Карлом.

«Любезный сэръ Карл», – начала она письмо к молодому Мортимеру, – «являясь ближайшим родственником моего драгоценного супруга и его наследником, Вы имеете право и должны ознакомиться с тем, что достанется Вам по праву майората. Надеюсь, возможность посетить Олдоакс Вы найдете привлекательной. Будем рады принять Вас в замке в любое удобное для Вас время.

Ваш проезд может оказаться для Вас полезным и по другим причинам. Не имея собственных детей, я намерена часть принадлежащих мне средств пустить на поддержание славы рода Мортимеров. Но приобретение этих средств предполагает выполнение некоторых условий. Зная, что Вы еще не создали семью, я взяла на себя смелость подобрать Вам невесту. Брак с ней будет означать для Вас значительное улучшение материального положения. Кроме того, она молода и хороша собой.

Не спешите отказываться. Надеюсь, девушка придется Вам по сердцу.

Любезный сэръ Карл, верю, что Вы простите мне смелость и даже некоторую бесцеремонность. Уверяю Вас, что все это делается для Вашего же блага. В любом случае, решение останется за Вами».

Перечитав написанное, леди Эстер заключила письмо словами: «Всегда расположенная к Вам, леди Эстер Мортимер».

Графиня полагала, что излишние церемонии лишь повредят делу. Если молодой человек ограничен в средствах, а в этом леди Эстер была уверена, он не станет отказываться. Милovidность и кротость Лили помогут ему принять правильное решение. Оставалось разумно распорядиться деньгами, но и тут графиня все решила заранее.

В общих чертах поручение поверенному выглядело так: Поттс должен был положить на имя Лили двести тысяч крон, что делало ее одной из богатейших невест Франглии. Сто тысяч составляло приданое, а вторую половину состояния следовало положить на имя девушки. Но получить эти средства и распорядиться ими она могла только после заключения брака.

Богатый опыт семейной жизни подсказывал леди Эстер, что брак будет много крепче, если мужу придется для получения средств от жены добиваться ее расположения. Привыкшая экономить, леди Мортимер никогда не скупилась в серьезных делах. Если у молодой пары все пойдет хорошо, то и остальные деньги можно будет завещать девушке.

Впрочем, помирать леди Эстер пока не собиралась. Но позаботиться о поместье и о Джордже, если ей суждено уйти первой, она хотела. И свадьба Лили – прекрасный повод для этого. Об истинных размерах состояния Мортимеров был осведомлен только Поттс. Это позволяло оставить приличе-

ствующую случаю сумму Джорджу, а девушку обязать обеспечивать его и заботиться о нем до конца его жизни.

Все эти размышления, невзирая на их практичность, испортили леди Эстер настроение. Желая развеяться и отвлечься, она направилась в парк. Осенняя прелесть природы всегда приводила ее в умиротворенное состояние.

С утра Эмма была жутко занята – она прибиралась на хозяйском этаже в гостевых спальнях. Хозяева опять ждали кого-то в гости. Но с обеда ей велели оставить уборку, чтобы одеть и причесать Лилюю.

Лиля только что вернулась с кухни, где помогала кухарке перемыть посуду. Посуды было не слишком много, и она быстро управилась. Вот когда приезжает кто-нибудь из знакомых графа и графини, да еще со своими собственными слугами, работы бывает невпроворот. Чужие слуги не хотят ничего делать, они только помогают своим хозяевам. Посуду помыть от них не допросишься.

Эмма прибежала к Лиле в каморку страшно возбужденная. Горничная тут же закричала своей помощнице:

– Мойся быстрее, мне приказано привести тебя в порядок.

Растрепанная и раскрасневшаяся Лиля, с закатанными до локтя рукавами старенького платица, в намокшем фартуке, с красными и распухшими руками удивилась:

– Меня в порядок? Для чего?

– Не знаю, мне не докладывают, хотя кое-какие мысли у меня есть...

– Эммочка, миленькая, скажи мне, – взмолилась девушка.

– Думаю, кто-то из твоей родни нашелся, вот тебя и вызывают.

– Вызывают?

– Да, графиня велела привести тебя в гостиную, а там они уже оба ждут – леди Эстер и сэр Джордж.

– Ой, что-то мне страшно, – прошептала Лиля. Она-то знала, что никакой родни во Франглии в восемнадцатом веке у нее быть не может.

Но Эмма, не слушая ее, быстро помогла ей переодеться в воскресное платье. Рабочее ей подарила Эмма, а выходное они вместе перешли из отданного ей старого повседневного платья леди Эстер. Лиля была намного ниже графини, и платье пришлось укорачивать.

Затем Эмма заплела Лиле две косы, закрутила их над ушами и укрепила шпильками – получилось два небольших пучка. Не обращая внимания на страх девушки, горничная взяла ее за руку и повела к хозяевам. У входа в гостиную она постучала в дверь.

– Войдите, – раздался голос леди Эстер.

Эмма втолкнула Лилю внутрь, а сама осталась в холле.

– Иди сюда, дитя мое, – ласково сказала леди Мортимер.

Лиля послушно подошла ближе и прошептала:

– У меня нет никаких родных, ваше сиятельство, это ошибка.

– Я знаю, милая, и хочу это исправить, – ласково ответи-

ла графиня, – скажи мне, ты ведь до появления в Олдоаксе служанкой не работала?

– Нет, ваше сиятельство, – подтвердила девушка.

– Это говорит о том, что ты из богатой семьи. Я думаю, что ты из знатного рода. У тебя такие тонкие пальчики, и овал лица узкий. Таких служанок не бывает. Ты не должна работать горничной.

– Но что же мне делать?! – воскликнула Лиля. Она подумала, что ее хотят прогнать.

– Послушай меня. У нас с сэром Джорджем нет своих детей, мы хотим удочерить тебя. Ты согласна?

– Это так неожиданно. Я, конечно, очень рада, но даже не представляю...

– Не пугайся, я все предусмотрела. Ты будешь жить на втором этаже, как и мы с Джорджем. Эмма прибралась в твоей новой спальне. Кроме того, у тебя будет свой кабинет. Ты сможешь проводить время в библиотеке, в гостиной и везде, где захочешь.

– Но я совсем не похожа на знатную госпожу.

– Это все поправимо. Пока я отдам тебе несколько своих платьев, ты ведь такая же худышка, как и я. Их нужно будет лишь слегка укоротить, Эмма сделает это. Но завтра же мы поедем в Лонгридж и закажем тебе у портнихи гардероб, а у сапожника – туфельки. Портниха быстро сошьет первые несколько платьев, а к Рождеству у тебя появятся наряды для выхода в свет.

– Но я не умею выходить в свет.

– Я все это учла. До новогодних балов осталось достаточно времени. За это время учитель научит тебя правильно вести себя в обществе, пользоваться столовыми приборами, танцевать и вести светскую беседу. Все это совсем не трудно, а ты неглупая девочка.

– Я так благодарна вам, госпожа!

– Ты должна называть меня матушка, а сэра Джорджа – батюшка. И не думай, что я такая добрая. У меня есть большие планы на твое будущее. Ты сразу должна уяснить, что станешь нашей наследницей. На кону стоит замок Олдоакс. Ты должна будешь выйти замуж за человека, которого я выберу, и родить мальчика – наследника всего состояния Мортимеров. Но как моя дочь, ты получишь и наследство рода Бэклоу.

– А как же сэр Ричард?

– О нем не беспокойся. Он унаследовал замок Бэклоу, ему перейдет и оставленное бабушкой наследство, этого вполне достаточно. Моих денег он не получит. Но это уже мои дела. Ты же с завтрашнего дня начнешь заниматься с учителем, месье Джонатаном Крипингом, он приедет утром. И не вздумай называть его господином, зови его просто по фамилии. Иди в свою новую комнату.

Лиля ни жива, ни мертва вышла из гостиной. Эмма ждала ее в холле.

– Лили, я права, нашлась твоя родня? – с острым любо-

пытством спросила она.

– Эмма, ты не представляешь, что произошло! Граф и графиня удочеряют меня, я теперь буду Лили Мортимер!

– Не может быть, ваше сиятельство! – ахнула горничная.

– Не называй меня так, мы же подруги, – возмутилась Лилия.

– Но если я буду называть вас по имени, меня уволят со службы.

– Ну тут же никого нет! Эммочка, оказывается, та комната, которую ты сегодня мыла – она будет моей. А еще мне закажут в городе платья и туфли, у меня будет нарядная одежда. И на Рождество графиня возьмет меня на бал, – Лилия говорила так радостно, как и было положено внезапно получившей звание и деньги служанке, но в душе она бы все отдала, лишь бы вернуться домой, к родителям и Генке.

– А украшения вам купят? – мучаясь от зависти, спросила Эмма.

– Не знаю, но мне и платьев хватит.

– Наверняка купят украшения. Ах, как бы я хотела быть на вашем месте, – мечтательно произнесла горничная.

– Эмма, ты же моя подруга. Если мне купят украшения, я дам их тебе померять, а может, и сходить в гости разрешу в каком-нибудь ожерелье или с брошью.

Успокоив подругу, Лилия пошла осматривать свое новое жилище, а Эмма, как покорная служанка, шла немного позади своей новой госпожи. Комната была самой обычной, но

отвыкшей от простора Лиле показалась огромной. Широкая кровать под балдахином, зеркальное трюмо с тумбочкой, камин, мягкое кресло около окна – все располагало к отдыху.

С утра приехал мистер Крипинг, он оказался худым и высоким человеком неопределенного возраста с глазами немного навывкате и слегка лысеющим лбом. У Лили начались занятия: утром после завтрака она брала уроки танцев и живописи, а после ланча – уроки музыки и светской беседы. Правильно пользоваться столовыми приборами мистер Крипинг учил девушку во время трапезы – он принимал пищу в столовой вместе с хозяевами и своей новой ученицей.

Лиля читала книгу в гостиной. Вдруг она вздрогнула и схватилась за юбку. На ней лежала записка: «Будь внимательна, сейчас ты получишь еще одну записку. Ее надо уронить так, чтобы ее подобрал Гутс». Внимательно прочитав ее, девушка кивнула. Интересно, откуда они узнали про Гутса? Подождав минуту, она обнаружила у себя на коленях бумажку. Теперь это оказалась записка, предназначенная не только для нее, но и для Гутса: «Лиля, у нас есть прибор, с помощью которого мы можем передавать тебе письма. Ты попала в прошлое благодаря огненному янтарину из музея. Он вправлен в кольцо леди Эстер. Старайся держаться поближе к ней, особенно когда перстень у нее на пальце. Это твой шанс вернуться домой».

Уронить записку в присутствии этого господина было нетрудно, но сказать, когда ему вздумается посетить графич-

ню, Лиля не могла. Весь день она то и дело подходила к окну, чтобы увидеть долгожданного гостя. Но Гутс все не шел.

Наконец прозвучал гонг. Это означало, что пора переодеться к обеду. Появилась Эмма, которой предстояло помочь девушке сменить платье.

– Леди Эстер ждет к обеду гостя, велела поставить на стол еще один прибор, – доложила горничная.

– Кто бы это мог быть? – заинтересовалась Лиля. – Надеюсь, что не сэр Ричард. В его присутствии у меня по коже мурашки бегают.

– Такой красивый молодой человек! Чем он вам не угодил? По правде сказать, я тоже его побаиваюсь, – Эмма разрывалась между лояльностью к хозяйке и нежеланием врать.

– Так ты не знаешь, кто придет? – снова спросила Лиля.

– По-моему, это месье Гутс. Я слышала, что он хотел поговорить с хозяйкой.

Лилино сердце подпрыгнуло. Вот и возможность «отправить» ему записку.

Гутс вошел в дом так важно, будто оказывал Мортимерам милость, посещая Олдоакс. Бетти встретила его на пороге и проводила в столовую. Лиля специально задержалась, чтобы иметь возможность пройти мимо гостя. Когда леди Эстер и Гутс обменялись любезностями и уселись за стол, девушка проскользнула на свое место, метко уронив записку у стула Гутса. Теперь он обязательно должен был увидеть белевший на ковре клочок бумаги, и лишь от него зависело, скажет он

о нем леди Эстер или нет.

Сэр Джордж шепотом пожурил Лилию за опоздание и тут же предложил ей кусочек рыбы, так аппетитно пахнувшей, что у девушки сразу разыгрался аппетит. Гутс помедлил немного, а потом поднял записку и внимательно прочитал.

«Ловко!» – подумал он. – «Эти мальчишки научились пользоваться прибором. Что ж, это не беда, но оставлять им концентратор не следует. Придется сказать, что эксперимент завершен, пока они не распорядились устройством по-своему».

Лилина жизнь очень изменилась. Теперь ей целыми днями ничего не требовалось делать. Вставала она часа на два позже, чем раньше, когда приходила Эмма. От завтраков в постели девушка решительно отказалась. Эмма открывала шторы, ждала, пока Лилия встанет, и помогала ей одеться.

После того, как ей объявили об удочерении, одевание превратилось в сложную процедуру. Деталей туалета стало больше, и самым неприятным был корсет. Эмма надевала на нее тугую, усиленную китовым усом конструкцию и зашнуровывала ее сзади. К счастью, утягивать талию пока не требовалось, Лилия и так была худенькой, и Эмма шнуровала не сильно. Правда, и в таком виде корсет сковывал движения, не позволял согнуть спину.

Новые платья, перешитые из принадлежавших леди Эстер, отличались добротной тканью, но слишком роскошными не выглядели. Для торжественных случаев, выходов и

приема гостей Лиле заказали три платья у портного в Лонгридже, одно из них доставили накануне.

День обещал быть сложным. Сегодня в Олдоакс соби-рался приехать Карл Мортимер, дальний родственник сэра Джорджа и будущий Лилин жених. Это событие очень огор-чало девушку, ей вовсе не хотелось замуж, да еще за незна-комого человека. Однако надежда вернуться домой остава-лась всего лишь надеждой. И пожаловаться было некому, и не с кем поболтать. Эмма теперь называла ее «мадемуазель», а о встрече с Жаннет нечего было и мечтать.

Зато Лиля могла гулять в парке и пользоваться библиоте-кой. Все книги на франглийском она брала в руки с трепе-том, ведь школьных знаний едва хватало для бытовых раз-говоров. К счастью, сэр Джордж оказался любителем рыцар-ских романов. Их в библиотеке нашлось несколько дюжин. Первый Лиля одолела с трудом, ей даже пришлось спраши-вать значения многих слов, а потом дело пошло легче.

Но ни чтение, ни новые платья не могли отвлечь девушку от приближающихся грозных перемен. Как сможет она по-ладить с женихом, долго ли продлится помолвка и сможет ли Генка найти способ вызволить ее отсюда до свадьбы? Эти вопросы не давали Лиле покоя. Вот и сегодня она проснулась рано, так что до прихода Эммы оставалась куча времени.

Лиля встала, умылась и надела платье, которое носила служанкой. Без Эммы нечего было и думать зашнуровать корсет. Стараясь ступать как можно тише, девушка отвори-

ла дверь, спустилась по лестнице и вышла в парк.

На кухне гремела посуда и слышались голоса. Прислуга готовилась пить чай перед началом рабочего дня. Чтобы не попасться никому на глаза, Лиля прошла по широкой аллее, которую скрывала от кухонных окон живая изгородь.

Она брела медленно, размышляя о жизни. Вдруг у подъездных ворот поднялась суета. Привратник выскочил из своего флигеля и бросился открывать тяжелые створки. В поместье медленно въехала большая карета.

Лилия остановилась возле толстого дуба. Отсюда прекрасно просматривалась вся аллея и ворота, а она сама в любую минуту могла укрыться за могучим стволом. Карета проехала еще немного и остановилась. Из нее вышли двое мужчин. Один, молодой, был облачен в камзол цвета спелой вишни, из-под которого проглядывал белый жилет. Кружева на воротнике и манжетах выдавали в нем богатого дворянина. Короткие штаны, к которым Лилия так и не привыкла, обычно вызывали у нее улыбку, но на этом молодом человеке выглядели неплохо. Даже белые чулки почти не портили дело.

Второй мужчина, постарше, показался ей слугой. Его кафтан был проще, чулки темнее и в его костюме отсутствовали кружева. Первый с интересом оглядывал Олдоакс, а потом что-то сказал своему спутнику и устремился в обход замка по боковой аллее.

Второй мужчина заметил выглядывавшую из-за дерева Лилию и направился к ней. Его прямые, до плеч, русые во-

лосы и открытое лицо понравились девушке. Она не стала прятаться, но и на аллею не вышла. Мужчина поравнялся с дубом и с улыбкой посмотрел на Лилю.

– Ты служишь здесь, девочка? – спросил он.

– Нет, то есть да. То есть сейчас уже не служу, – принялась объяснять Лиля. – А вы кто?

Говорить так было невежливо, но мужчина не рассердился. Что взять со служанки, да еще такой молоденькой?

– Мой господин, высокородный Карл Мортимер, приехал в замок по приглашению хозяев. Он сватается к их дочери. А я – его слуга и, смею надеяться, друг мосье Карла.

– Так это жених! – вырвалось у Лили, но она тут же зажала себе рот рукой. – А как зовут вас, любезный господин?

Мужчина усмехнулся.

– Меня зовут Леон Винс, к вашим услугам.

– Леон Винс, Леон Винский! – воскликнула Лиля. – Вы, должно быть, потомок Леона Винского!

– В каком-то смысле, – загадочно ответил ее собеседник. – Но где вам приходилось слышать это имя, дитя мое?

– Я читала его дневник, – не подумав, брякнула Лиля.

– Вот как? – удивился Леон. – Но, насколько я знаю, он написан на языке, не известном местным жителям.

– Ну, да... Я не то хотела сказать, – смешалась Лиля.

Из неловкого положения ее выручила Эмма.

– Вот вы где, мадемуазель! – стараясь отдышаться, воскликнула она. – Вас ищет графиня. Приехали гости, надо

одеваться к завтраку.

Лиля взглянула на Винса и покраснела.

– Извините, – сказала она. – Я должна идти, но мы еще увидимся.

С этими словами девушка повернулась и быстро пошла за уходящей служанкой.

– Непременно, – задумчиво произнес ей вслед Винс.

Эмма затянула на Лиле корсет, облачила ее в новое платье и подала изящные сережки с крупными жемчужинами. Цвет платья Лилина мама назвала бы бежевым, но для леди Эстер оно было цвета топленого молока. Черные кружева для воротника и манжет заказывали отдельно, и они стоили целое состояние.

Эмма долго укладывала девушке волосы, но наконец и с этим было покончено. Лиля оглядела себя в зеркале и осталась довольна. Правда, корсет доставлял массу неудобств, а кружева приходилось все время поправлять и стараться ни за что ими не зацепиться. Пышные юбки мешали двигаться, но зато девушка казалась еще тоньше и воздушней, чем в обычном платье. Да и изящные туфельки на невысоком каблучке не отличались удобством, но приходилось терпеть.

Гости тоже переоделись к завтраку. Карл облачился в темный камзол, украшенный серебряной вышивкой. Леон стоял за его креслом, готовый к услугам. Знакомство прошло вполне успешно. Чтобы не сердить леди Эстер, Лиля стара-

лась поменьше говорить и почаще делать книксен.

За столом говорил в основном сэр Джордж, он вспоминал молодость и своих многочисленных родственников, приходившихся родней также и Карлу. Карл почтительно слушал и изредка задавал вопросы, чтобы подбодрить собеседника. Леди Эстер внимательно, хоть и ненавязчиво рассматривала гостя.

Когда завтрак наконец кончился, она увела будущего жениха к себе в кабинет, а Лиле позволили удалиться в свою комнату. Ей страшно хотелось поговорить еще немного с Леоном, но она не знала, как это устроить.

Проходя мимо кабинета графини, Лиля услышала часть разговора. Подслушивать нехорошо, но речь шла о ее судьбе!

Оглядевшись по сторонам, девушка скользнула за портьеру, защищавшую дверь в кабинет от сквозняков. В старом замке это вовсе не было лишним. Отсюда разговор было слышно гораздо лучше. Подобрал юбки, чтобы они не выдали ее присутствия, Лиля прильнула ухом к стене.

– Девушка очень мила, – произнес мужской голос. – Но, насколько я слышал, у вас нет детей. Откуда она взялась?

– Не буду скрывать, Лили наша приемная дочь. Я не хочу об этом распространяться, но вы, как будущий супруг, имеете право знать правду. Девочка из знатной семьи, моя дальняя родственница. Мы с Джорджем удочерили ее, так как очень к ней привязаны. Удочерение совершенно законное, она объявлена Мортимер специальным указом Его Величе-

ства. Так что это секрет только от соседей, – пояснила леди Эстер.

– Почему же, дорогая родственница, вы хотите выдать ее именно за меня? – насмешливо поинтересовался Карл.

Леди Мортимер не пропустила дерзость.

– Дорогой Карл, по праву майората вы наследуете поместье, но ведь у вас практически нет собственных денег? Знаю, знаю. Так вот, чтобы вы могли достойно содержать Олдоакс, мы и решили пойти вам навстречу. Лили получит значительную сумму, которая поможет вам поддержать честь дома Мортимеров. Часть денег будет положена на ее имя, а другая составит приданое нашей дочери. Все эти деньги она получит в день свадьбы, так что приданым вы сможете распорядиться, а остальной суммой будет управлять она. Надеюсь, это поддержит доброе согласие в вашей семье.

Лицо Карла вытянулось. Его скромный достаток едва позволял вести приличествующую дворянину жизнь. Оказывается, хитрая дама выяснила все заранее.

– Я буду рад назвать вашу дочь женой, – сдался молодой человек. – Надеюсь, она оправдает ваше доверие. Что касается Олдоакса, то деньги действительно не помешают. Когда вам угодно назначить помолвку?

– Я думаю, на подготовку уйдет месяц или чуть больше. Надо разослать приглашения, подготовить туалеты. Да и вам следует привести в порядок свои дела.

Дальше слушать было опасно, кто-то из собеседников мог

выйти из комнаты. Поэтому Лиля убедилась, что коридор пуст, и выскользнула из своего укрытия. Ах, как ей хотелось тотчас оказаться дома, в своей маленькой квартирке, лишенной слуг и роскоши, но зато родной!

Глава 15. Альфред Гутс

Глубокое черное небо скрывает множество звезд. Кто знает, какие миры таятся в глубинах Галактики? Похожи ли они на Землю? Кто живет в них, и суждено ли нам когда-нибудь встретиться? Никто из людей не может дать ответа на эти вопросы. Для нас это тайна, но есть и те, кому все давно и точно известно.

Эмоциональную вспышку на окраине Галактики зарегистрировали все эмографы Олеоа-Ииин. Но лишь ученое сообщество обратило на странное явление свое пристальное внимание. Жителям планеты не из-за чего было расстраиваться – уж слишком далеко чьи-то головы захлестнула буря чувств, впрочем, они бы и не смогли.

Далекая Олеоа-Ииин всегда жила по своим законам. Ее обитатели ничем не походили на людей. Аборигены Олеоа-Ииин отличались полным отсутствием эмоций. Возможно, именно поэтому иииняне могли похвастаться высоким уровнем развития цивилизации. Стабильный технический прогресс стал результатом того, что жители планеты не отвлекались на любовь, зависть, ненависть, гнев, сострадание.

Все, что было нужно ииинянам, производилось в достаточных количествах, и проблемы голода и холода у населения не было. Лишенные эмоций аборигены, тем не менее, могли получать чувственное удовлетворение. Поэтому плот-

ские виды удовольствий пользовались у ииинян огромным спросом. Но за все надо платить. А для оплаты необходимы средства.

Эквивалентом денег всегда выступает нечто ценное и редкое. И тот, кому удастся завладеть большим количеством этого эквивалента, обеспечит себя на долгие годы. Незамутненный чувствами разум приобрел за время развития известную гибкость и изворотливость. Лишенные любых эмоций жители планеты без труда просчитывали варианты получения выгоды.

Аии Феед работал в департаменте, занимавшемся проектированием сложнейших приборов. На Земле его должность называлась бы «главный инженер». Ему, как и всем жителям планеты были незнакомы совесть, страх разоблачения, неловкость перед сослуживцами. Поэтому аппарат, который разрабатывали в отделе, где он был начальником, Аии смело решил использовать в коммерческих целях.

Департамент выпускал концентраторы для исследователей космоса. Прибор предназначался для защиты космических путешественников от опасного для них потока эмоций.

Иииняне давно овладели навыками освоения межзвездного пространства. Найденные ими обитаемые миры, как правило, были лишены бесстрастия, которым по праву могли бы гордиться обитатели Олеоа-Ииин. Торговля процветала, но расчетливые граждане планеты не хотели рисковать здоровьем при облучении чужим эмоциональным полем даже для

пользы своей родины.

Идея торговать чужими эмоциями на других планетах, продавать накопленный потенциал тем, кто способен его ощутить и сможет за это заплатить, пришла в голову Аии Феда раньше, чем до нее додумался кто-то другой. Существа, населявшие богатые миры, готовы были отвалить немалые средства за яркие чувства, привезенные в виде концентрированной энергии.

Делиться своими планами, также как и доходами, Аии Феда ни с кем не собирался. Такие действия нарушали законы планеты, поэтому Аии Феда все рассчитал заранее. Официальным предлогом для экспедиции было изучение источника опасной энергии. Изготовив партию концентраторов, Аии зафрахтовал корабль и отправился в точку, где приборы зафиксировали эмоциональный взрыв. Этой точкой оказалась Земля.

После того, как Аии Феда обнаружил причины вспышки, он должен был убедиться, что она не связана с испытанием нового вида оружия. Ведь это опасно для Олеоа-Ииин! К счастью, вскоре стало ясно, что вспышка не имеет отношения к оружию, а напротив, может принести Феде солидную выгоду. Ему казалось безумием выбрасывать на ветер богатство, так плохо охраняемое на Земле. Он мог бы найти ему более достойное применение.

Координаты зафиксированной вспышки привели Аии Феда в небольшой городок Заливной Осетр. След от вспышки

еще прослеживался в пространстве, он заканчивался в местном музее, в котором были выставлены предметы, вывезенные из другой страны. Как они могли быть связаны с необычным явлением? Это предстояло выяснить.

Прежде всего следовало позаботиться о легализации. Имя Аии Феода очень напоминало местное Альфред, что показалось путешественнику удобным для выбора псевдонима. Внешний вид пришельца резко отличался от облика землян – кожа имела неровный серый цвет, три шестипалые руки и три глаза, которые можно было вращать на триста шестьдесят градусов, прекрасно видели окружающий мир со всех сторон. Но выйти в населенный мир в естественном виде нечего было и думать. Хорошо, что мимикризатор сделал его похожим на человека, а лингвистор позволил понимать устную и письменную речь почти на всех земных языках, а также разговаривать с аборигенами.

Фамилию Гутс пришелец выбрал из попавшегося под руку любовного романа, написанного экзальтированной дамочкой и случайно найденного им на лавке городского вокзала. Альфред удачно отличался от людей скромными физиологическими потребностями: он не нуждался в питании трижды в день и ежедневном ночном отдыхе, спал раз в неделю по двадцать четыре часа, ел раз в декаду. Благодаря этому ночные часы он посвящал работе над систематизацией своих наблюдений и попыткой сделать из них научные выводы.

Адаптировавшись на планете, Альфред снял квартиру в

удаленном от центра доме. После загрузки языка в лингвистор он принялся за изучение местных научных разработок. Никаких упоминаний о работе с эмоциональной энергией ему найти не удалось. Но это не смущало путешественника. Запас концентраторов, привезенных с родной Олеоа-Ииин, позволял ему обратиться к аборигенам за помощью и накопить ресурсы для будущей продажи.

В качестве носителей Альфред предусмотрительно выбирал молодых, активных жителей этой планеты. Они легко поддавались на лесть и охотно соглашались «проверить» новое изобретение. В большинстве своем они клали прибор в карман или рюкзак и забывали о нем. Лишь один, Кирилл Воробьев, вызывал опасения. Слишком инициативный и любопытный, он увлекся испытаниями прибора и мог узнать лишнее.

Кирилл показался Аии любопытным индивидом – будучи совсем молодым, он уже преподавал в ВУЗе, кроме того, имел хорошую физическую подготовку. Именно такие люди испытывали, по наблюдениям Альфреда, больше всего сильных чувств.

Гутс встретился с Воробьевым и передал ему один из концентраторов. Привезенные с Олеоа-Ииин приборы были снабжены записывающими изображение и звук компонентами и поэтому позволяли наблюдать за носителями. Благодаря связи между своим концентратором и данным им Кириллу Гутс следил за поведением молодого человека и всех, с

кем тот общался. Но Альфред и помыслить не мог, насколько полезным окажется такое внимание к подопечным!

С помощью своего прибора Гутс выявлял перспективные источники эмоций, а также получал представление о культурных и научных достижениях аборигенов. Полезными могли оказаться научные разработки и некоторые виды искусства, пользующиеся спросом на Земле. Случайно прослушанная беседа Воробьева и его студента с выдающимся ученым Светловым оказалась весьма полезной. Ученый предполагал, что существовавший на Земле драгоценный камень, огненный янтарин, способен перемещать человека в прошлое или будущее, если в начальном и конечном пунктах есть заряженные кристаллы. Такие переносы фиксировались в прошлом, и, как стало известно Гутсу из подслушанной беседы, один произошел в настоящем. К тому же, янтарин легко можно было произвести в лабораторных условиях. По словам Светлова, получался он из простого минерала путем попадания в него разряда молнии.

Процесс нетрудно было поставить на поток на заводском конвейере родной планеты. Проблема состояла лишь в том, что требовались еще конкретные климатические условия – определенное атмосферное давление, влажность воздуха, показатели магнитного поля. Это могло значительно увеличить дороговизну камня. Но и тут Альфреду повезло! Светлов сказал, что такие минералы, уже превращенные молнией в янтарин, находили в прежние века во Франглии. И тому

имеются письменные доказательства, хранящиеся в историческом архиве Заливного Осетра.

Готовое месторождение устраивало Аии Феода гораздо больше, ведь производство означало бы, что о драгоценном минерале узнали бы и другие ииняне. Вывоз же камня с Земли приводил к монополии Альфреда на ценное сырье.

Свойство камня перемещать человека по оси времени крайне заинтересовало Гутса. Насколько удобнее не таскать на борту корабля, где каждый килограмм веса на учете, машину времени, а надеть на палец кольцо с огненным янтаринном и попасть туда, где есть такой же камень! Тут, правда, встает вопрос подзарядки минералов от молнии или при помощи эмоциональной энергии.

Чтобы решить эту проблему, Альфред был намерен прослушивать разговоры Воробьева и Светлова и дальше. Одновременно он решил попытаться добыть какое-то количество огненного янтарина.

Естественно, первым делом следовало сходить в музей, о котором Кирилл беседовал со Светловым и в котором была зафиксирована эмоциональная вспышка. Там хранилась фамильная драгоценность Бэклоу – перстень с тем самым огненным янтаринном. К тому же, сотрудники музея могли располагать сведениями о месторождении, из которого был взят камень. Если залежи этого минерала имелись в средневековой Франглии, то что с ними стало позднее?

Информация об этом стоила того, чтобы улететь со своей,

такой комфортной для проживания, планеты на дикую Землю. Но Гутс надеялся сделать еще больше – найти запасы огненного янтарина.

Альфред стал готовиться к выходу. Мимикризатор работал отлично – его скафандр точно воспроизводил внешний вид человека. Недостатком было то, что мимикрия воссоздавала и некоторые физиологические свойства земных объектов, из-за этого Гутсу пришлось побрить безопасной бритвой подбородок, на котором отрастал волосяной покров. А вот глаза землян прибор не воспроизводил – они оставались оранжевыми с фиолетовыми кругами. Но Альфред предусмотрительно купил в оптике линзы зеленого цвета. Он относился к внешнему виду крайне педантично и ни о чем не забывал.

Гутс пошел в осетровский музей утром, когда дети учились в школе, а студенты – в вузах, и в здании не должно было оказаться слишком много народу. В зале восемнадцатого века он порадовался своей предусмотрительности: только дежурная дремала в уголке на стуле, никого из посетителей не было.

Альфред подошел к витрине в центре экспозиции и увидел перстень с серым камнем, а около него написанную по-французски и по-русски надпись. Она гласила, что в кольцо вставлен огненный янтарин, и кольцо это – фамильная драгоценность рода Бэклоу. Рядом располагался и текст легенды, связанной с перстнем, на русском языке. В ней говори-

лось, что перстень при особых обстоятельствах способствует исчезновению людей. Они пропадали и не появлялись на своей родине больше никогда.

Гутс сразу понял, что речь идет о перемещении во времени. Будь он землянином, наверно, заплясал бы от радости, но эмоции были ему незнакомы. Если научиться управлять действием камня, то его можно неплохо продать.

Как он понял, камень есть в фамильном кольце Бэклоу у леди Мортимер. Он поедет в то время и будет вести работу в двух направлениях – постарается найти месторождение и выкупить у графини ее фамильную драгоценность.

Недаром Альфред вез в такую даль машину времени, несмотря на ее громоздкость и большой вес. Ему ничего не стоило переместиться в восемнадцатый век.

Как же заполучить этот камень? Мысль украсть его в музее даже не пришла Альфреду в голову – он не хотел сидеть потом в земной тюрьме. Все нужно решить цивилизованно.

На его счастье, в зал вошла солидная женщина, по виду начальница. Ее худое лицо отличала некая аристократичность, а живые карие глаза затаили неведомую боль.

– Простите, можно к вам обратиться? – спросил Гутс, – вы – директор?

– Да, меня зовут Элла Георгиевна, и я – директор этого музея, – ответила дама.

– Вы, наверно, очень хорошо знаете Франглию?

– Да, особенно восемнадцатый век.

– У меня как раз по этому периоду вопрос, – Гутс оценил улыбнувшуюся ему удачу.

– Слушаю вас.

– Вот тут представлен перстень с огненным янтариним. А вы слышали, что во Франглии тех времен существовало месторождение этого камня.

– Вы не совсем правы. Легенда, как вы видите, указывает на шестнадцатый век, но в восемнадцатом тоже находили огненный янтарин недалеко от поместья Бэклоу.

– А что стало позже с этим месторождением?

– Предположительно, после войны с Наполеоном в начале девятнадцатого века оно было расхищено и до наших дней не сохранилось. – Дама пристально взглянула на Гутса и зашпешила. – Извините, я должна идти – дела.

– Благодарю вас покорно, – Альфред поклонился и сделал вид, что продолжает осмотр, хотя все, что он намеревался узнать, стало ему известно.

Директриса ушла, а Альфред, рассеянно разглядывая портреты франглийской знати на стене, двинулся к выходу. Вдруг один из портретов привлек его внимание. На нем была изображена точная копия директрисы музея, но подпись гласила: «Неизвестный художник, восемнадцатый век, Франглия. Графиня Мортимер, урожденная Бэклоу».

Как много потерял Гутс: даже эта находка не вызвала в нем никаких эмоций! Вывод же, который он сделал, был очевиден – это либо очень похожая на директора музея дама,

возможно, дальняя родственница, либо она сама, перенесенная из прошлого в двадцать первый век.

Вот где пригодилась привезенная в Олеоа-Ииин машина времени! Собрал он ее быстро. Снимая жилье, Гутс специально предупредил, что будет много работать и часто уезжать, чтобы у хозяина не возникли вопросы. Дом на окраине Заливного Осетра как нельзя лучше подходил для его целей. Заперев тщательно двери, Гутс переместился на два с половиной века назад.

Во Франглии Альфред Гутс устроился комфортно. Найти леди Эстер оказалось легко – графа и графиню Мортимер знали в королевстве, а их имение было нанесено на карту страны.

Несколько месяцев Аии Феед проживал в непосредственной близости от интересующей его драгоценности. Такого выгодного расположения Гутсу удалось достичь благодаря выставленному на продажу домику в имении сэра Джорджа – мужа леди Эстер. Это был даже не домик, а старые развалины, но, используя технологии своей далекой планеты, новый владелец очень быстро построил на месте груды камней удобный дом, в котором имелись освещение, отопление и вода. В нем Гутс расположил приемо-передаточную капсулу, чтобы легко перемещаться из века в век.

Конечно, со средствами связи возникли проблемы, равно как и с развлечениями, но Гутс решил приобщиться к быту местных помещиков и посещал по вечерам клуб «Приют

одинокого рыцаря», где играл в карты или беседовал с другими посетителями. Иногда Мортимеры приглашали его на ланч или обед. Граф был неплохим собеседником – он много читал, увлекался живописью и музыкой.

С деловой точки зрения сэр Джордж никуда не годился, поэтому если Альфреду нужен был совет по бытовым вопросам, он обращался к леди Эстер. Все дела в имении сосредоточились в ее руках. Она знала, сколько стоят те или иные товары, за какую плату можно нанять рабочих, и кто из них работает на совесть, какие цветы сажают весной, а какие осенью. Эти и многие другие необходимые для жизни сведения хранились в ее изящной головке. Графиня с удовольствием делилась опытом и знаниями с новым соседом.

Альфред часто советовался с ней, поскольку ей это нравилось, но целью его было не получение информации, а завоевание расположения леди Мортимер. Кольцо с янтаринном, которое он видел в музее Заливного Осетра в двадцать первом веке, принадлежало графине, и она часто надевала его на средний палец левой руки. Гутс хотел уговорить ее продать ему этот камень, хотя пока не знал, какую предложить цену. Что могло заинтересовать графиню, деньги или что-то другое?

Гутс думал об этом, гуляя по морскому побережью с одним из привезенных со своей планеты концентраторов. На этот прибор он возлагал большие надежды: незаряженный концентратор мог указать ему на месторождение огненного

янтарина. Поскольку дорога вдоль берега являлась любимым местом прогулок здешнего люда, то залежи минерала, если они расположены поблизости, должны были накопить хотя бы небольшой заряд эмоциональной энергии. Концентратор же устроен так, что забирает эту энергию себе. Если световой индикатор покажет, что прибор заряжается, это будет означать, что поблизости есть огненный янтарин.

Единственным недостатком такого способа поиска месторождения являлось то, что концентратор мог заряжаться непосредственно от носителей эмо-энергии, то есть от людей. Поэтому по побережью приходилось гулять, когда людей поблизости не было – ночью. Пугало то, что если кто-нибудь увидит его во тьме, бродящего со светящимся в руке концентратором, его примут за колдуна, а с ними в это время могли обойтись круто. Инквизиция, конечно, осталась в прошлом, но поколотить и испортить скафандр крестьяне вполне могли.

Конечно, скорее всего месторождение располагалось скрытно, иначе серый камушек носили бы многие деревенские девицы. Следовало поискать в лесу, ведь и там часто бурлили эмоции: во время охоты охотники чувствовали азарт, звери – страх. Грибники радовались найденным грибам. Возможно, это не самые сильные эмоции, но концентратор достаточно чувствителен и начнет заряжаться при малых показателях сохраненной камнем энергии.

Альфред занялся поисками в лесу. Он хорошо ориенти-

ровался – это умение было в крови у ииинян. К сожалению, долгие дни поиска не дали результатов. Можно было побывать в шестнадцатом веке, где, согласно легенде, добыт камень для фамильного перстня Бэклоу, но у Аии Феода заканчивалось время, отведенное на экспедицию. Самый быстрый способ добычи опытного образца – забрать камень у леди Мортимер, но ее надо как-то уговорить продать перстень.

В свободное от поисков месторождения время Альфред внимательно следил за двумя оставленными в Заливном Осетре молодыми людьми, благо концентратор давал ему такую возможность. Наивный Кирилл и не предполагал, что все его действия становятся сразу же известны Гутсу.

Глава 16. Кольцо работает

В эту ночь Лиля спала плохо. Ей снились дом, мама и Генка. В свои шестнадцать лет она совершенно не собиралась замуж, но если бы пришлось, Генка подошел бы лучше всего...

Красавцем его не назовешь, но почему-то соломенные вихры, торчащие во все стороны, неопределенного серо-коричневого цвета глаза и даже нос картошкой казались ей привлекательнее любой самой изысканной внешности. Уж он-то женился бы на ней не ради денег и содержания поместья!

Загадочным способом она начала получать от Генки записки. Первая появилась тогда, когда сэр Джордж приставал к ней в гостиной. Правда с тех пор, как ей сообщили об удочерении, он рук не распускал. Лишь иногда потреплет пухлой рукой по щеке. Зато теперь, на правах папаши, он требовал, чтобы Лиля целовала его в щеку утром и прощаясь перед сном. При этом он закрывал глаза и млеял, так что девушке становилось смешно.

Вторая записка появилась недавно, за ней последовала третья для Гутса. В том, что записки именно от Генки, она не сомневалась. Столько раз он занимался с ней математикой, писал задачки и пояснения, что его почерк она помнила с закрытыми глазами.

Он надеялся вытащить ее домой. Интересно, как он собирается это делать? Это было невероятно, но Лиле казалось, что уж Генка-то точно что-нибудь придумает.

Веру в его способности ей внушил случай с котенком. Она тогда пошла к Анечке Морозовой заниматься французским, а по дороге увидела, как мальчишки мучают котенка, пушистого такого, рыженького. Они кидали в него камни. К счастью, в котенка не попали, но он испугался и залез на высоченный тополь.

Мальчишки были мелкие, значительно младше Лили. Поэтому, когда она закричала на них и пригрозила вызвать полицию, они разбежались. А котенок так и остался на дереве.

Пришлось Лиле лезть вверх его спасать. Очень кстати оказалось, что она надела джинсы и смогла спокойно задрать ноги, чтобы забраться наверх. Залезла она туда быстро, а вот обратно, да еще с котенком в руке, слезть не смогла. Не сидеть же так до вечера, пока родители придут! А папа и вообще в командировке был. Днем во всем доме только бабушки-пенсионерки, да молодые мамы с маленькими детьми, даже покричать некому.

Пришлось посадить котенка за пазуху и позвонить Генке. Он был не дома, подрабатывал где-то, но примчался тотчас. Лиля просидела на дереве всего пятнадцать минут. Генка притащил из дома стремянку и помог ей слезть.

С тех пор она считала, что Генка найдет выход из любой ситуации. Будет ругаться, конечно. Но она что угодно сейчас

отдала бы, чтобы он сидел рядом, ругался и объяснял, как попасть домой!

Если он не поторопится, ей придется выйти замуж за Карла. Она станет хозяйкой в его доме и уедет из Олдоакса. Неизвестно, когда ей представится случай снова оказаться в замке. И захочет ли тогда Генка ее вытаскивать или уже забудет о ней, а себе найдет другую девушку?

От этих мыслей по щекам сами собой побежали слезы. Лиля уткнулась носом в подушку и дала волю чувствам. Завтра у нее будут красные глаза и распухший нос, но это даже хорошо. Вдруг Карл раздумает на ней жениться?

Ночные переживания утром не ушли, но немного отступили. После первой встречи со слугой Карла Лиля постоянно думала, как бы поговорить с ним снова. Став приемной дочерью Мортимеров, она не только многое приобрела, но и потеряла. Теперь нечего было и думать свободно выйти одной за пределы поместья, поболтать с Жаннет, увидаться с человеком, которого так важно было увидеть!

Зато в парке можно было гулять сколько угодно. Лиле понравился парк Олдоакса. Бродить здесь одной считалось приличным, и даже без сопровождающих. В парке – значит дома. Вот только как увидеть слугу Карла? Спрашивать о нем нельзя, в помещение для слуг ей теперь тоже дороги нет.

После завтрака Лиля вышла из дома, решила пройтись по знакомым дорожкам. Больше всего ей нравились старинные солнечные часы недалеко от ворот и прилегающий к ним ро-

зарий.

Вряд ли ей удалось бы так просто встретиться с Леоном, если бы и он сам не искал этой встречи. Его мучило любопытство с того момента, как девушка сказала, что прочла рукопись. Откуда дворянка в восемнадцатом веке во Франглии могла знать русский язык? Да еще язык двадцатого века? Лиля о его сомнениях, конечно, ничего не знала.

Часы, к которым подошла девушка, представляли собой круглую площадку, разделенную на части. В каждом секторе росли невысокие цветы разных окрасок, а в середине из камней была выложена цифра. В центре площадки возвышалась скульптура, изображавшая какую-то античную богиню – стройную красивую девушку с поднятой к небу правой рукой. В другой она держала цветок, отдаленно напоминающий розу. Ночная часть часов, засаженная темно-синими цветами, нравилась Лиле больше всего.

Розарий, окруженный невысокой живой изгородью, все еще радовал глаз белыми, розовыми и даже полосатыми цветами. Чтобы занять себя, Лилия решила срезать несколько цветков для своей комнаты. Полосатые девушка трогать не решалась, они были предметом особой гордости Билла, леди Эстер демонстрировала их самым важным гостям. А белые и розовые можно было брать, не стесняясь.

Девушка не заметила, как в розарии появился слуга ее жениха. Он подошел сзади и остановился в двух шагах.

Что сделать? Окликнуть Лили по-русски? Или разговари-

вать с ней почтительно, как с невестой хозяина? И правда ли она читала рукопись?

Пока Леон размышлял, Лиля повернулась и вскрикнула от неожиданности.

– Извините, – машинально произнес Леон.

Девушка уронила срезанные цветы и уставилась на него в изумлении. Леон тотчас принялся собирать цветы, чтобы оттянуть время и понять, как себя вести.

– Вы... Вы говорите по-русски? – спросила наконец Лиля.

– Да, но я не ожидал этого от вас. Хотя, по правде говоря, меня очень заинтересовала ваша оговорка о дневнике Винского. Откуда вы знаете язык? – осторожно ответил Леон.

– Я оказалась здесь случайно, не знаю, как. А русский – мой родной, – Лиля опустила голову, чтобы справиться с неожиданно подступившими слезами.

– Продолжайте срезать цветы. Давайте, я достану вам вон ту крупную розу, чтобы вы могли объяснить, о чем говорили со мной, – предложил Леон.

– Срежьте, пожалуйста. Этот Леон Винский – ваш предок? – спросила Лиля.

– Нет. Это я сам. Вы, вероятно, уже знакомы с легендой рода Бэклоу. Так вот, это правда. Я попал во Франглию семнадцатого века из-за этого самого кольца. Впрочем, об этом вы уже знаете, если читали дневник.

– Читала. Нет-нет, эту розу не трогайте! Полосатые срезать нельзя. Но тогда как вы оказались здесь? – Лиля вери-

ла и не верила своим ушам. Возможно, это шанс вернуться домой?

– Я пытался вернуться в Заливной Осетр, зарядив камень. Но энергии хватило только на сто лет, – ответил Винс.

– В Заливной Осетр? – воскликнула девушка. – И я из Заливного Осетра, а сюда, я думаю, меня тоже занес камень. Может быть, вы знаете, как вернуться?

– Я долго думал об этом и пришел к выводу, что камень накапливает энергию, а когда ее становится достаточно, способен перенести человека, попавшего под излучение, туда, где тоже есть заряженный камень. Для того, чтобы вы попали домой, нужно зарядить камень здесь и там. Но как этого достичь, я не знаю. Я даже не знаю, что случилось с камнем после моего исчезновения.

– Когда я была в музее, перстень лежал в витрине под стеклом. Но главное, вы не поверите, у меня есть способ общаться с нашим временем. Вернее, они могут передавать мне записки, – горячо заговорила Лиля.

– Они? Кто это «они»? – заинтересовался Винс.

– Это мой приятель и еще какой-то взрослый мужчина. Они пишут мне записки и оставляют так, чтобы я нашла. Но ответить им я не могу, – грустно сказала девушка.

– Если они оставляют записки и могут положить их, куда хотят, значит, они вас видят. Попробуйте написать им ответ хоть здесь, на песке дорожки. Если они видят вас, то прочтут.

– Я попробую. Значит, надо, чтобы они зарядили камень?

А как? – Лиле показалось, что надежда махнула вдали пушистым хвостом.

– Трудно сказать. Возможно, энергию камню дает электричество или солнечный свет. Впрочем, ваши друзья могут знать ответ, раз посылают вам записки, – задумчиво ответил Леон.

– Они используют какой-то прибор, – пояснила Лиля. – Как я хочу, чтобы они меня вытащили! Если они не поторопятся, мне придется выйти замуж за Карла и уехать отсюда. Тогда я буду далеко от кольца, и ничего уже не исправишь.

– Не вешайте носа, нужно верить в чудеса. Ведь то, что мы встретились, само по себе чудо. А теперь идите, вас заждались. Не стоит излишне волновать ваших приемных родителей. Еще запрут вас до свадьбы, – рассудительно заметил Леон.

Лиля кивнула и пошла к замку. Ей хотелось говорить с Винсом целый день, строить планы, мечтать о возвращении. Но он, конечно, прав.

Леди Эстер встретила девушку в дверях гостиной.

– О чем вы беседовали со слугой, дитя мое? В вашем нынешнем положении это излишне. Вы больше не служанка, а знатная дама, – строго сказала графиня.

– Ах, мадам, я скоро стану женой мсье Карла и хочу, чтобы все в его доме, даже слуги, меня любили, – скромно потупив глаза, ответила Лиля.

– Что ж, вполне разумно. Ступайте к себе, переоденьтесь.

Пора завтракать.

Два раза в неделю после завтрака Лиля брала уроки верховой езды. Вот и в этот пригожий октябрьский денек девушка занималась тем, что училась скакать на лошади. Впрочем, скакать – это слишком сильно сказано. Вороной жеребец по кличке Черный, на которого она взобралась с помощью кучера, вез ее очень тихо и деликатно. Кучер Джек ехал рядом на Быстром. Он был готов моментально схватить под уздцы Лилиного коня, если тот позволит себе перейти в галоп.

Лилия и Джек медленно выехали за территорию поместья по засыпанной желтыми листьями аллее и направились к побережью. Голубое небо сливалось на горизонте с морем, вдали кричали чайки, пахло водорослями и чем-то еще, очень свежим и приятным. В мокрый песок отчетливо впечатывались конские подковы.

Лилия полезла в карман плаща за носовым платком и нащупала там свернутую бумажку.

– Я хотела бы остановиться, – сказала девушка кучеру.

– Как скажете, миледи, – произнес тот и остановил коней.

Лилия, не слезая с коня, развернула бумажку и с изумлением прочитала:

«Лилька, держись! Мы изо всех сил стараемся тебе помочь и уже многое узнали. Но тебе придется еще немного потерпеть. Генка и Кирилл».

Интересно, кто такой Кирилл? В соседнем подъезде живет аспирант из Политеха, может, это он? Пожалуй, стоит

написать ответ на песке, благо, она сейчас на побережье. И как ей держаться? Ведь оглянуться не успеешь, как ее выдают замуж!

– Я хотела бы слезть, – сказала Лиля.

– Конечно, я вам помогу.

Лиля нашла ветку кипариса недалеко от берега и начертила на песке:

«Генка, я получила твою записку. Поторопись. Меня собираются выдать замуж».

– Какие красивые иероглифы, – сказал слезший с коня и подошедший к девушке кучер.

– Да, я решила изучать японский язык, – соврала Лиля, – вот что, я уже устала. Поедем обратно в замок.

Записку от Генки она убрала в карман. Как жаль, что ей абсолютно не с кем посоветоваться! Граф и графиня не помогут. Да и не может она сказать им, что прибыла из будущего и что получает записки из двадцать первого века, тогда ее поместят в лечебницу для умалишенных.

Единственная отдушина – Леон Винский. С ним можно обсуждать письма из будущего. Но даже с ним встретиться не так-то просто!

Лиля взобралась на коня и подождала, пока кучер последует ее примеру. По дороге домой девушка перебирала в уме весь разговор с Леоном. Все ли она запомнила? Не пропустила ли чего-нибудь важного? Около конюшни она спешила и, отдав поводья Джеку, пешком побрела к замку.

Войдя в холл, она отдала привратнику плащ и спросила:

– Где месье Карл?

– Они отдыхают, – почтительно ответил слуга.

Раз Карл отдыхает, а точнее, спит в своей комнате, значит, Леон свободен. А где скорее всего можно найти свободного слугу? Конечно, на кухне.

Лиля решительным шагом прошла в левое крыло в сторону кухни.

– Ой, барышня, – воскликнула кухарка Кэт при виде госпожи, – что же вы себя затрудняете? Я бы и сама к вам пришла, стоило только позвонить в колокольчик.

Слуги еще не до конца привыкли к новому положению бывшей товарки, и иногда позволяли себе нетактичные высказывания.

– Я не к тебе, Кэт, – произнесла Лиля. – Леон, вы уже поели? – спросила она сидящего за столом слугу Карла.

– Да, мадемуазель, – ответил тот, – отдыхаю после ланча.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказала девушка.

Леон встал, и Лиля повела его в холл. Там она накинула на плечи плащ, слуга Карла тоже оделся и вышел вслед за девушкой во двор. Они медленно побрели по аллее к беседке.

Лиля рассказала Леону о полученной записке.

– Вы не обидитесь, если я скажу, что пока не хочу замуж? – спросила она.

– Нет, мадемуазель. Вас можно понять, вы же совсем не знаете моего господина.

– Вы можете называть меня по имени, – улыбнулась Лиля, – я же простая школьница.

– Нет, мадемуазель, здесь вы дворянка. А я слуга вашего жениха.

– Леон, что мне сделать, чтобы отложить свадьбу? Я так хочу вернуться домой! – горячо воскликнула Лиля.

– До свадьбы еще далеко. Даже помолвка будет только через месяц. Я бы посоветовал вам пока ничего не предпринимать. Если вы вернетесь домой, свадьбы не будет. А если ничего не получится, то брак с моим господином – не такой уж плохой выход, – задумчиво ответил Леон.

Лиля с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться.

– Не стоит так огорчаться! Но вы же понимаете, что надо предвидеть все возможные ситуации.

– А как же вы? Вы ведь тоже хотите вернуться назад, в свое время?

– Я долго думал над этим и пришел к выводу, что мой дом здесь. У меня есть жена Гертруда – горничная в доме сэра Карла, есть сын Нейл. Вся моя жизнь связана с ними. Возможно, вы слышали, что матушка сэра Карла оставила ему небольшой домик недалеко от Лонгриджа? Это и мой дом. А если сэр Карл переедет в Олдоакс, то я и моя семья переедем с ним.

– Не понимаю, как вы можете, родившись в двадцать первом веке, променять его на это дремучее время.

– Вам и не понять, дорогая госпожа, вы еще слишком мо-

лоды. Не обижайтесь на меня за эти слова. Когда вы повзрослеете, у вас появятся дорогие вам люди, и вы поймете меня.

– Хорошо, Леон. Но тогда держитесь от меня подальше, ведь я намерена вернуться домой, – грустно сказала Лиля.

– Подальше мне нужно держаться от огненного янтарина вашей матушки, я об этом помню. А вы помните, что я всегда готов вам помочь.

Гутс твердо решил вернуться в двадцать первый век и изъять у Кирилла концентратор. Но до встречи с испытателем, а по сути – зарядателем прибора предстояло сделать еще одно дело. Пусть найти месторождение янтарина не удалось, но камень в кольце графини Мортимер никуда не делся.

Хорошо поставленная служба информации – дело простое, если есть деньги. Гутс давно уже знал, что леди Мортимер скупает долговые расписки своего племянника. Лучшее способа получить ее кольцо и не придумаешь. Если получить кольцо в счет долга от Ричарда Бэклоу не удалось, то пусть это сделает его тетка. Визит к этой достойной даме Гутс обставил ловко. Он поблагодарил графиню за консультации по подбору и высадке цветов для сада и послал в знак благодарности корзину яблок, купленных в Лонгридже. Привезенные из южных краев, они служили идеальным подарком. В результате он получил приглашение на обед.

Приехав в Олдоакс, Гутс проявил чудеса любезности, восхищался парком, замком, нарядом хозяйки и красотой ее дочери. В результате леди Эстер растаяла и спокойно отнеслась

к просьбе уделить гостю несколько минут наедине.

Рассчитывая на легкую победу, Гутс прошествовал за графиней в ее кабинет и дождался, пока служанка принесет и поставит на стол блюдо с фруктами. Свидетели ему не требовались. Он прекрасно понимал, что добиться согласия дамы ему будет проще, если при разговоре не окажется посторонних.

Хозяйка с милой улыбкой указала ему на удобное кресло.

– Не хотите ли бокал портвейна, месье Гутс? – радушно предложила она.

– Благодарю вас, мадам, это лишнее. Откровенно говоря, меня привело к вам важное дело, – начал Гутс.

– Вот как? Чем я могу вам помочь? – поинтересовалась леди Эстер.

– Простите меня за вмешательство в ваши семейные дела, – сказал Гутс, – но я случайно узнал, что вы, проявив удивительную щедрость и преданность семье, выкупаете долговые расписки вашего племянника. Сэр Ричард должен мне большую сумму, и я решил, что, возможно, вам будет угодно закрыть и этот долг.

– Каким же образом он смог вам задолжать? – уже менее любезно спросила графиня.

– О, это долг чести. Сэр Бэклоу играл в клубе в карты и ту часть проигрыша, которую не смог оплатить, заменил распиской.

– Я вовсе не собираюсь оплачивать его карточные долги, –

заявила леди Эстер. – Довольно и того, что я трачу свои деньги, чтобы возместить потери честным людям, пострадавшим от безрассудства моего племянника. Многие торговцы и ремесленники разорились бы, не имей я возможности оплатить их расходы. Но долги, сделанные на ипподроме или за картами, пусть останутся на совести Ричарда, – решительно заявила графиня.

– Но ведь это вопрос чести! – вкрадчиво заметил гость.

– Ричард давно не ребенок. О своей чести он должен заботиться сам, – возразила графиня.

– Речь идет о такой безделице! – продолжал свое Гутс. – Это кольцо, – он указал на палец леди Эстер, – стоит не больше пятидесяти крон. Я готов взять его и забыть долг в сто крон. Очень выгодная сделка.

– Это кольцо, – леди Эстер сняла перстень и потрясла им перед носом упрямца, – фамильная драгоценность Бэклоу. И я не намерена отдавать его первому встречному из-за порочных наклонностей племянника, – графиня уже почти кричала.

На звук ее голоса прибежала Эмма, но не посмела войти. Сэр Джордж заволновался, не повздорит ли супруга с мосье Гутсом, не откажет ли ему от дома. А ведь он такой приятный собеседник! И прекрасно разбирается в винах...

Оставив свое кресло у огня, сэр Мортимер отправился в кабинет жены, чтобы успокоить бедняжку. В деревне так мало развлечений! Не стоит портить отношения с соседями.

Гутс схватил кольцо, но леди Эстер его не выпускала. Наглец, как он посмел!

– Мадам, если вы не хотите оплачивать долги племянника, продайте мне кольцо. Дешевая безделушка! Но я готов заплатить за нее значительную сумму. Подумайте. Назовите цену сами, – ровным голосом продолжал настаивать гость.

Леди Эстер вышла из себя.

– Я сказала, кольцо не продается! – крикнула она и рванула перстень к себе.

Не ожидавший этого Гутс выпустил кольцо, но и графиня не удержала его в руках. Еще недавно тусклый камень сиял солнечным светом.

Сэр Джордж открыл дверь, но не успел сделать и шагу, как вдруг кольцо в руке Эстер вспыхнуло. Гутс, склонившийся над столом, отпрянул. Звякнуло упавшее кольцо. Эстер исчезла бесследно...

Генка твердо верил, что, увидев «потерянную» Лилей записку, Гутс тут же вернется. Кирилл считал это вероятным, но все же не чувствовал такой уверенности. Все зависело от того, насколько Альфреду Эдуардовичу интересен огненный янтарин. Концентратор, по сути, обладал теми же возможностями, только имел меньшую мощность.

Обдумав разговор с профессором Светловым, он пришел к выводу, что концентратор не может существовать в единственном экземпляре. Кто отдаст уникальный прибор в руки малоизвестного человека? Пусть даже Альфред с коллегами

следил за ним некоторое время, наводил справки. Все равно он не мог знать, насколько Кирилл аккуратен и обязателен. Концентратор вполне мог валяться у него в столе все последнее время, в конце концов, Кирилл мог его потерять. Кто станет так рисковать?

Скорее всего, приборов несколько. Возможно, есть и другие носители концентраторов, собирающие для Альфреда и компании эмоциональную энергию. Тогда неуправляемый камень, конечно, представляет некоторый интерес, но не такой, чтобы ради него бросать свои дела.

Тем больше он был удивлен, когда встретил Гутса перед собственной дверью. Он провожал Генку, как всегда после обеда заскочившего к нему, чтобы посмотреть на Лию. Открыв дверь, он обнаружил на лестничной площадке Альфреда Эдуардовича.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Кирилл. – Вы знаете мой домашний адрес?

– Рад встрече, – ответил Гутс. – Я же говорил, мы навели о вас справки.

– Проходите, – спохватился Кирилл.

Генка, собиравшийся уходить, решительно повернул назад.

– Что случилось? – спросил Кирилл у Гутса.

– Эксперимент закончен. Я хотел забрать у вас концентратор, Кирилл Сергеевич, – спокойно ответил Гутс.

– Конечно, Альфред Эдуардович. Пойдемте в комнату, –

сказал огорченный Кирилл. – И как завершился эксперимент? Все хорошо?

– Благодарю вас, испытания прошли удачно.

– Альфред Эдуардович, я хотел еще спросить у вас, в каком институте разработан прибор? Признаюсь честно, я тоже хотел навести о вас справки, но вашего имени никто даже не слышал, – не торопясь вернуть прибор, спросил Кирилл.

Он понимал, что после получения концентратора Гутс тут же уйдет, и связь с Лилей оборвется.

– В этом нет ничего удивительного. Организация, разработавшая прибор, находится не на Земле, – буднично ответил Гутс.

– Вы... пришелец? – осипшим голосом уточнил Кирилл.

– Можете называть меня и так. Должен поблагодарить вас за отличную работу, – произнес Альфред.

– А скажите, почему ваш прибор показывает прошлое? – встрял Генка.

– Это побочный эффект при работе концентратора, – равнодушно ответил Гутс.

– Мы вас там видели! – воскликнул Генка. – Там еще девочка из нашего дома, Лиля. Помогите ее вернуть! Вы ведь сами вернулись, значит, и ее можете вытащить.

– Перемещение аборигенов не входит в мою задачу. В том, что девочка оказалась в прошлом, нет моей вины, – снова равнодушно заметил Альфред Эдуардович.

– Может, вы денег хотите? – догадался Генка. – Сколько

вам надо?

– Ваши деньги меня не интересуют.

– Тогда что? Чем мы можем вам заплатить? – Генка чувствовал, что пришелец сейчас уйдет, а Лиля останется во Франглии.

– У вас нет ничего, что представляло бы для меня ценность. Единственное, что меня интересует – эмоции. Но их вы собрали для меня даром. Давайте прибор, – бесстрастно потребовал Гутс.

– Ах, прибор ему давайте! – вскричал разъяренный Генка.

Он бросился к столу, выхватил из ящика концентратор и метнул в лицо Гутсу. И без того заряженный прибор подпитался охватившими друзей эмоциями. Но, в отличие от камня, это все же было искусственно сделанное устройство. От сильного сотрясения попавший Альфреду Эдуардовичу в лицо прибор начал разряжаться и выплеснул эмоциональный поток такой силы, что Гутс едва устоял на ногах.

– Получи, гад! – кричал Генка.

Кирилл с изумлением смотрел на непрошенного гостя. Альфред будто уменьшился в размерах. На нетвердых ногах он прошел к двери и с видимым усилием распахнул ее. Вывалившись на лестничную площадку, он не смог спуститься по ступеням, а просто покатился, нелепо взмахивая руками и звонко стучаясь головой.

– Он сейчас убьется совсем, – сказал изумленный Генка и хотел броситься вниз.

– Стой! – Кирилл схватил его за руку. – Это скафандр. Ничего с ним не будет.

Он решительно втянул Генку в квартиру и захлопнул дверь. Выяснить, верна ли его догадка, он не хотел.

– Что же теперь будет? – осипшим голосом спросил Генка.

– Придется рассчитывать только на камень, – ответил Кирилл.

Гутс катился по лестнице. Такой силы эмоций он не ощущал никогда. Он знал, что эмоциональные потрясения вредны для его организма, но никогда не думал, что может попасть в такой поток.

Скафандр держался из последних сил. Помятое лицо вряд ли подлежало восстановлению. Но Аии Феед думал сейчас о другом. Удастся ли ему выжить? Впервые в своей жизни он ЧУВСТВОВАЛ. Он испытывал одновременно страх, радость, любовь и боль. Эмоции кружились внутри, постепенно выстраиваясь по порядку. Страх за свою жизнь, радость, что удалось ее сохранить, любовь к самому себе и боль от перенесенного удара гнали его прочь. Прочь от этого дома! Прочь от эмоций! Прочь с Земли! Никогда, никогда больше ноги его не будет в мирах, где есть эмоции! Никакие доходы не стоят его жизни!

Глава 17. Ричард берет власть в свои руки

Машинально подобрав кольцо, сэр Джордж вышел из комнаты. Он скорее поразился, чем расстроился, когда жена исчезла. Мортимер, конечно, читал легенду о камне, но не слишком в нее верил, а тут вдруг старой сказке нашлось подтверждение. Как гласила легенда, исчезнувшие люди обратно не возвращались. А это значило, что теперь он свободен!

В течение нескольких недель после случая в домике нянюшки сэр Джордж боялся лишний шаг ступить из поместья, ни о каких свиданиях с Джулией не могло быть и речи, тем более что Лонгфильд запер жену дома и не разрешал ей ни с кем встречаться. Конечно, жаль, другой знатной дамы, за которой можно поухаживать, в окрестностях не было, но на худой случай подойдет и Жаннет. Только вот девушка слишком любит богатые подарки, а денег у него нет.

Жена пропала вместе с ключиком от сейфа, с которым она не расставалась. Это не так важно, он попросит кузнеца из деревни открыть сейф. В конце концов, он теперь полновластный хозяин в доме.

Не теряя времени, Джордж послал Эмму за кузнецом. Тот вскоре пришел и открыл дверцу сейфа, но к разочарованию Джорджа внутри оказались только украшения жены и доку-

менты. Их, конечно, можно продать или заложить, но он надеялся найти в сейфе накопления. Эстер же получала деньги от арендаторов, видимо, хитрая баба отвозила сборы поверенному в город.

Джордж стал думать, как ему поговорить с Поттсом, чтобы тот разрешил ему пользоваться доходами. В конце концов, Олдоакс – поместье Мортимеров, а Эстер лишь занималась хозяйством, как его супруга. Джордж решил написать Поттсу письмо, чтобы тот приехал вместе с деньгами, но не знал, где взять бумагу и перья. Тут в библиотеку вошел Фостер.

– Ваше сиятельство, к вам арендатор Петерсон, – сказал он.

– Ну что ему надо? Ладно, пусть войдет, – недовольно ответил сэръ Джордж.

В комнату ввалился немолодой крепенький коротышка. Его наполовину седые волосы торчали во все стороны, нос картошкой создавал впечатление простака, но маленькие, близко посаженные желтоватые глаза хитро и внимательно смотрели на хозяина.

– Добрый день, ваша светлость. А я к вам. Госпожи-то, мне сказали, нет, а кто мои вопросы решать будет?

– Что за вопросы? – Джордж потянулся в кресле и смачно зевнул.

– Так крыша в коровнике протекает, а на носу зима.

– И при чем тут я?

– Ну как же, коровы в холоде померзнут, заболеют и не будут молоко давать. А вы с меня спросите молоко и сметану. Вы уж прикажите мне крышу починить.

– Кому приказать?

– Так я не знаю. Госпожа работников в деревне нанимала, я сам с ними не знаком.

– Хорошо, Петерсон, ты иди. Я подумаю.

– Я уж надеюсь на ваше сиятельство, – сказал арендатор и вышел из комнаты.

«Вот еще задача, – подумал сэр Джордж, – где я ему рабочих найду и из каких средств платить им деньги?»

Фостер опять заглянул в библиотеку.

– Следующего пускать? – спросил он.

– А много их? – испугался Мортимер.

– С десяток. Госпожа всегда после завтрака их принимала.

– Ну зови.

Следующим вошел долговязый и сутулый Вилли Смит с чуть намеченной лысиной на вытянутом черепе. Он тоже вежливо поздоровался и перешел к делу:

– Ваше сиятельство, беда у меня. Овощи в этом году не уродились, не смогу я сбор полностью уплатить, и так голодать зимой придется.

– А что графиня делала в таком случае?

– Когда как. Чаще она денег давала для закупки овощей и от сбора освобождала.

– Так на вас на всех не напасешься, – усомнился сэр

Джордж, – ну ладно, иди пока. Я подумую.

Все-таки, очень утомительно принимать всех этих людей. И наговорить они могут что угодно. Нужно с кем-то посоветоваться. Мортимер вышел в холл и велел остальным просителям приходить после ланча. Пройдя по коридору, он пошел в комнату к Лили, где она в первой половине дня должна была писать письма. Правда, ей некому было писать, и она вместо этого читала рыцарские романы.

Лили вздрогнула, когда в дверь постучали.

– Дочь моя, это твой отец пришел поговорить, – раздался голос сэра Джорджа.

– Войдите, батюшка, – тихо сказала она.

Но боялась девушка напрасно: после удочерения сэр Джордж перестал проявлять к ней интерес, как к красивой девушке.

– Лили, душа моя, – произнес он, – тебе придется заняться делами. Твоя матушка исчезла, и теперь некому вести хозяйство, а там десять арендаторов пришли, каждый со своим вопросом.

– Хорошо, батюшка, я приму их.

– Откуда же ты возьмешь средства, чтобы им помогать?

– Матушка распорядилась, чтобы месье Поттс выделил мне некую сумму. Пока ее хватит, а потом я велю собрать ежегодную дань, которую нам должны отдавать арендаторы.

– Там у одного из них, Петерсона, кажется, крыша в коровнике прохудилась.

– Не беспокойтесь, батюшка. Я вызову к нему рабочих, они починят.

– Ты меня очень обяжешь, душа моя, это ведь совершенно не мужские дела. Тогда после ланча иди в библиотеку, а я отдохну у себя.

Сэр Джордж вышел и позвонил в колокольчик, чтобы ему принесли теплого молока, но никто не пришел. Эти слуги совершенно распустились. Пусть девчонка разберется с ними, надо ей сказать. При Эстер никто не позволял себе отлучаться, когда господа дома, а теперь они делают, что хотят.

Хорошо, что они удочерили Лили. Из нее, конечно, вышла бы прекрасная любовница, но теперь он ее отец. Зато девушка будет заниматься хозяйством и слугами. Это же совершенно не мужское дело.

Вот только что делать с ее замужеством? Эстер хотела выдать ее за Карла, но свадьба – это так утомительно. Может, пока подождать? Он же не собирается помирать, а значит, вопрос с наследником можно пока отложить. Нужно, чтобы Лили сама поговорила с женихом и объяснила, что у них траур – хозяйка пропала, свадьбу придется перенести на год вперед, а там видно будет.

А как теперь вести себя с Ричардом? Эстер его не жаловала. Пожалуй, денег он племяннику давать не будет, да у него и нет свободных средств, но принимать его в замке можно – все же родственник, потом он рассказывает всякие истории, которые Джорджа очень забавляют, и в карты хорошо игра-

ет. Надо спросить у Лили. Мортимер не мог взять на себя ответственность за такое решение, он привык во всем полагаться на жену.

Поттс долгие годы вел дела богатых семейств Франглии, и эта деятельность приносила ему немалый доход. Конечно, он не мог сравниться богатством с Мортимерами, но размер его собственного состояния удивил бы их, если бы они о нем узнали. Тем не менее, Поттс любил экономить. Все его существо восставало против неразумного расходования средств.

Вот и сегодня он собирался в Олдоакс, чтобы подписать у леди Эстер новое завещание. Графиня всегда оплачивала его расходы на дорогу из Лонгриджа и обратно, и это согревало душу Поттса. В конце концов, это же в ее интересах?

Наемный экипаж доставил поверенного к замку сразу после полудня. Отпустив извозчика, Поттс направился по подъездной аллее к дому. День выдался прохладный, а дорога была долгой и утомительной. Чашка горячего чая очень взбодрила бы старика, а надежда ее получить заставляла быстрее переставлять не слишком уже крепкие ноги.

Никого по дороге не встретив, Поттс постучал медным молотком в парадную дверь замка. Тотчас внутри послышались шаги, и на пороге появилась верная Эмма.

– Добрый день, месье Поттс, – удивленная горничная не смогла скрыть чувств.

– Могу я войти? – осведомился поверенный. – Доложите обо мне графине.

– Проходите, пожалуйста. Вот сюда, в гостиную. Боюсь, вам не удастся встретиться с миледи.

– Это почему же? – задиристо спросил поверенный. – Я привез ей на подпись завещание.

– Ах, сударь, вы еще не знаете о постигшем нас несчастье! – воскликнула служанка. – Леди Мортимер исчезла.

– То есть как «исчезла»? Что вы говорите, девушка? Уж не хотите ли вы сказать, что миледи изволила бежать из дома? – спросил ошеломленный Поттс.

– Ах, нет, конечно, нет. Сбылось проклятье кольца. Возможно, вы слышали о фамильной драгоценности Бэклоу. Ну вот, из-за него она и исчезла, – объяснила Эмма, но поверенный так ничего и не понял.

– Могу я видеть сэра Джорджа? – поинтересовался он. – Надеюсь, он не пропал?

– Да, я тотчас доложу о вашем приезде, – Эмма проводила поверенного и убежала.

Полученная информация заставляла задуматься. Что бы не значило странное заявление о проклятье, очевидно, что графини в доме нет. Интересно, что скажет об этом сам граф? И какие действия следует предпринять ему, Поттсу, чтобы соблюсти интересы своей клиентки?

Задумавшись, поверенный не сразу заметил появление сэра Джорджа. Граф, несколько побледневший и осунувшийся, вошел в комнату совершенно неслышно.

Поттс поднял глаза и обнаружил хозяина дома стоящим

перед его креслом.

– Дорогой граф! Ваша горничная сообщила мне странную новость. Что случилось с вашей супругой? Могу ли я вам чем-то помочь? – с чувством воскликнул поверенный.

– Боюсь, что дела наши плохи, Поттс. Эстер пропала. Пропала так, как сказано в легенде. На кольцо упал луч света – и все. Эстер как не бывало. Что теперь делать, ума не приложу, – вздохнул сэр Джордж.

– Довольно странно. В это трудно поверить. Вы точно знаете, что во всем виновато кольцо? – осторожно спросил Поттс.

– Кольцо – не кольцо... А что же еще? Все произошло на моих глазах, да и не только моих. И Лили, и Эмма, эта всегда появляется, что бы в доме не случилось. Ах, да что говорить! Главное – Эстер нет, и куда она делась, неизвестно. А тут еще эти хозяйственные работы, Ричард требует содержание, то да се. Жених Лили хочет назначить день свадьбы, но кто ее будет организовывать? Да и вообще, это неприлично. Нужно ли объявлять траур? Или Эстер вернется? Но до нее никто не возвращался! Что делать?! – горестно забормотал сэр Джордж.

Сэр Мортимер и сам не мог сказать, когда радость от обретенной свободы сменилась легкой печалью. Все-таки они прожили с Эстер немало лет. И при ней все в доме работало, как часы.

– Ну, ну, дорогой граф, не переживайте. Вернуть вам су-

пругу я не в силах, но помочь в денежных вопросах могу. Если вам будет угодно, я готов посвятить всех заинтересованных лиц в распоряжения леди Эстер, описать материальное положение семьи и ответить на все вопросы. Полагаю, вам станет легче, когда вы во всем разберетесь. Хорошо бы только выпить чашечку чая, я продрог по дороге, – решился на просьбу Поттс.

– Да, конечно. Эмма! Подайте месье Поттсу чаю и что там еще полагается и пригласите всех пройти в кабинет графини. Через четверть часа мы тоже туда подойдем. Месье Поттс расскажет нам, какими средствами мы располагаем, – повторил сэра Джордж слова поверенного. По крайней мере, от него сейчас не требовалось принимать никаких решений.

Чаепитие не заняло много времени. Видя, как взволнован граф, Поттс решил быстрее прояснить ситуацию, а заодно и уточнить, что же случилось с графиней.

В кабинете собрались Лиля, Карл и Ричард, которого сэра Джордж успел известить о пропаже тетушки, а тот поспешил в Олдоакс в надежде занять у Мортимера немного денег. Присутствие опального племянника хозяйки несколько удивило поверенного, но возражать он, конечно, не стал. Дождавшись, пока сэра Джордж устроится в кресле, он начал:

– Любезные господа! Я с прискорбием узнал о постигшем вас несчастье.

– Это еще как сказать! – воскликнул Ричард, и Лиля вскинула на него глаза. – Надеюсь, всем нам станет теперь лучше.

– М-м-м... – протянул Поттс. – Позвольте ознакомить вас с состоянием дел.

– Тетка умерла, и я хочу знать, когда получу свои денежки, – снова перебил его Ричард.

– Боюсь, ваше утверждение несколько преждевременно, – ехидно парировал Поттс. – Для признания вашей тетушки покойной необходимо предъявить тело. Поскольку, как я понимаю, сделать вы этого не можете, леди Эстер считается отсутствующей. Объявить ее умершей можно лишь через семь лет, если она до этого времени не вернется. Так что не торопитесь.

– Как? – вскричал Ричард, но осекся под тяжелым взглядом сэра Джорджа.

– Позвольте мне продолжить, – сказал поверенный. – В отсутствие леди Эстер материальное положение семьи таково: вы, Ричард Бэклоу, получаете содержание из средств, находящихся под опекой леди Мортимер. Содержание будет выплачиваться вам по-прежнему, однако не одновременно, а четырьмя частями в течение года. Средства, получаемые от поместья, являются собственностью сэра Мортимера. Он может затребовать их или оставить у меня, чтобы я производил выплату налогов и всех необходимых отчислений. Часть, выделяемая на текущие расходы, будет в этом случае выдаваться так, как было при леди Эстер.

– А сколько всего денег у тетушки? И кому они достанутся по наследству? – не выдержал Ричард.

– До этого еще далеко, но я вам отвечу, – важно произнес Поттс. – Вы не получите ничего.

– То есть как?! – взревел Бэклоу.

– Как в старом завещании вашей тетушки, так и в новом, которое она не успела подписать, указано, что по ее кончине доля, выделенная Бэклоу, перейдет вашим детям, если таковые будут. Условием их получения графиня указала вашу женитьбу на выбранной ею невесте. В случае такого брака вашей жене перейдет сумма, достаточная для содержания поместья. Основная же часть назначенного Бэклоу наследства может быть получена только вашими детьми.

Сумму в пятьсот тысяч крон наследует сэр Джордж. Мадемуазель Лили должна была бы получить по завещанию двести тысяч. Однако в связи с ее скорым замужеством на ее счет переведена значительная сумма, указанная девица в день свадьбы станет обладательницей ста тысяч крон. Таковую же сумма составляет ее приданое, которое получит ее супруг. Вот и все распоряжения. Да, забыл сказать. Если свадьба с мадемуазель Аркадией не состоится, назначенная Бэклоу сумма будет передана благотворительной организации для строительства дома призрения.

– Что за бред! А каковы суммы, назначенные моей будущей жене и детям? – уже спокойнее спросил разозленный Ричард.

– Леди Эстер специально оговорила в завещании, что вы не должны знать этих сумм. Но уверяю вас, суммы очень зна-

чительные, – важно произнес поверенный.

– Вот старая карга! – вскричал Ричард.

– Я бы попросил, племянничек, держать свои чувства при себе, – недовольно произнес сэр Джордж.

Ричард вскочил и выбежал из комнаты. Ему хотелось ударить поверенного, а лучше свернуть ему шею. Но это не изменило бы теткинх распоряжений. Даже сейчас она умудрялась отравлять ему жизнь!

Всю следующую неделю Ричард Бэклоу, как и обычно, проводил время в «Приюте одинокого рыцаря», потягивая монастырское пиво и покуривая сигару. В соседнем зале джентльмены играли в карты, но у него не было на это денег, и никто не хотел их ему одолжить. Жадный пошел народ, решил сэр Ричард, и неуважительный. Где это видано, чтобы благородному дворянину не давали возможности сыграть в карты?

Неожиданно в библиотеку зашел дворецкий и сказал, что к сэру Бэклоу пришел посетитель. Это крайне удивило скупающего Ричарда.

– Пусть войдет, – распорядился он.

В комнату вошел Джек, кучер Мортимеров. Он смиренно поклонился и произнес:

– Здоровья вам, господин. Меня прислал хозяин, граф Мортимер.

– Ну и что же от меня хочет старый пень?

– Их сиятельство приглашает вас в имение к обеду.

– Ну вот, как тетка пропала, меня хоть в замок приглашать будут.

– Граф решил, что вы имеете право его посещать.

– Обед хоть вкусный намечается? – лениво спросил Ричард.

– Конечно. Но еще граф хотел с вами поговорить.

– О деньгах, надеюсь? – Бэклоу вспомнил о том, что приближается день выплаты ему содержания.

– Не могу знать.

– Ну что ж, поехали к графу.

Ричард резво вскочил с кресла и пошел к выходу. Кучер пропустил его и вышел в дверь вслед за ним.

Джек умело погонял лошадь, и через полчаса они уже выехали из города, который был погружен в послеобеденный отдых. Теплый ветерок вернувшегося бабьего лета сдувал со лба пассажира темные волосы, осенняя тишина природы умиротворяла. В лесу слой желтых и красных листьев причудливым ковром застелил дорогу. Когда коляска выехала из леса и остановилась у ворот Олдоакса, Бэклоу быстро вылез и пошел по тщательно подметенной аллее к главному входу. На боковой дорожке он увидел вновь обретенную кузину Лили и неприятно с ней поздоровался, она испуганно ответила на приветствие.

Сэр Джордж в биллиардной сам с собой гонял шары, когда Фостер проводил к нему племянника леди Эстер.

– Дорогой Ричард, я рад тебя видеть, – воскликнул Мор-

тимер, – я так расстроен из-за Эстер!

– Я знаю, дядюшка. Нельзя ли как-то похлопотать, чтобы я все-таки получил деньги Бэклоу?

– О чем ты говоришь, Ричард? У нас горе, а ты про деньги!

– Дядюшка, простите меня. Просто с пропажей тетушки возникает множество проблем. Она же контролировала все средства рода Бэклоу, а мне нужны деньги, чтобы содержать поместье.

– Дорогой племянник, как ты знаешь, у леди Эстер были вполне определенные планы относительно тебя. Ты должен жениться, и тогда деньги будут переданы твоему сыну. На содержание тебя и твоей жены тоже запланированы необходимые выплаты. Поверенный все тебе объяснил, зачем ты опять начинаешь этот разговор?

– Тетка и невесту мне подобрала. А если она мне не нравится?

– Милый племянник, я не буду сейчас с тобой спорить. Ты все тщательно обдумай, а потом мы поговорим. А пока пойдем узнаем, скоро ли подадут обед.

– Вы идите, дядюшка, а у меня тут есть еще одно дельце.

– Хорошо, я жду тебя в столовой.

Ричард выбежал в парк и стал искать Лилию, но она уже ушла оттуда. «Пошла переодеваться к обеду», – понял Бэклоу и вернулся в дом. Он поднялся на второй этаж и пошел к спальне девушки. Подергав ручку, Ричард убедился, что дверь заперта.

– Кто там? – раздался тонкий голосок.

– Ваш любящий кузен, – ответил племянник графини.

Лили отперла дверь. Она была одета в нежно-голубое платье, а на ее шее переливалось разными цветами жемчужное ожерелье.

– Какое милое украшение! – заметил Ричард, – по-моему, я видел его на тетушке.

– Она дала его мне поносить, – без тени смущения ответила девушка.

– А я пришел его забрать. И не только его. Прошу дать мне шкатулку с тетушкиными драгоценностями, поскольку после ее кончины я являюсь первым наследником.

– Матушка не умерла. Она наверняка вернется. И в любом случае, она не уполномочивала меня отдавать вам драгоценности.

– Если вы не отдадите мне все, я возьму сам.

– Вряд ли у вас получится. Все лежит в сейфе, а ключ от него графиня всегда носит с собой. Он пропал вместе с нею.

– Тогда я взломаю сейф.

– А я вызову полицию. В этом доме все знают, что леди Эстер вас не принимала. Она была далека от того, чтобы оставить вам свои драгоценности или деньги.

– Кстати, о деньгах. Она, кажется, положила определенную сумму на ваше имя, поскольку вы втерлись к ней в доверие и заставили себя удочерить. Я хочу иметь эти деньги.

– На эти деньги в отсутствие матушки я веду хозяйство и

вам их не отдам.

– А я скажу о вашем поведении сэру Джорджу.

– Боюсь, что и он не заставит меня действовать вопреки воле своей жены.

Злобно чертыхнувшись, Ричард развернулся и пошел в столовую. Нужно заставить эту наглую девчонку поделиться с ним деньгами и драгоценностями, но пока он не знал, как это сделать.

Утром Ричард проснулся с больной головой – вчера они с дядюшкой Мортимером сильно перебрали бренди. Он давно не напивался, поскольку ему не отпускали вино в долг в лавке и не поили в кредит в кабаке несмотря на то, что тетушка оплатила его прежние долги. Только в «Приюте одинокого рыцаря» он мог себе позволить бокал бренди. Там уважали благородных посетителей и пока не отказали ему в кредите, хотя скоро это может прекратиться.

Тетка должна была выплатить ему содержание, но пропала чуть раньше, чем следовало. Это, конечно, не так важно, ее муж наверняка исполнит обязательства по отношению к племяннику жены. Но мера эта временная, Ричард хотел обогатиться основательно. И тут в голову сэра Бэклоу пришла замечательная мысль. Он резко сел в кровати, отчего закружилась голова, и позвонил в колокольчик.

Почти сразу в комнату вошел личный слуга Ричарда Чарли.

– Вот что, помоги мне одеться и умыться, и распорядись,

чтобы подали горячего шоколада. Пока я буду его пить, скажи кучеру, чтобы подготовил коляску. Я еду в Олдоакс.

Пока слуга лил из кувшина воду на руки хозяина, тот обдумывал свой план. Он был уверен, что его мысль понравится всем.

Когда посвежевший сэр Бэклоу вышел во двор, кучер Мартин уже подал к главному входу коляску. Он был недоволен тем, что уже третий месяц не получает жалования, но перечить хозяину не решался. Ричард, однако, заметил понырый вид слуги и ободрил его:

– Не хмурься, Мартин. Когда у меня выгорит дело в Олдоаксе, я заплачу тебе жалование за все пропущенные месяцы, и остальным слугам тоже.

Бэклоу был так воодушевлен своей идеей, что не замечал морозящего осеннего дождя и довольно сильного ветра. В имении Мортимеров по случаю неважной погоды никто не гулял по парку, даже садовник не копался, по своему обыкновению, в земле. Кучер въехал в ворота и довез хозяина до главного входа в замок. Дверь открылась, и дежуривший у входа привратник поклонился Ричарду, что еще больше уверило того в своей значимости.

Подошедшая на звук голосов Эмма проводила гостя в кабинет к сэру Джорджу, где тот с Лилей вместе проверял счета за продукты.

– Здравствуйте, дорогие родственники, – радостно сказал Бэклоу, – рад, что вы оба в добром здравии.

– Добрый день, племянник, – слабым голосом отозвался сэр Джордж. Видимо, он тоже страдал от похмелья после вчерашнего совместного обеда.

Лиля сдержанно поздоровалась с кузеном.

– Как вы знаете, после исчезновения дорогой тетушки я стал единственным представителем рода Бэклоу и вправе принимать все важные решения.

– Конечно, Ричард, кто спорит, – поддакнул ему Мортимер.

– Так вот, я решил сам жениться на вас, дорогая кузина. Это будет весьма полезный брак для нас обоих. Вы получите возможность жить в имении Бэклоу, или мы оба останемся здесь, как хотите. Но главное, наш будущий сын станет наследником имения Бэклоу.

– Вы с ума сошли?! – воскликнула Лиля, – ко мне уже приехал жених!

– Лили, дорогая, подожди, – неуверенно произнес Мортимер, – возможно, это не такая плохая мысль. Ричард получит твое приданное, которое гораздо больше денег, которые дают за Аркадией, а ты приобретешь для наших потомков право распоряжаться имением Бэклоу.

– Да я никогда в жизни не выйду за вас! – крикнула Лиля Ричарду.

– И будете дурочкой, – невозмутимо ответил ей Бэклоу, – не каждый раз безродную бродягу берет замуж знатный господин. Да ты знаешь, что род Бэклоу известен уже более

трехсот лет? И ты, оборванка, станешь знатной дамой и матерью маркиза. Короче, я теперь хозяин и я так решил.

– Племянник, дорогой, но что же мы скажем Карлу? – робко спросил сэр Джордж.

– Мы подыщем ему другую невесту, да хоть Аркадию. Она вполне его стоит.

По лицу Лили потекли слезы. Она понимала, что нет никого, кто заступился бы за нее. Эмму, которая любит ее как сестру, никто не слушает, а леди Эстер пропала.

– Не реви, а готовься к свадьбе, но не трать слишком много денег, они мне понадобятся для других целей, – важно сказал Ричард, – вот что я думаю: свадьбу устроим скромную, венчаться будем в деревенской церкви, а потом ваша кухарка устроит нам скромный ужин для самых близких родственников и соседей.

– А кто будет посаженной матерью? – спросил Мортимер.

– Поскольку тетушка отсутствует, пригласим на эту роль леди Лонгфильд.

– Но ее муж не разрешает ей выезжать из имения.

– Думаю, для такой цели он ее отпустит. Лили, подготовьте список гостей и меню. Его передайте на кухню, чтобы кухарка закупила продукты. Дядюшка, пошлите кого-нибудь в деревню договориться со священником о дне и времени церемонии.

– Дорогой родственник, я не думаю, что нужно так торопиться, – возразил сэр Джордж.

– Ошибаетесь, мне некогда ждать. Мне нужны деньги на содержание поместья. Кстати, не забудьте выдать мне содержание, которое должна была мне предоставить тетушка.

– А платье невесты? – спросил Мортимер.

– Пусть она наденет голубое, оно вполне подойдет для свадьбы.

Лиля поняла, что ее будущий муж будет считать каждую копейку и тратить деньги только на себя. Но не это ее беспокоило – осталось очень мало времени. Если Генка не придумает, как ее спасти, она станет женой мерзкого, нелюбимого человека.

Возражать было бесполезно, и девушка пошла в свою комнату составлять список гостей. Она хотела что-то придумать, что отложило бы свадьбу, но пока ничего не приходило ей в голову.

Ричард же попросил у дядюшки перо и бумагу и направился в кабинет леди Эстер писать письмо бывшей невесте, которая уехала вместе с отцом еще до исчезновения графини. Письмо гласило:

«Дорогая мадемуазель Аркадия Стоун,

Имею несчастье сообщить Вам, что наша свадьба не может состояться, поскольку в нашей семье произошла беда – при таинственных обстоятельствах пропала моя тетушка, леди Эстер. Ее ищут, но пока надежды на ее возвращение мало.

Теперь я должен жениться на ее приемной дочери, чтобы управлять сразу двумя именьями – Олдоаксом и Бэклоу.

Других кандидатур, которые могли бы нести этот тяжелый крест, к сожалению, нет.

Очень прошу Вас не хранить на меня обиду за это непростое решение. К тому же, я, как представитель семей Бэклоу и Мортимер, предлагаю Вам рассмотреть в качестве кандидатуры на роль жениха родственника сэра Джорджа – Карла Мортимера. Это очень достойный человек, который наследует имение Олдоакс после смерти дядюшки.

С превеликим уважением и пожеланием доброго здоровья Вам и Вашим близким, сэр Ричард Бэклоу».

Карл все еще гостил в замке Мортимеров, поэтому Ричард решил поговорить с ним лично.

Глава 18. Дуэль

Фостер сидел после обеда в своем кабинете и писал письмо матушке, когда на стене зазвонил колокольчик.

«Странно, – подумал он, – кто может меня вызывать в отсутствие леди Эстер?» Но все же он поднялся и пошел на зов в кабинет графини. Там Ричард Бэклоу пытался открыть сейф хозяйки.

– Помоги мне, – приказал Бэклоу Фостеру, – принеси какую-нибудь отвертку.

– Не могу, ваше сиятельство, – ответил секретарь, – это сейф леди Эстер. Она никому не разрешает его открывать.

– Но теперь твой хозяин я, и я тебе приказываю!

– Вы мне не хозяин. Это замок Олдоакс, и здесь командует сэр Джордж.

– Идиот! – выругался Бэклоу, – скоро я стану здесь хозяином и уволю тебя! Как только я женюсь на Лили, я всем здесь покажу, что значит подчиняться дворянину.

С этими словами взбешенный Ричард вышел из кабинета графини. Энтони же подумал, что стоит перебрать бумаги госпожи, чтобы точно узнать ее планы и исполнить их. Он не сомневался, что графиня не может исчезнуть навсегда.

Секретарь запер кабинет на ключ, затем достал из нагрудного кармана маленький ключик и открыл сейф. На драгоценности он не стал смотреть, а только вынул на столик бу-

маги.

В отдельном конверте лежали бумаги с пометкой «Ричард». Фостер вынул их и увидел, что там лежат все долговые расписки Бэклоу. Это не было новостью для Фостера, поскольку он сам помогал хозяйке их получить, зато с помощью этих долговых обязательств Фостер мог держать племянника графини в узде.

Фостер положил расписки обратно в конверт, вместе с другими бумагами снова разместил в сейфе и запер его. Ключик он спрятал в одежде.

Он не мог допустить, чтобы бедняжка Лили вышла замуж за наглого игрока и любителя выпить. Раньше Фостер не слишком жаловал Лили, поскольку она, безродная выскочка, стала дочерью хозяйки, ничем не заслужив этого. Но теперь положение изменилось.

Чтобы расстроить свадьбу, Энтони достаточно показать расписки хозяину. Леди Эстер не делилась с мужем своими секретами, а иногда это было необходимо.

Затем секретарь пошел к комнате Лили. Он робко постучал в дверь. Девушка открыла. Ее лицо было заплакано, а в руках она держала список приглашенных на свадьбу. Фостер понял это, поскольку только над этой бумагой безутешная девушка могла так горько рыдать.

– Здравствуйте, госпожа. Я пришел помочь вам.

– Чем вы можете помочь, милый Фостер?

– Я могу расстроить вашу свадьбу с Ричардом Бэклоу. Он

– непорядочный человек.

Вместе с этими словами в голову Фостера пришла великолепная мысль: он расстроит свадьбу Ричарда и сам женится на Лили. В этом нет ничего невозможного – он привлекательный молодой человек, имеющий успех у дам. Лили так молода, вскружить ей голову ничего не стоит! Нужно только исправить о себе впечатление, которое он создал постоянным игнорированием девушки, пока она еще не стала мадемуазель Мортимер.

Фостер уже представлял себе, как он с Лили в карете едет на прием к соседям, она в бальном платье с бриллиантами на шее, он – в смокинге. Они подъезжают к воротам, привратник открывает им двери, слуги кланяются в пояс. К карете подбегает леди Джулия и весело их приветствует, Фостер целует ее в щеку. Затем в бальном зале они с Лили танцуют вальс, все приглашенные хлопают им в ладоши.

– Это чью свадьбу ты собираешься расстроить?! – прогремел рядом голос Ричарда и вывел секретаря из мечтательного настроения.

– Вашу, сэръ. У меня есть доказательство, что вы по уши в долгах и хотите использовать приданное Лили на их погашение!

– Ах ты негодяй! Нет у тебя ничего, не ври! – вскрикнул Ричард и залепил Фостеру пощечину.

Лилия громко ахнула, а секретарь покачнулся и отошел.

– Я докажу всем, что вы наглый пройдоха! – крикнул он и

быстро пошел к себе. Щека горела, а душа требовала мести. Фостер стал думать, как ему уничтожить Ричарда в глазах общества. Это не так и трудно – его уже нигде не принимают. Пожалуй, он отнесет расписки в газету, такой горячий материальчик там примут с удовольствием. Надо снять с них копии и отправить с утренней почтой. Подлеца выгонят из Олдоакса!

А Фостер начнет ухаживать за Лили и вскоре женится на ней. Правде, есть еще Карл Мортимер, но вряд ли он захочет возобновить помолвку после того, как его отвергли.

Мысли о Лили не давали Фостеру покоя. После приезда поверенного он грезил о богатстве. Он уверовал, что исчезновение госпожи – это добрый знак. Недаром именно он нашел девчонку в парке, ему она обязана сначала местом служанки, а теперь и положением дочери Мортимеров. И при этом их отношения сложились крайне неудачно. Фостер предпочитал не вспоминать, что это именно он следил за девушкой, надеясь обнаружить что-нибудь, что позволило бы очернить ее в глазах графини. Не стоило удивляться, что Лили платила ему неприязнью. И вот теперь хорошее отношение девушки могло бы сделать его богатым человеком. Не даром говорят, не плюй в колодец!

Как добиться ее расположения? Девчушка симпатичная, со спокойным характером, а сто тысяч крон делают ее просто удивительно привлекательной! И если уж на то пошло, Фостер считал, что у него гораздо больше шансов добить-

ся ее расположения, чем у Ричарда Бэклоу. Этот грубиян и пьяница так уверен, что все будут ему подчиняться! Но сэра Джорджа переубедить ничего не стоит, достаточно сказать ему, что леди Эстер, когда вернется, обвинит во всем графа – и он тотчас откажет Ричарду. Вероятно, брак Лили с ним самим она тоже не одобрит, но сделать уже ничего не сможет. Да и когда еще она вернется, откровенно говоря...

Чтобы сделать Лили приятное, Фостер купил в лавке в ближайшей деревне новый рыцарский роман, не пожалел полкроны. Хозяин выписывал ежемесячно несколько книг в столице специально, в расчете, что слуги Мортимеров или Лонгфильдов приобретут новую вещь для своих господ. Роман про любовь – то, что нужно. Пусть у малышки будет в жизни хоть что-то приятное... Еще пару пенсов Фостер потратил на открытку, на которой написал: «Несравненной и очаровательной леди Лили от преданного друга. Энтони Фостер». Открытку он вложил в книгу.

Лиля сидела в гостиной и читала. Сэр Джордж, последнее время предпочитавший не оставаться один, дремал в кресле у камина. Фостер вошел неслышно, стараясь не разбудить хозяина.

– Мадемуазель Лили, позвольте преподнести вам этот роман, – сказал он. – Он только что поступил в продажу. В библиотеке его пока нет.

– Благодарю вас, – ответила удивленная Лиля и встала, чтобы отнести подарок к себе в комнату.

Она вышла из гостиной, а Фостер, глядя на сэра Джорджа, задумался о том, как шатко его положение. Он – секретарь леди Эстер, и останется в доме ровно до тех пор, пока граф не решит, что его супруга уже не вернется. Следует поторопиться с Лили и убедить хозяина не давать воли Бэклоу. В ожидании графини сэр Джордж воздержится его увольнять. Но для этого наглеца Ричарда надо отвадить от дома.

Граф поерзал в кресле и открыл глаза. Ему снилось, что супруга вернулась и узнала, что он принимал Ричарда. Ее грозный взгляд и очевидное недовольство помешали ему спать. Но, проснувшись, он с удивлением обнаружил, что предпочел бы увидеть разъяренную жену, а не вспоминать, что ее больше нет.

– Что вы хотели, Фостер? – спросил он.

– Ничего, ваша светлость. Я пришел узнать, нет ли у вас распоряжений для меня, но не хотел вас тревожить.

– Ах, Фостер, мне ничего не нужно. О делах поместья позаботится Лили. Пока Эстер нет, ей придется самой выполнять обязанности хозяйки. Как вы думаете, есть ли шанс, что Эстер вернется?

– Полагаю, это вполне возможно. Конечно, легенда об этом не говорит, но ведь она рассказывает только об удивительном исчезновении, а возвращение – дело обычное и недостойно, чтобы о нем слагали легенды, – ответил Фостер.

– Вы правда так думаете? – с надеждой спросил осиротевший граф.

– Я бы немного подождал, прежде чем предаваться унынию. Возможно, леди Эстер не задержится надолго. Надо только набраться терпения, – Фостер старался не перегибать палку, но все же вселить в сэра Мортимера веру на воссоединение с супругой.

– Вы правы. Вы, конечно, правы. Я несколько растерялся, но, бесспорно, Эстер будет недовольна, если я пушу дела на самотек. Но значит ли это, что надо назначить день свадьбы Лили и Карла? К тому же, я уже согласился с планами Ричарда! – Джорджу не хотелось никаких перемен, вдобавок приемная дочь взяла на себя заботу о поместье.

– Леди Эстер, я думаю, хотела бы сама устроить свадьбу дочери. Можно сказать Карлу Мортимеру, что из-за отсутствия графини венчание придется немного отложить. Я уверен, он не станет возражать. Он тоже огорчен исчезновением леди Эстер.

– Да, так мы и сделаем. Я сам скажу ему, что все договоренности в силе, но придется немного подождать. Я уверен, если это зависит от Эстер, она постарается не отсутствовать слишком долго, – заключил принявший решение сэр Джордж.

Слова секретаря дарили графу надежду на возвращение супруги. Для этого не было решительно никаких оснований, но сэр Джордж готов уже был простить жене все неприятности, лишь бы вернуть прежнюю, такую спокойную и устроенную жизнь.

Удовлетворенный Фостер вышел из гостиной и увидел Ричарда, беседовавшего с Лили. При виде его девушка вышла, а Ричард повернул к нему странно побелевшее лицо.

– Фостер, вас-то мне и надо. Я хотел обсудить с вами кое-какие дела. В конце концов, вы были ближе всех к покойной тетке. Не составите ли мне компанию? После обеда я собираюсь в кабачок, там можно спокойно поговорить, не опасаясь посторонних ушей, – с наигранным дружелюбием спросил Бэклоу.

Фостер понял, что негодяй прочел надпись на открытке, вложенной в книгу. Наверно, Лили показала ему подарок или он сам увидел в ее руках новый роман. Что ж, так даже лучше. Придется растолковать ему, что сэр Джордж не намерен выдавать за Бэклоу свою приемную дочь. Надо постараться обойтись без скандала, но даже если не удастся, то крики и драка в кабаке не произведут такого впечатления на присутствующих, какое вызвали бы в Олдоаксе.

– Конечно, сэр Бэклоу, я готов, – сдержанно ответил Фостер.

Отобедав, сэр Джордж поднялся к себе, Лилия ушла в парк, а Ричард, убедившись, что Фостер не передумал, вернулся в Бэклоу. Ему надо было проинструктировать верного Чарли. Тот и так уже немало знал о грешках своего хозяина, так что его можно было не опасаться. К тому же, без него Ричарду было не справиться.

Вскоре Ричард вышел в парадные двери к ожидавшему его экипажу. Чарли сидел на козлах. Через полчаса они снова были в Олдоаксе. Ричард закурил и стал ждать появления Фостера. В кармане у него лежал плотно закупоренный пузырек с морфием, но предстоящее дело не горячило кровь. Он провернул уже столько рискованных сделок, что мог хладнокровно смотреть в глаза будущей жертве. К тому же, они с Чарли все хорошо продумали.

Фостер вышел из парадной двери, когда Ричард почти уже докурил сигару.

– Я к вашим услугам, сэр, – сказал он.

Мужчины сели в коляску, и Чарли взялся за поводья. До кабачка в соседней деревне, который выбрал Ричард, езды было не больше часа.

– Я полагаю, вы понимаете, зачем я вас пригласил? – не выдержал Ричард. – Теперь, когда тетки нет, все будет по-другому. Вам нет места в Олдоаксе, но вы можете стать моим секретарем, если будете хорошо себя вести. Я решил жениться на Лили. Конечно, девчонка не достойна такой чести, но мне нужны деньги. Видите, как я с вами откровенен?

– Леди Эстер не одобрила бы этот брак, – возразил Фостер.

– Мне плевать. Тетки нет, и все будет по-моему, – заявил Ричард.

– Боюсь, вы торопитесь. Леди Мортимер может вернуться. Но даже если этого не произойдет, признать ее погибшей

нельзя еще много лет, – возразил Фостер. – К тому же у мадемуазель Лили есть жених.

– Ему я откажу. Я теперь глава семьи. В самом деле, не ждете же вы, что этот тюфяк Джордж будет заправлять всеми делами? Никто не сможет мне помешать, так что вам лучше подчиниться и помалкивать

– Я могу помешать вам. Все ваши долговые расписки у меня в руках, и я собираюсь их опубликовать, – в сердцах выкрикнул Фостер.

– Вот как? Ну что ж, я постараюсь, чтобы вам это не удалось, – нагло заявил Ричард.

Фостер смолчал. Он вовсе не хотел устраивать скандал, к тому же помешать ему Ричард не мог, так как копии расписок вместе со своим письмом Фостер утром отправил в редакцию Лонгридж Ньюс. Ошеломленный привалившей ему удачей редактор обещал поставить этот материал в воскресном выпуске, чтобы как можно больше читателей смогли ознакомиться со скандальными новостями. Газете это сулило высокие тиражи, а Фостеру – вознаграждение от редакции. Однако Фостер не знал, что редактор решил сначала проконсультироваться с леди Мортимер, и опубликовать расписки Ричарда только в случае ее согласия. В издательстве еще ничего не знали о пропаже леди Эстер.

Коляска остановилась у кабачка. Ричард вышел и нетерпеливо посмотрел на Фостера. У того не было другого выхода, как выйти тоже и присоединиться к Бэклоу. В отличие от

Ричарда, он вовсе не хотел заработать репутацию скандалиста. Кто знает? Может быть, ему еще придется искать новое место, и доброе имя при этом – самое главное.

Молодые люди вошли в кабак, а Чарли устроился на травке, готовый по первому зову вернуться на козлы.

– Две пинты пива мне и моему другу, – крикнул Ричард. – Сегодня плачу наличными.

Фостер не знал, как себя вести, и пиво оказалось кстати. Он сидел, опустив лицо и понемногу тянул крепкий напиток, стараясь совладать с чувствами. Что Ричарду от него нужно? Ведь не ждет же Бэклоу, что он будет ему помогать разорять графа? Или хочет получить свои расписки? Но и это ему не светит.

Фостер не был уверен, что леди Мортимер вернется, но в его интересах было поддерживать уверенность в сэре Джордже. Бэклоу надо изгнать из Олдоакса, а там, глядишь, он завоюет расположение Лили. Тогда граф не станет возражать, чтобы девочка вышла за него. Карл на днях уедет и не сможет ему помешать.

Фостер несколько приободрился.

– Что, еще по одной? – спросил Бэклоу.

– Пожалуй, – согласился Фостер.

– Еще пива и мяса, побольше и погорячее. А то мой приятель с непривычки захмелеет, – проорал Ричард.

Через несколько минут слуга принес тарелки, большое блюдо с мясом и две полные кружки. Пока Фостер накладыв-

вал себе мясо, Ричард достал из кармана заветный пузырек. Протянув руку за кружкой и загородив ей вторую, он быстро выплеснул жидкость в пиво. Быстрый взгляд на Фостера убедил Бэклоу, что тот ничего не заметил.

– Не стоит ссориться, – протягивая кружку секретарю, сказал он. – Тетки теперь нет, вам может потребоваться работа. Не следует отказываться от дружбы с теми, кто судьбой поставлен выше вас.

Фостер, чтобы не отвечать, отхлебнул из кружки. Горячее мясо со специями пришлось очень кстати, вкус пива не показался ему странным.

Ричард старался не следить за секретарем, но невольно бросал на него осторожные взгляды. Не выпив и половины, Фостер поставил кружку. Перед глазами все плыло.

«Слишком много и слишком крепко для меня», – думал он.

Комната странно увеличилась и поплыла, покачивая его, как на волнах. Вокруг слышались голоса, но смысла Фостер не улавливал.

Ричард потряс его за плечо.

– Что случилось, дружище? – спросил он и поднес к губам Фостера недопитую кружку. Но тот даже не пытался отхлебнуть.

– Так я и знал! – вскричал Бэклоу. – Совершенно не умеет пить!

Бросив на стол купюру, он потребовал от подбежавшего

слуги позвать его кучера. Вдвоем с Чарли они взяли Фостера под руки и повели к выходу.

– Придется везти его домой! Навязался слабак на мою голову! – громко вещал Ричард.

Загрузив секретаря в коляску, Бэклоу влез следом, а Чарли уселся на свое место и стегнул лошадей. Но коляска направилась вовсе не к Олдоаксу. Чарли гнал лошадей прочь от кабака, к дальнему лесу. На дворе смеркалось, осенние дни коротки. Почти в полной темноте они въехали в лес. Остановив повозку, заговорщики вытащили Фостера и поволокли его, не способного даже переставлять ноги, в густые заросли кустов. Тащить было тяжело, поэтому они отошли от дороги метров на пятьдесят, не больше. Огня не зажигали, в темноте выбрать место поукромней злоумышленники не смогли. Бросив свою ношу, они быстро добрались до коляски и кружным путем направились к замку. Дело было сделано.

Патрик Грин не заблуждался насчет того, что осень выдалась теплой. Еще пара недель, и в деревню придут настоящие холода. Крестьянин всегда заранее заготавливал дрова и хворост для голландской печи, которую клал еще его отец лет тридцать назад.

Этим утром он велел жене покормить их годовалую дочь и приготовить обед к его возвращению. Глэдис прекрасно знала сама, что ей делать, но Патрику нравилось думать, что всем в доме заправляет он.

Грин надел теплый тулуп, сапоги, взял топор и веревку

и отправился в лес. Накануне был довольно сильный ветер, поэтому веток в лесу на земле оказалось великое множество. Патрик набрал уже большую кипу и наклонился, чтобы связать ветки вместе и сделать себе на спину удобную поклажу, когда из-за кустов послышался стон.

Крестьянин оставил в покое хворост и пошел поглядеть, кто там стонет в кустах. Он не поверил своим глазам: на земле среди опавших листьев лежал хорошо одетый господин. Глаза его были закрыты, а уста издавали жалобные стоны. Патрик взгляделся в его лицо и понял, что это секретарь леди Эстер – месье Фостер из Олдоакса.

Какой кошмар! Что же делать? Забыв свою вязанку, Грин со всех ног побежал к деревне за подмогой. Первый деревенский дом, самый близкий к лесу, был кабаком.

– Рей, – закричал крестьянин, – помоги!

Из дверей кабака, который ничем не отличался снаружи от других домов в деревне, вышел старый толстый кабатчик.

– Ты что кричишь, Патрик? – недовольно спросил он.

– Беда! Я нашел в лесу месье Фостера, секретаря госпожи. Он без сознания. Дай мне телегу и своего коня, я отвезу его в замок. Пусть они вызовут врача.

– Не спеши, Грин. Ты говоришь, месье Фостеру плохо?

– Ну да!

– Так отвези его к себе. Коня и телегу я тебе дам.

– Зачем мне везти его к себе?

– Ты что, так глуп, в самом деле? Не понимаешь, что если

ты привезешь его в замок, то хозяин обвинит тебя, что ты избил секретаря.

– Но на его лице нет синяков, а на теле – крови. Скорее, его отравили.

– Тогда сэр Джордж скажет, что ты его отравил. Вези месье Фостера к себе, и пусть твоя хозяйка его выходит, а потом уж доставишь его в замок.

– Ты прав, Рэй. Спасибо тебе за совет.

Вскоре Патрик, сидя в телеге кабатчика и управляя его конем, двинулся к лесу. Фостер лежал на прежнем месте и стонал. Видно, ему было очень плохо.

– Потерпите, месье, скоро вам станет легче, – сказал Грин, не будучи уверен, что пострадавший его слышит.

На секунду секретарь приоткрыл глаза, но быстро закрыл их снова. Крестьянин сначала положил в телегу собранные ветки, а затем поволок туда раненного, который не мог самостоятельно и шагу ступить.

Когда Патрик с месье Фостером подъехали к дому, Глэдис на огороде рвала зелень, чтобы положить ее в суп. Стройная и крепкая, с рыжими волосами и зелеными глазами, она даже в своей простой одежде выглядела очень красивой. Муж залюбовался ей. И как только она согласилась за него выйти? Он ведь старше нее, и роста небольшого, и волосы уже поредели, а ноги кривоваты.

– Патрик, что-то ты так рано вернулся? Обед еще не готов, – сказала она, разрушив очарование.

– Ничего. Оставь пока обед и подойди к телеге.

– Откуда ты ее взял?

– У Рэя одолжил. Ты посмотри, я привез месье Фостера, ему плохо.

Глэдис подошла к телеге и положила на лоб Фостера руку.

– Что-то он холодный. Неси его скорее в дом.

Через какое-то время Фостер, обложенный бутылками с горячей водой, глотал с ложечки кипяченое молоко. Он открыл глаза, но еще не пришел в себя окончательно.

В следующие два дня Глэдис почти неотлучно сидела рядом с Фостером. Патрику пришлось самому готовить обед и пеленать дочку. Зато месье секретарь очнулся и стал с аппетитом есть куриный бульон и вареные яички. Для важного гостя Грины свернули шею одной из своих курочек и сварили ее, а в курятнике взяли дюжину яиц.

– Где я? – спросил Фостер, как только смог говорить.

– Не беспокойтесь, месье секретарь. Вы в деревне, вы плохо себя почувствовали, и мой муж Патрик привез вас сюда. Он нашел вас утром в лесу, – ответила Глэдис.

– Но я же в кабаке с сэром Ричардом разговаривал... Так значит, это он...?

– Ну почему он? Может, у Рэя рыба протухла, вы и отравились.

– Я не ел рыбу, зато пил пиво. Я все понял. Мне нужно домой в Олдоакс.

– Муж сейчас в поле работает, а вечером он возьмет у Рэя

телегу и свезет вас в замок.

– Хорошо, несколько часов ничего не решат.

Вечером Патрик снова взял у кабатчика коня и телегу, удобно усадил важного гостя, накрыл его домотканым одеялом и двинулся в Олдоакс. Фостер велел везти его через главные ворота к парадному входу. У Ричарда, который решил переплюнуть соперника и в это время срезал на клумбе цветы для букета Лиле, при виде секретаря отвисла челюсть. А Фостер, не глядя на него и опираясь на руку Патрика, прошел в двери замка и направился в свою комнату.

Теперь, когда рядом не было леди Эстер, жизнь Лили снова сделала крутой поворот. Второй раз проклятое кольцо меняло все! Еще недавно девушка мечтала, что свадьба с Карлом не состоится или будет отложена, но такие перемены не могли ей присниться даже в страшном сне.

Лиля уселась возле окна. Она не плакала, не давала себе воли. Следовало бороться, но как? Сэр Джордж, который мог стать ее опорой, сдался без боя. Теперь у нее совсем, совсем не осталось защитников!

И вдруг странная мысль посетила Лилю. Карл! Как он отнесется к отставке, да еще от Ричарда Бэклоу? Может быть, с его помощью удастся отменить ужасную свадьбу? Как ни крути, больше надеяться не на кого.

Решительно поднявшись, Лиля вышла в парк. Розарий, любимое место ее прогулок, Ричард посещал редко. Здесь можно было не бояться встречи с ним и дать волю чувствам.

Карл, с детства привыкший вставать рано, возвращался с конной прогулки. Его гнедой, проскакавший галопом не одну милю, сейчас трусил рысцой, не мешая хозяину наслаждаться осенним утром. Дождь, сопровождавший Карла всю дорогу, ему не мешал. Погода Франглии переменчива. Если ждать солнца и тепла, можно всю жизнь провести в комнатах.

Карл думал о Лиле. Девушка оказалась так юна и прекрасна, что он женился бы на ней и без всякого приданого. Конечно, деньги нужны, но чувства, которые он испытывал к неожиданно появившейся невесте, были далеки от всяких расчетов.

Золотые кудри, чудесные глаза в обрамлении длинных ресниц, тонкий стан. И при этом полное отсутствие жеманства! Лили не хихикает, как принято у молодых девушек в присутствии потенциального жениха, не прячет лица и даже не шушукается с горничной. Пожалуй, во всей Франглии второй такой не сыскать.

Довольный прогулкой и полный радужных надежд, молодой Мортимер подъехал к Олдоаксу и увидел предмет своих мечтаний в розарии. Спрыгнув с коня и бросив поводья, он устремился к девушке. Увидев его, Лиля подняла глаза, и Карл с изумлением увидел у нее на ресницах слезы.

– Здравствуйте, дорогая! Что так огорчило мою очаровательную невесту? – спросил Карл.

– Как я рада вас видеть! – без тени смущения воскликнула девушка. – У нас в доме снова перемены. Сэр Ричард Бэклоу на правах главы семьи решил расторгнуть договоренности леди Эстер и хочет сам жениться на мне. А сэр Джордж со всем согласился.

– Вот как! – воскликнул Карл, меняясь в лице. – И вы ответили ему согласием?

– Нет, но меня никто не слушал. Мне было велено составить списки гостей и продуктов к праздничному столу, а венчание должно состояться, как только сэр Ричард уладит все формальности.

– Не плачьте, дитя мое. Я этого не допущу. Ричард Бэклоу не имеет надо мной никакой власти, и если он не отступится, я вызову его на дуэль.

Карл кивнул подоспевшему конюху и, разъяренный, пошел к дому. Эмма, выглянувшая из кухни, чтобы выплеснуть из таза грязную воду, пискнула и вжалась в стену. Однако Карл ее не заметил. Войдя в гостиную, молодой Мортимер наткнулся на Ричарда, вставшего непривычно рано.

Бэклоу так торопился уладить дела со свадьбой, что поднялся до завтрака. Следовало ехать в Лонгридж, получить разрешение на бракосочетание, затем договориться со священником. Конечно, помолвки не будет, она ни к чему. Если кто-нибудь из их окружения выкажет удивление, все можно обставить как жертву с его стороны.

Кто-то ведь должен управлять финансами и богатым по-

местьем Мортимеров, пока сэр Джордж не помер. Бедняга так растерялся после исчезновения жены, что не способен принимать никаких решений. Конечно, потом поместье отойдет Карлу, но до этого еще далеко, а Олдоакс и прилегающие земли дают хороший доход, не то, что поместье Бэк-лоу.

С этими благостными мыслями Ричард поднял глаза на Карла, сумевшего усилием воли взять себя в руки.

– А, дорогой родственник! – воскликнул Ричард. – Я как раз хотел с вами поговорить. Вы же знаете, как изменились обстоятельства после исчезновения тетки. Боюсь, вашу помолвку с Лили придется расторгнуть. Видите ли, теперь надо кому-то заниматься поместьем, а сэр Джордж, бедняга, совершенно расстроен. Я решил, что теперь вам с Лили совершенно нет смысла венчаться. Девочка ничего не умеет и не сможет быть вам хорошей женой. Зато я готов отступить в вашу пользу от мадемуазель Аркадии Стоун. Вот уж из кого выйдет образцовая жена! У нее и деньги есть. Вы же получили мое письмо?

– Вы негодяй! – опять вскипел Карл. – Как вы смеете распорядиться в фамильном поместье Мортимеров? Кутила и оборванец, промотавший свое наследство, решил пожить за мой счет! Не выйдет! Я помолвлен с Лили и женюсь на ней сам. А вы будьте любезны покинуть поместье и больше никогда здесь не появляться!

Тут Ричард сообразил, что, пожалуй, перегнул палку. Он

ведь Бэклоу, а не Мортимер. Все его планы возможны только с согласия сэра Джорджа, а его можно убедить в чем угодно.

– Ну что вы, дружище! Не стоит так кипятиться. Я для вас же стараюсь. На что вам эта девчонка, вчерашняя служанка? А Аркадия – дочь лорда, – улыбаясь, будто Карл удачно пошутил, ответил Ричард.

– Как вы смеете оскорблять мою невесту, негодяй? – вскричал Карл и в сердцах вlepил Ричарду пощечину.

Бэклоу пошатнулся и ухватился рукой за стол. Стол со скрипом поехал по паркету, оставляя грубую царапину. На звук в комнату влетели Эмма и Лиля, а через минуту появился и сэр Джордж.

Теперь уже рассвирепел и Ричард.

– Я вызываю вас на дуэль! – вскричал он.

– Отлично! – неожиданно холодно ответил Карл Мортимер. – Будем драться на шпагах. Я жду вас в парке возле беседки. И найдите себе секунданта.

Лиля в ужасе прижала руки к груди. Не хватало еще, чтобы кто-то погиб из-за ее неприятностей!

– Эмма, найдите, пожалуйста, моего слугу. Леон нужен мне немедленно, – попросил Карл и вышел из комнаты.

Сэр Джордж тяжело опустился в кресло. Без Эстер, какой бы требовательной и жесткой она не была, все пошло кувырком. Что сказала бы его жена, если бы узнала, что последний в роду Бэклоу собирается драться с наследником поместья Мортимеров? Гибель любого из них станет непоправимым

несчастьем для семьи. Впрочем, семьи уже нет, так что болеть сэру Джорджу решил за Карла. Ричард ему чужой, а Карл все же родственник, хоть и дальний.

Через полчаса все собрались в парке. Возле беседки, на ровной, засеянной газонной травой поляне, должно было свершиться судьбоносное событие. Ричард со своим слугой Чарли и Карл с Леоном о чем-то совещались. Лиля слышать их не могла, но в сопровождении верной Эммы стояла неподалеку, скрытая кустарником. Она не в силах была остаться в стороне, ведь решалась ее судьба!

Сэр Джордж, решивший сначала сделать вид, что поединок его не касается, не утерпел и тоже вышел в парк. Он занял место в беседке, оттуда поляна просматривалась во всех деталях.

Ричард был на год моложе Карла и, как все мужчины в роду Бэклоу, прекрасно фехтовал. Но постоянное пьянство сказалось на его форме. Карл, хоть и на год старше, вел более здоровую жизнь, а его умение владеть шпагой не уступало навыкам Ричарда.

Лиля от волнения еле стояла на ногах. Вероятно, немалую роль в этом играл корсет, не дававший ей вздохнуть полной грудью. Она держала в руках кольцо леди Эстер, с которым не расставалась после исчезновения графини. Все ее надежды на возвращение домой были связаны с ним, а без такой предосторожности перстень легко мог оказаться в руках Ричарда. Она отдавала себе отчет в том, что победа Ричарда

означала бы для нее не только ужасный брак, но и расставание с фамильной драгоценностью Бэклоу. В этом поединке все ее симпатии принадлежали Карлу. В конце концов, свадьба с ним состоится нескоро, а планы Ричарда могли привести к венчанию в ближайшие дни.

Погода благоприятствовала сражению. Дождь прекратился, по небу плыли редкие облака, трава почти просохла.

Леон взмахнул платком, и поединок начался. Ричард, как опытный дуэлянт, не спешил нападать. Не желая преждевременно растратить силы, он прощупывал Карла, делая пробные выпады. Карл успешно оборонялся, но тоже не переходил в наступление. Звенела сталь, но оба соперника были далеки от победы.

Ричард несколько запыхался и, желая дать себе передышку, опустил клинок и задел острием землю. По правилам, после этого поединок пришлось остановить и заменить ему оружие, ведь ранение испачканной в грязи шпагой грозило заражением крови.

Карл, поняв замысел Бэклоу, сменил тактику. Теперь он кружил вокруг Ричарда, делая внезапные выпады. Тот отскакивал и старался уклониться от удара. Бэклоу чувствовал, что не выдержит долго такого натиска, поэтому предпринял отчаянную атаку. Резкий выпад нацеленной в грудь противника шпагой, не принес, однако, желаемого результата. Лиля вскрикнула от испуга, решив, что ее защитник сражен ловким ударом, но Карл резко отскочил, и усилие Ричарда про-

пало даром. Выпрямляясь, он дал противнику долю секунды и получил укол в плечо. Карл вовсе не стремился убить соперника, он лишь хотел сломить его волю. Но Ричард не сдался. На мгновение зажав рану рукой, он вновь бросился в атаку. Но силы его подходили к концу. Заметив это, Карл ловким приемом выбил шпагу из руки Бэклоу. Лиля ахнула, солнечный луч пробился в просвет облаков и отразился в таинственном камне кольца. Миг – и девушка исчезла. Лишь фамильный перстень рода Бэклоу, потускнев, упал на траву.

Ричард зажимал рукой кровоточащее место укола и улыбался. Он проиграл, но девушка, а значит, и деньги, не достанутся никому. Побледневший Карл подбежал к тому месту, где только что стояла его невеста. Но от Лили не осталось и следа.

Подошел и Леон. Он принял шпагу у своего господина, наклонился и поднял кольцо.

– Пожалуй, лучше его убрать подальше. Оно уже натворило немало бед, – с этими словами Винс опустил перстень в карман. – Отнесу его сэру Мортимеру и попрошу запереть в сейф.

Глава 19. Добро побеждает

Самым близким и дорогим человеком для Насти всегда был отец. Они проводили вместе все свободное время: ходили в походы, играли в настольный теннис в парке, стреляли в тире. Когда Анатолий Аркадьевич уезжал в командировки на какие-нибудь конференции, а тем более в длительные – читать курс по геофизике в другом городе или за границей, она очень скучала. Но в этот раз он уезжал ненадолго и вернулся очень довольный. Настя уже ждала его дома, приготовив вкусный ужин и даже сварганив несложный пирог. Мама слишком уставала на работе, чтобы заниматься еще и готовкой. Когда в дверь позвонили, Настя ринулась открывать.

– Ура, папка приехал! – закричала она, как маленькая.

– Привет, Бельчонок, – ответил отец и чмокнул ее в щеку. Это прозвище осталось у Насти с малых лет, когда она в парке часами кормила белок.

– Привет, папка! Что ты мне привез?

– Замечательную вещь. Тебе понравится!

– Ну, ты сначала поужинай, – стараясь не проявлять любопытство, предложила Настя.

– Ужин подождет. Слушай, что я тебе расскажу. Приехал я на Геофак к Вольке, то есть у Вольдемару Виленовичу, а он мне рассказал, что на его кафедре ведется работа по изучению свойств огненного янтарина. Он получается из обыч-

ного нетоликса при определенных условиях. В природе такие условия довольно редки. Для этого необходимо попадание в камень молнии при определенной влажности воздуха и определенном атмосферном давлении. В лаборатории Волька смоделировал такие условия и получил огромный кусок янтарина.

– Здорово! А ты у него не попросил кусочек?

– Он сам мне предложил, причем дал мне уже заряженный. Ты представляешь, что это значит?

– Что мы сможем вернуть пропавшую девочку?

– Возможно. Но для этого, как ты уже знаешь, нужна временная дуга, а она возникает между двумя заряженными камнями.

– Послушай, этого нетоликса, насколько я знаю, полно везде. Его можно на дороге найти.

– Да, но не в таких количествах, как у Вольки. Вот что, я быстро поем, а потом будем звонить твоему Кириллу.

– Никакой он не мой, – с возмущением возразила Настя.

Отец, не слушая ее, пошел мыть руки и переодеваться, а затем принялся за Настины кулинарные шедевры. После ужина глаза его слипались, но он мужественно собрался звонить Воробьеву.

– Пап, а если этот твой янтарин на две части разбить, то между ними возникнет дуга? – спросила Настя.

– Наверное. Но какой нам от этого прок? Девочка в прошлом, ее надо перенести оттуда.

Анатолий Аркадьевич набрал номер Воробьева. Кирилл готовился принимать зачеты по темпорологии, просматривал свои конспекты, но с удовольствием прервался. Рассказ профессора Светлова его воодушевил, и они договорились все вместе пойти завтра в музей, сразу после зачета. Там они собирались посмотреть на фамильное кольцо Бэклоу и сравнить его с полученным на Геофаке минералом. Затем Кирилл позвонил Генке, и тот с удовольствием согласился участвовать в этой экспедиции.

Генка во время занятий совершенно не мог сосредоточиться, даже предстоящий экзамен по темпорологии отодвинулся в его сознании на второй план. Неужели они скоро вернут Лилю обратно?! Все-таки они добились этого! У отца Насти есть заряженный янтарин, и ничто не препятствует его использованию. Вот только настроен ли он на то время, в котором оказалась девочка, неизвестно. С этой точки зрения поход в музей оправдан – его директриса может что-то подсказать. В прошлый раз у Генки сложилось впечатление, что она рассказала ему не все, что знала.

– Копейников! – послышался голос Романовича, – выйдите к доске и напишите нам первый закон темпорологии.

– Почему я? – возмутился Генка.

– Вы так старательно что-то бурчите себе под нос. Видимо, повторяете основные формулы.

Генка вышел к доске и стал медленно рисовать оси координат.

– Вы решили изобразить требуемый закон геометрически? – спросил преподаватель.

Генка вздрогнул и стал рисовать синусоиду.

– Садитесь, Копейников, ваше счастье, что я уже сдал ведомости, иначе получили бы вы неуд. Но на экзамене этот номер не пройдет.

Генка воспрял духом и пошел на свое место. После занятий он встретился со счастливым Кириллом, который пребывал в счастливом предвкушении встречи с Настей. Вместе они пошли к Светловой.

Секретарша, которая по случаю пятницы надела новые узкие джинсы и яркую красную толстовку, подкрашивала на рабочем месте ресницы. Кирилл немного расстроился – он ее никуда не приглашал, а раз она красится, то собирается загулять с кем-то еще.

– Мальчики, привет. Так мы идем в музей? – спросила она.

У Кирилла отлегло от сердца.

– Да, – ответил он, – я... то есть мы... я хочу сказать...

– Насть, а твой отец когда к нам присоединится? – перебил его мычание Генка.

– Он уже подъехал и ждет нас в машине, хотя тут и пешком недалеко, – ответила девушка.

Анатолий Аркадьевич действительно приехал на машине, но предложил компании по случаю хорошей погоды прогуляться пешком.

– А вы не забыли янтарин? – спросил слегка осмелевший Кирилл.

– Нет, конечно, – ответил ученый, – он у меня во внутреннем кармане. При таком солнце я не рискую его вытаскивать: мало ли что произойдет. В помещении посмотрите.

Майское солнышко ласково грело спину. Теплый ветерок приятно касался кожи. Кирилл даже подумал, что зря взял с собой ветровку.

Элла Георгиевна, которую Настя заранее предупредила об их посещении, ждала посетителей в зале восемнадцатого века.

– Здравствуйте, рада вас видеть, – поприветствовала она их.

– Элла Георгиевна, – обратился к ней Настин отец, – я на правах руководителя данной экспедиции хочу представиться – Анатолий Аркадьевич Светлов, ученый-геофизик. Нас крайне интересует камень в старинном перстне Бэклоу.

– Вот он, в витрине, – крикнул уже нашедший искомый предмет Генка.

– Вы не совсем правы. Пройдемте в мой кабинет, – предложила директриса.

Все послушно пошли за ней. Кабинет находился недалеко от зала восемнадцатого века. Стоявшая в нем массивная мебель напоминала любимую Эллой Георгиевной старую Франглию. Видно, директриса, как любительница старины, сама руководила меблировкой комнаты. Посетители сели на

диван возле стены.

– Мы, собственно, по поводу перстня. Хотелось бы подробнее о нем узнать и посмотреть поближе, – напомнил Кирилл.

– Да, я поняла. Я должна вам признаться, что в витрине лежит другой камень.

– Боятесь, что украдут? – спросил Настин отец.

– Нет, тут дело в другом. Вы верите в путешествия во времени?

– Если бы и не верили, то в последнее время точно поверили, – ответил ученый.

– Это замечательно. Значит, после того, как я вам все расскажу, вы не вызовете для меня скорую помощь и не направите в сумасшедший дом.

– В этом вы можете быть уверены, – успокоил ее Кирилл.

– Тогда сначала обо мне. Я не Элла Георгиевна Белова и я не принадлежу этому времени. Меня зовут леди Эстер Мортимер, в девичестве Бэклоу. Я родилась в конце семнадцатого века и была перенесена в это время в возрасте тридцати пяти лет.

– Каким образом? – с недоверием спросил Настин отец.

– Вот молодой человек знает, – сказала она, указывая на Генку, – дело в том, что легенда, перевод которой на русский язык представлен в витрине, правдива. Камень Бэклоу способен переносить людей в будущее или прошлое. К сожалению, я не знаю, как это работает. Он в какой-то момент на-

чинает сиять, и человек переносится. Таким способом я и попала в двадцать первый век, совершенно этого не желая.

– Звучит как фантастика, – заметила Настя.

– И вы хотите попасть обратно? – спросил Генка.

– Конечно. Именно для этого я заменила перстень в витрине на другой, а полученное мной по наследству кольцо Бэклоу взяла себе и ношу на пальце. Я надеюсь, что когда-нибудь оно вернет меня домой. Хотя, эта надежда слабеет. Я живу в этом времени уже десять лет.

– Очень интересно. А вы можете показать нам этот перстень? Его даже не обязательно снимать с пальца. Мы просто хотим сравнить камень с другим образцом, который мы принесли с собой.

– Да, я не хотела бы его снимать перстень, – сказала леди Эстер и протянула посетителям руку, на безымянном пальце которой был надет перстень Бэклоу.

Анатолий Аркадьевич вынул из внутреннего кармана куртки привезенный из Москвы камень и положил его рядом с рукой директрисы. Никто из присутствующих не знал, что в поместье Мортимеров шпага вырвалась из руки дуэлянта и упала на землю. Что это был за миг! Внезапно между камнями появилось яркое свечение, камни будто слились, от них поднялась слепящая сверкающая радуга, конец которой уходил в бесконечность. Элла Георгиевна исчезла, а на диване рядом с Генкой появилась Лиля в голубом средневековом платье с корсетом и кринолином.

– Лилька! – закричал Копейников и стиснул ее из всех сил.

– Ой, ребра сломаешь, – простонала девушка.

– Лилька вернулась, ура! – заорал студент и закружил по-другу по комнате, оторвав ее от пола.

– Потрясающе! – воскликнул Анатолий Аркадьевич, – временная дуга сработала!

– Об этом можно диссертацию написать или, хотя бы, статью! Это же совершенно необычное явление, – заметил Кирилл.

– Вот вы, молодой человек, и пишите. А я вам помогу, – сказал Настин отец.

– Послушайте, – охладила их пыл Настя, – а где директриса? Она пропала!

– Видимо, ее мечта исполнилась – она вернулась в прошлое, – ответил ученый, – а вы теперь поняли? Если чего-то по-настоящему хочешь и добиваешься изо всех сил, то все обязательно получится.

– Лилька, как же тебя домой вести в таком прикиде? – задумался Генка.

– Не волнуйтесь. Моя машина около института, а это всего два квартала. Настя за ней сходит, – и Анатолий Аркадьевич кинул дочери ключи от машины.

– А я тебя провожу, ладно? – с надеждой спросил секретаршу Кирилл.

На пол упало скатившееся со стола кольцо Бэклоу. Види-

мо, во время переноса оно соскочило с пальца леди Эстер.

Сэр Джордж буквально окаменел: пропажа Лили поставила всю жизнь Олдоакса под удар – свадьба Лили и Карла не состоится, свою помолвку с Аркадией Ричард отменил, повседневными делами поместья опять заниматься некому.

– Что ты наделал, болван?! – крикнул сэр Мортимер Ричарду.

– Дядюшка, не волнуйтесь так, – попробовал его успокоить Бэклоу.

– Как я могу не волноваться, когда из-за тебя исчезли все члены моей семьи! Как мне жить дальше?

– Все образуется. Я перееду к вам и возьму все заботы на себя, – гнул свою линию Ричард.

– Этого никогда не будет, – раздался знакомый всем голос.

Перед своими родственниками, гостями и слугами предстала сама леди Эстер. Она была одета в странную одежду, но это, несомненно, была она.

– Дорогая, ты вернулась! – крикнул сэр Джордж и со слезами бросился в объятия жены.

– А... а..., – Бэклоу потерял дар речи от удивления.

– Я очень рад, что вы снова с нами, леди Мортимер, – поклонился хозяйке дома удивленный, но сдержанный Карл.

– Я тоже рада видеть свою семью и дорогого гостя, – ответила графиня, – если вы не возражаете, я переоденусь и немного отдохну. За ужином буду рада всех вас видеть и обсудить деловые вопросы.

Она развернулась и твердой походкой пошла к дому. Там ее встретила Эмма.

– Госпожа, какое счастье! Тут без вас столько всего произошло!

– Расскажешь обо всем подробно, пока будешь одевать меня, Эмма.

Они обе прошли в спальню леди Эстер. Пока Эмма затягивала на госпоже корсет, а затем причесывала ее, она без перерыва рассказывала обо всех новостях:

– Вы стали такая худенькая! И даже помолодели, – радостно восклицала она.

– Не отвлекайся. Рассказывай.

– Сэр Ричард отменил помолвку с леди Аркадией и собрался жениться на Лили. Месье Фостер тоже стал за ней ухаживать, но сэр Бэклоу ведь важнее, и ей пришлось бы выйти за него, если бы вы не появились. А сэр Карл вызвал сэра Бэклоу на дуэль и победил его.

– Хоть что-то хорошее произошло. Ну ладно, это мы исправим. А кто же занимался хозяйством во время моего отсутствия?

– Все на себя взяла мадемуазель Лили, ее попросил об этом сэр Джордж.

– Я не ошиблась в этой девушке, – с удовольствием заметила леди Эстер.

«Но каков наглец мой племянник! – думала она, – воспользовавшись моим отсутствием, он решил сорвать круп-

ный куш. Ничего, я приведу его в чувство. Он женится на Аркадии и поедет жить в свое имение. Его будущая жена способна привести там все в порядок».

– А где же Лили? – спросила графиня.

– О, госпожа, это такая беда! Она исчезла в момент дуэли, – ответила служанка.

– Вот как, ну что ж, для нее так только лучше, – грустно сказала хозяйка.

Эмма не поняла этой фразы, но побоялась переспрашивать.

– Значит, мне придется снова подыскивать невесту Карлу. Возможно, ему подойдет Летиция Физерлот. Пожалуй, я снова напишу ее отцу. А ты, Эмма, позови Фостера ко мне в кабинет, – распорядилась леди Эстер.

– Да, я забыла сказать вам про месье Фостера. Он отсутствовал несколько дней и вернулся только сегодня в плохом состоянии. Он, наверно, болен.

– Хорошо, тогда я сама его проведу, – с этими словами графиня поправила прическу небрежным движением руки и вышла из спальни.

Фостер действительно лежал в кровати – он был еще очень слаб после отравления морфием. При виде входящей госпожи он попытался встать, но леди Мортимер остановила его:

– Лежите, Фостер, разговаривать со мной вы можете и лежа.

– Я очень рад, что вы вернулись, леди Эстер, – приподни-

маясь на локте, сказал секретарь. Удивляться у него не было сил.

– Не знаю, правда ли это, – возразила леди Мортимер, – я ведь не одобрю ваши ухаживания за моей дочерью.

– Но я тут не виноват, госпожа. Я ухаживал за Лили только затем, чтобы сэр Ричард не женился на ней. У вас же по поводу него совсем другие планы.

– Теперь это не имеет значения, поскольку Лили исчезла, и вряд ли вернется, в отличие от меня.

– О, Боже! Как вам, должно быть, тяжело!

– Не так, как вы думаете, – сказала графиня, – моей дочери, надеюсь, хорошо сейчас, и она довольна жизнью. Но свои планы я выполню в отношении племянника и в отношении Карла. Поправляйтесь, Фостер. Кстати, что за болезнь вас поразила?

– Не знаю, говорить ли вам, госпожа. Похоже, меня пытались отравить.

– Кто?!

Фостер рассказал, как принял приглашение Ричарда выпить пива в кабаке, и как его нашел крестьянин в лесу, отвез к себе домой, как его жена выходила секретаря.

– Вы думаете, вас отравил Ричард?

– Не знаю, госпожа. Но больше никого рядом со мной в кабаке не было.

– Ну что же, я приму меры. Вам придется повторить свой рассказ в присутствии Эммы и Билла. А лучше, запишите

его, а свидетели поставят свои подписи.

– Хорошо, госпожа.

Для ужина леди Эстер надела серебристое платье в пол, а волосы укрепила бриллиантовой заколкой. Сэр Джордж по случаю возвращения жены надел выходной камзол. Он был так рад, что обещал себе больше не искать приключений на стороне и любить только законную супругу. Карл Мортимер и Ричард Бэклоу тоже переоделись к ужину и ждали в столовой прихода хозяйки. Графиня вошла и разрешила мужчинам сесть.

– Чтобы не портить некоторым из вас аппетит, я сначала скажу о делах, а потом приступим у трапезе, – сказала она, – Карл, вы должны жениться на девушке, которую я для вас найду. Не волнуйтесь, я сделаю хороший выбор. Ричард, вы возобновите помолвку с Аркадией Стоун. Я сегодня же напишу ей и извинюсь от вашего имени. И кроме того, я знаю, что вы сделали с Фостером. Его показания по этому поводу записаны, подписаны свидетелями и будут отправлены моему поверенному. В случае вашего неповиновения в будущем вы сядете в тюрьму уже не за долги, а за преступление посерьезнее. А теперь приступим к ужину.

Ричард устался в пол, аппетит у него исчез, а остальные с удовольствием воздали должное талантам поварихи Кэт. Только Карл грустил, что его невеста пропала, хотя это и не повлияло на его аппетит. Он уже привык к мысли, что жениться на Лили. Она начала ему нравится, и женитьба не казалась

неприятным, но необходимым поступком. Теперь придется привыкать к новой невесте, и неизвестно еще, как сложатся их отношения.